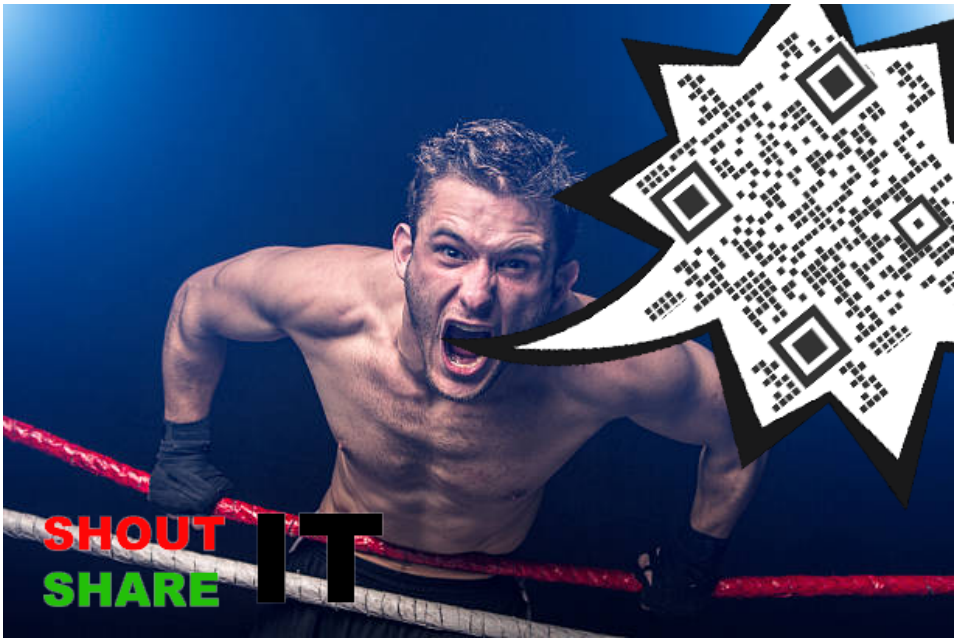
БЕСТСЕЛЛЕРЫ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Общение с трудными детьми

А.С. Макаренко

советский педагог, добившийся выдающихся достижений в области воспитания и перевоспитания молодежи


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ЮНЕСКО выделило всего четырех педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке. Среди них – Антон Макаренко, автор «Педагогической поэмы», известный своей работой с трудными детьми. Именно он предложил собственную систему воспитания и успешно воплотил свою теорию на практике.

В книгу включено наиболее важное и значительное из огромного педагогического наследия А. С. Макаренко. Все, кого интересуют проблемы воспитания подрастающего поколения, найдут в этой книге ответы на самые разнообразные вопросы: как завоевать родительский авторитет, как создать гармонию в семье, как выработать целеустремленность, как содействовать всестороннему развитию ребенка, как воспитать счастливого человека, и многое другое.

- Антон Семенович Макаренко
  - Введение
  - Глава первая
    - Цели воспитания
    - Особенности современной семьи
    - Структура семьи
    - Суть семейного воспитания
    - Виды родительского авторитета
    - Игра как способ воспитания и обучения
    - Дисциплина и режим в семье
    - Ведение семейного хозяйства
    - Формирование личности ребенка через трудовую деятельность
    - Проблемы полового воспитания
    - Как вырастить культурного человека
  - Глава вторая
    -
    - Нехватка родительского времени
    - Отсутствие семейного единства
    - Детская избалованность
    - Когда в семье один ребенок…
    - Уход одного из родителей
  - Глава третья
    -
    - О детской беспризорности и детских домах
    - Важность гибкого подхода в общении с трудным

ребенком. Детское пьянство и курение

- Коллектив как главная форма воспитательной работы с трудными детьми
- Сила традиции
- Трудовая дисциплина как средство перевоспитания
- Применение наказания
- Перспектива. Важность обозначения перспективы в работе с трудным ребенком
- Стиль и тон общения с трудными детьми
- Личность педагога
- Влияние детского учреждения на семью

Антон Семенович Макаренко
Общение с трудными детьми

Введение
Трудные дети – особенные или нет?… Методика воспитательной работы с трудными детьми

Воспитание детей – самая важная область нашей жизни. Наши дети – это будущее нашей страны и мира. Они будут творить историю. Наши дети – это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не все: наши дети – это наша старость. Правильное воспитание – это наша счастливая старость, плохое воспитание – это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него.

На страницах этой книги я буду говорить о воспитательной работе с так называемыми «трудными» детьми. Имейте только в виду, что я работник практического фронта, и поэтому такой уклон, несколько практический, в моих словах, конечно, будет… Но я считаю, что практические работники вносят замечательные коррективы в положения наук. Известно, что производительность труда повышается не простым увеличением расхода рабочей энергии, а при помощи нового подхода к работе, новой логики, новой расстановки элементов труда. Следовательно, производительность труда повышается при помощи метода изобретений, открытий, находок.

Область нашего производства – область воспитания – никоим образом не может быть исключена из этого общего движения. И в нашей области – я в этом глубоко убежден был всю жизнь – также необходимы изобретения, даже изобретения в отдельных деталях, даже в мелочах, а тем более в группах деталей, в системе, в частях системы. И такие изобретения могут идти, конечно, не от работников теоретического фронта, но от обычных, рядовых работников, вот таких, как я. Поэтому я без особого смущения позволяю себе рассказывать о своем опыте и о выводах из опыта, считая, что его значение должно находиться также в плоскости такого корректива, который вносит практический работник в определенные достижения теорий.

Каким багажом я обладаю, чтобы говорить с вами?

Многие считают меня специалистом по работе с беспризорными. Это неправда. Я всего работал тридцать два года, из них шестнадцать лет в школе и шестнадцать лет с беспризорными. Правда, в школе всю свою жизнь я работал в особых условиях – в школе, находящейся под постоянным влиянием общественности…

Точно так же и моя работа с беспризорными отнюдь не была специальной работой с беспризорными детьми. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы я с первых дней своей работы с беспризорными установил, что никаких особых методов по отношению к беспризорным употреблять не нужно; во-вторых, мне удалось в очень короткое время довести беспризорных до состояния нормы и дальнейшую работу с ними вести как с нормальными детьми.

В последний период моей работы с проблемными детьми я уже имел нормальный коллектив, вооруженный десятилеткой и стремящийся к тем обычным целям, к каким стремится наша обычная школа. Дети в нем, бывшие беспризорные, в сущности ничем не отличались от нормальных детей. А если отличались, то, пожалуй, в лучшую сторону, поскольку жизнь в трудовом коллективе давала чрезвычайно много добавочных воспитательных влияний, даже в сравнении с семьей. Поэтому мои практические выводы могут быть отнесены не только к беспризорным трудным детям, а и ко всякому детскому коллективу, и, следовательно, ко всякому работнику на фронте воспитания. Вот это первое замечание, которое я прошу вас принять во внимание.

Теперь несколько слов о самом характере моей практической педагогической логики. Я пришел к некоторым убеждениям, пришел не безболезненно и не быстро, а пройдя через несколько стадий довольно мучительных сомнений и ошибок, пришел к некоторым выводам, которые покажутся некоторым из вас странными, но относительно которых у меня есть достаточно доказательств, чтобы, не стесняясь, их доложить. Из этих выводов некоторые имеют теоретический характер. Я кратко перечислю их перед тем, как начать изложение своего собственного опыта.

Прежде всего интересен вопрос о самом характере науки о воспитании. У нас среди педагогических мыслителей и отдельных организаторов нашей педагогической работы есть убеждение, что никакой особенной, отдельной методики воспитательной работы не нужно, что методика преподавания, методика учебного предмета должна заключать в себе и всю воспитательную мысль.

Я с этим не согласен. Я считаю, что воспитательная область – область чистого воспитания – есть в некоторых случаях отдельная

область, отличная от методики преподавания.

Лично мне и на практике пришлось воспитательную цель иметь главную: поскольку мне поручалось перевоспитание так называемых правонарушителей, передо мной ставилась прежде всего задача – воспитать. Никто даже не ставил передо мной задачи – образовать. Мне давали мальчиков и девочек – правонарушителей, преступников, мальчиков и девочек со слишком яркими и опасными особенностями характера, и прежде всего передо ставилась цель – этот характер переделать.

Сначала казалось, что главное – это какая-то отдельная воспитательная работа, в особенности трудовое воспитание. На такой крайней позиции я стоял недолго, но другие мои коллеги стояли довольно долго. Иногда эта линия преобладала. Проводилась она при помощи как будто вполне допустимого утверждения: кто хочет – может заниматься в школе, кто не хочет – может не заниматься. Практически это кончалось тем, что никто всерьез не занимался. Стоило человеку потерпеть какую-нибудь неудачу в классе, и он мог реализовать свое право – не хотеть заниматься.

Я скоро пришел к убеждению, что школа является могучим воспитательным средством. В последние годы я подвергался гонениям за этот принцип утверждения школы как воспитательного средства со стороны отдельных работников. За последние годы я опирался на полную школу-десятилетку и твердо убежден, что перевоспитание настоящее, полное перевоспитание, гарантирующее от рецидивов, возможно только при полной средней школе – все-таки я и теперь остаюсь при убеждении, что методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной. И то и другое – методика воспитания и методика образования, по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки. Разумеется, эти отделы органически должны быть связаны. Разумеется, всякая работа в классе есть всегда работа воспитательная, но сводить воспитательную работу к образованию я считаю невозможным.

Теперь несколько слов о том, что может быть взято за основу методики воспитания.

Я прежде всего убежден в том, что методику воспитательной работы нельзя выводить из предложений соседних наук, как бы ни были разработаны такие науки, как психология и биология. Я убежден, что сделать из данных этих наук прямой вывод к воспитательному средству мы права не имеем. Эти науки должны иметь огромное значение в воспитательной работе, но вовсе не

как предпосылка для вывода, а как контрольные положения для проверки наших практических достижений.

Кроме того, я считаю, что воспитательное средство может быть выведено только из опыта (и проверено и утверждено положениями таких наук, как психология, биология и другие).

Это мое утверждение происходит из следующего: педагогика, в особенности теория воспитания, есть прежде всего наука практически целесообразная. В чем я убежден твердо – это в том, что ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено дедуктивным путем, путем просто силлогистическим, путем формальной логики, не может быть выведено педагогическое средство. Я уже сказал, что педагогическое средство должно выводиться первоначально из нашей общественной жизни.

Вот в области цели, в области целесообразности я убежден, что педагогическая теория погрешила прежде всего. Все ошибки, все уклоны в нашей педагогической работе происходили всегда в области логики целесообразности. Условно будем называть это ошибками. Я вижу в педагогической теории три типа этих ошибок: это тип дедуктивного высказывания, тип этического фетишизма и тип уединенного средства.

Я в своей практике очень много страдал от борьбы с такими ошибками. Берется какое-нибудь средство и утверждается, что следствие из него будет вот такое; к примеру, возьмем историю комплекса. Рекомендуется средство – комплексный метод преподавания; из этого средства спекулятивно, логическим путем выводится утверждение, что этот способ преподавания приводит к хорошим результатам.

Вот это следствие, что комплексный способ приводит к хорошим результатам, утвердилось до проверки опытом; но утвердилось, что результат обязательно будет хороший; в каких-то тайниках психики, где-то будет спрятан хороший результат.

Когда скромные работники-практики требовали: покажите нам этот хороший результат, нам возражали: как мы можем открыть человеческую душу, там должен быть хороший результат, это – комплексная гармония, связь частей. Связь отдельных частей урока – она обязательно в психике человека должна отложиться положительным результатом. Значит, проверка опытом здесь и логически не допускалась. И получался такой круг: средство хорошее – должен быть хороший результат, а раз хороший результат, – значит, хорошее средство.

Таких ошибок, проистекающих из преобладания дедуктивной логики, не опытной логики, было много.

Много было ошибок и так называемого этического фетишизма. Вот вам, например, трудовое воспитание.

И я в том числе тоже погрешил такой ошибкой. В самом слове «труд» столько приятного, столько для нас священного и столько оправданного, что и трудовое воспитание нам казалось совершенно точным, определенным и правильным. А потом оказалось, что в самом слове «труд» не заключается какой-либо единственно правильной, законченной логики. Труд сначала понимался как труд простой, как труд самообслуживания, потом труд как трудовой процесс бесцельный, непроизводительный – упражнение в трате мускульной энергии. И слово «труд» так освещало логику, что казалась она непогрешимой, хотя на каждом шагу обнаруживалось, что непогрешимости настоящей нет. Но настолько верили в этическую силу самого термина, что и логика казалась священной. А между тем мой опыт показал, что вывод какого-либо средства из этической окраски самого термина невозможен, что и труд в применении к воспитанию может быть организован разнообразно и в каждом отдельном случае может дать различный результат. Во всяком случае труд без идущего рядом образования не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать нравственно, если он не будет участвовать в общественной жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата.

Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы.

И наконец, еще одна ошибка – это тип уединенного средства. Очень часто говорят, что такое-то средство обязательно приводит к таким-то результатам. Одно средство. Возьмем как будто бы на первый взгляд самое несомненное утверждение, которое часто высказывалось на страницах педагогической печати, – вопрос о наказании. Наказание воспитывает раба – это точная аксиома, которая не подвергалась никакому сомнению. В этом утверждении, конечно, были и все три ошибки. Тут была ошибка и дедуктивного предсказания, и ошибка этического фетишизма. В наказании логика начиналась от самой окраски этого слова. И наконец, была ошибка уединенного средства – наказание воспитывает раба. А между тем я убежден, что никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятое от системы. Никакое средство вообще, какое бы ни взяли, не может быть признано ни хорошим, ни плохим, если мы рассматриваем его отдельно от других средств, от целой системы, от целого комплекса влияний. Наказание может воспитывать раба, а иногда может воспитывать и очень хорошего человека, очень свободного и гордого человека. Представьте себе, что в моей практике, когда стояла задача

воспитывать человеческое достоинство и гордость, то я этого достигал и через наказание.

Потом я расскажу, в каких случаях наказание приводит к воспитанию человеческого достоинства. Конечно, такое следствие может быть только в определенной обстановке, то есть в определенном окружении других средств и на определенном этапе развития. Никакое средство педагогическое, даже общепринятое, каким обычно у нас считается и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда абсолютно полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие.

Иногда оно будет хорошо, иногда плохо. Возьмите индивидуальное воздействие, беседу воспитателя с глазу на глаз с воспитанником. Иногда это будет полезно, а иногда вредно. Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности или вредности, взятое уединенно от всей системы средств. И наконец, никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная.

Я лично убежден в следующем: если мы возьмем обычную школу, дадим ее в руки хороших педагогов, организаторов, воспитателей и эта школа будет жить двадцать лет, то в течение этих двадцати лет в хороших педагогических руках она должна пройти такой замечательный путь, что система воспитания в начале и в конце должна сильно отличаться одна от другой.

В общем педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры. Я не говорю, что так уже я все проверил на опыте, вовсе нет, и для меня есть еще очень много неясностей, неточностей, но я это утверждаю как рабочую гипотезу, которую во всяком случае надо проверить. Для меня лично она доказана моим опытом.

Между прочим, я убежден, что логика того, что я сказал, не противоречит и опыту наших лучших школ, и очень многих наших лучших детских и недетских объединений.

Вот это общие предварительные замечания, на которых я хотел остановиться.

Глава первая
Откуда берутся трудные дети, или Как НЕ воспитать трудного ребенка?

Цели воспитания

Теперь перейдем к самому главному вопросу, к вопросу об установке целей воспитания. Кем, как и когда могут быть установлены цели воспитания и что такое цели воспитания?

Я под целью воспитания понимаю программу человеческой личности, программу человеческого характера, причем в понятие характера я вкладываю все содержание личности, то есть и характер внешних проявлений и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знания – решительно всю картину человеческой личности; я считаю, что мы, педагоги, должны иметь такую программу человеческой личности, к которой мы должны стремиться.

В своей практической работе я не мог без такой программы обойтись. Ничто так человека не учит, как опыт. Когда-то мне дали несколько сот человек, и в каждом из них я видел глубокие и опасные стремления характера, глубокие привычки, я должен был подумать: а каким должен быть их характер, к чему я должен стремиться, чтобы из этого мальчика, девочки воспитать человека? И когда я задумался, то увидел, что на этот вопрос нельзя ответить в двух словах. Воспитать хорошего человека – это мне не указывало пути. Я должен был прийти к более развернутой программе человеческой личности. И, подходя к программе личности, я встретился с таким вопросом: что – эта программа личности должна быть одинакова для всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня может быть программа! И я не мог этого вопроса так просто, отвлеченно разрешить, но он у меня был разрешен практически в течение десяти лет.

Я увидел в своей воспитательной работе, что да, должна быть и общая программа, «стандартная», и индивидуальный корректив к ней. Для меня не возникал вопрос: должен ли мой воспитанник выйти смелым человеком, или я должен воспитать труса. Тут я допускал «стандарт», что каждый должен быть смелым, мужественным, честным, трудолюбивым. Но как поступать, когда подходишь к таким нежным отделам личности, как талант? Вот иногда по отношению к таланту, когда стоишь перед ним, приходится переживать чрезвычайные сомнения.

У меня был такой случай, когда мальчик окончил десятилетку. Его фамилия Терентюк. Он очень хорошо учился –

на пятерки, потом пожелал пойти в технологический вуз. Я в нем открыл большой артистический талант раньше этого, причем талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика. Я видел, что именно в области актерской работы он может дать большой результат, а в технологическом училище он будет средним студентом. Но тогда было такое увлечение, все мои «пацаны» хотели быть инженерами. А уж если заведешь речь о том, чтобы идти в педагоги, так прямо в глаза смеялись: «Как это сознательно, нарочно идти в педагоги?» – «Ну, иди в актеры». – «Да что вы, какая это работа у актера?» И вот он ушел в технологический институт при моем глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актера. Я сдался, я не имею права, в конце концов совершать такую ломку…

Но здесь я не удержался. Он проучился полгода, участвовал в нашем драматическом кружке. Я подумал-подумал и решился – вызвал его на собрание, говорю, что вношу жалобу на Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушел в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум». Он ходил очень грустный, но не подчиниться коллективу он не мог, – он получал стипендию, общежитие в коллективе. И сейчас он прекрасный актер, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в десять лет. И сейчас он мне очень благодарен.

> Я под целью воспитания понимаю программу человеческой личности, программу человеческого характера, причем в понятие характера я вкладываю все содержание личности, то есть и характер внешних проявлений и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знания – решительно всю картину человеческой личности.

Но все-таки, если бы теперь передо мной стояла такая задача, я бы боялся ее решить – кто его знает, какое я имею право произвести насилие? Вот право производить такую ломку – вопрос для меня не решенный. Но я глубоко убежден, что перед каждым педагогом такой вопрос будет вставать – имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я считаю, что вопрос должен быть решен так: имеет

право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело – иметь право, а другое дело – уметь это сделать. Это две различные проблемы. И очень возможно, что в дальнейшем подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку. Ведь учат врача, как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепанацию» производить, может быть, более тактично, более успешно, чем я это сделал, но как, следуя за качествами личности, за ее наклонностями и способностями, направить эту личность в наиболее нужную для нее сторону.

Особенности современной семьи

Теперь ваше внимание на некоторые вопросы, которые имеют общее значение, которые относятся ко всем отделам, ко всем деталям воспитания, которые всегда нужно помнить.

Прежде всего, обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. Правильное воспитание с самого раннего детства – это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силе каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое.

Прежде всего, обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать.

Совсем другое – перевоспитание. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребенка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания – уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя все это найдется. Возьмем даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смотрят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но никто не хочет подсчитать, сколько все-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь еще более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания, переделки – это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно.

Очень много ошибок в семейной работе получается от того, что родители как будто забывают, в какое они живут время. Бывает, родители на работе, вообще в жизни, в обществе

выступают как хорошие люди, а дома, среди детей, живут по старинке.

Родители должны подумать, чем отличается новая семья от старой. В прежние времена отец имел больше власти, дети жили в полной его воле и податься им от отцовской воли было некуда. Многие отцы такой властью и злоупотребляли, относились к детям жестоко, как самодуры. Теперь все иначе. Например, девушка не будет ждать, пока ей родители найдут жениха… Семья должна руководить чувствами своих детей. Очевидно, что мы уже не можем пользоваться в этом деле старыми способами, а должны находить новые.

Для детей в настоящее время предоставлены очень широкие просторы выбора. В этом выборе решающую роль играют исключительно способности и подготовка ребенка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и дети. При таких условиях становится просто невозможным никакое отцовское усмотрение. Для родителей теперь нужно рекомендовать гораздо более тонкое, осторожное и умелое руководство.

Семья давно перестала быть отцовской семьей. Женщина пользуется такими же правами, как и мужчина, мать имеет права, равные правам отца. Наша семья подчиняется не отцовскому единовластию, а представляет собой коллектив. В этом коллективе родители обладают известными правами. Откуда берутся эти права?

В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно Богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. Родители отвечают за свою семью и поэтому имеют некоторую власть и авторитет. Хотя каждая семья составляет коллектив равноправных членов общества, все же родители и дети отличаются тем, что первые руководят семьей, а вторые воспитываются в семье.

Обо всем этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший, ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа.

Структура семьи

Мы знаем, что воспитательная работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин, и прежде всего от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семьи, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер.

Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребенок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ними проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату – это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для воспитания.

Бывают и другие случаи неполной семьи. Очень болезненно отражается на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто друг друга ненавидят и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно, можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он не может благотворно влиять на свою старую семью, то лучше постарается, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи – вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно.

Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Суть семейного воспитания

Следующий вопрос, на который нужно обратить самое серьезное внимание, – это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что они хотят воспитать в своем ребенке. Надо отдавать себе ясный отчет относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать человека знающего, энергичного, честного, преданного своему делу, трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец? Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами ошибок, и много правильных путей впереди.

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий деятель и будущий борец. Если вы напутаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте его надоедливым резонерством. Ведь в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними, вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей; они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина.

Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение.

Родительское требование к себе, родительское

уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом – вот первый и самый главный метод воспитания!

Ваше собственное поведение – самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету – все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом – вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина; в руках враля он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки.

На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается фокусов, то нужно раз навсегда запомнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства,

легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщенны – будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время.

А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени!

Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружен ваш ребенок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни все равно ему придется столкнуться с различными соблазнами, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него умение разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно. В парниковом воспитании, в изолированном высиживании нельзя этого выработать. Поэтому, совершенно естественно, вы должны допустить самое разнообразное окружение ваших детей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо вовремя помочь, вовремя остановить их, направить. Таким образом, от вас требуется только постоянный корректив в жизнь ребенка, но вовсе не то, что называется вождением за руку. В свое время мы коснемся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нем только потому, что зашел разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени. И еще раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома.

Истинная сущность воспитательной работы, вероятно вы и сами уже догадались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребенком, не в прямом воздействии на ребенка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребенка. Воспитательная работа

есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребенка вы что-нибудь сделаете крупное и уделите этому крупному все ваше внимание, а все остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка – все это такие вещи, которые могут иметь в жизни ребенка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать ее и будет самой ответственной вашей задачей.

Далее мы рассмотрим отдельные методы воспитательной работы в семье более подробно.

Подведем некоторые итоги.

1. Надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием «трудного ребенка», что гораздо труднее.

2. Надо помнить, что вы руководите семьей. По возможности надо добиваться правильной структуры этой семьи.

3. Необходимо иметь перед собой точную цель и программу воспитательной работы.

4. Надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению.

5. Не нужно надеяться ни на какие рецепты и фокусы. Нужно быть серьезным, простым и искренним.

6. Не нужно рассчитывать на большую трату времени, нужно уметь руководить ребенком, а не оберегать его от жизни.

7. Главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи с пристальным учетом мелочей.

Виды родительского авторитета

Воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а между тем без авторитета невозможен воспитатель. Самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребенка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: «Что делать с ребенком, если он не слушается?» Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берется родительский авторитет, как он организуется? Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет дается от природы, что это – особый талант. Если таланта нет, то и поделать ничего нельзя, остается только позавидовать тому, у кого такой талант есть. Эти родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье, и это даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. Детское послушание может быть только одним из путей к этой цели. Как раз те родители, которые о настоящих целях воспитания не думают, добиваются послушания для самого послушания. Если дети послушны, родителям живется спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На поверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго. Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро все разрушается, не остается ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые дети.

Есть много сортов такого ложного авторитета. Мы рассмотрим здесь более или менее подробно десяток этих сортов. Надеемся, что после такого рассмотрения легче будет выяснить, каким должен быть авторитет настоящий. Приступим.

Авторитет подавления. Это самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким

авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердит, за каждый пустяк разражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребенка отмечает наказанием, то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью: не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и в то же время он воспитывает в ребенке жестокость. Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни мстящие за подавленное детство. Этот самый дикий сорт авторитета бывает только у некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.

Авторитет расстояния. Есть такие отцы, да и матери, которые серьезно убеждены: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любили этот вид в некоторых интеллигентских семьях. Здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь отдельный кабинет, из которого он показывается изредка как первосвященник. Обедает он отдельно, развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передает через мать. Бывают и такие матери: у них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы.

Авторитет чванства. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. У каждого человека есть свои заслуги. Но некоторые люди считают, что они самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают своим детям. Дома они даже больше пыжатся и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что, пораженные таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа – начальник, мой папа – писатель, мой папа – командир, мой папа – знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его

дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт – все это дает им основание для чванства, для отделения от остальных людей и от своих собственных детей.

Авторитет педантизма. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают, как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово их – это святыня. Свои распоряжения они отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа человек нетвердый. Если такой папа сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, все же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он вообще запретил детям ходить в кино, в том числе и на хорошие картины. Папа наказал ребенка, потом обнаружилось, что ребенок не так виноват, как казалось сначала, папа ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть. На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребенка он видит нарушение порядка и законности и пристает к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребенка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно; он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонерства. В этом случае родители буквально заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребенку несколько слов, может быть даже в шутливом тоне, родитель усаживает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей быть непогрешимыми. Но они забывают, что дети – это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребенок живет более эмоционально, более страстно, чем взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить должна приходить к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их хуление и болтливость проходят почти бесследно в их сознании. В резонерстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространенный вид ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети

слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребенок не слушается, у него немедленно спрашивают: «Значит, ты папу не любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто мать при детях рассказывает знакомым: «Он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребенок…».

Такая семья настолько погружается в море сентиментальности и нежных чувств, что уже ничего другого не замечает. Мимо внимания родителей проходят многие важные мелочи семейного воспитания. Ребенок все должен делать из любви к родителям.

В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, не хватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С самых малых лет ребенок начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчетом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии нет чувства товарищества.

Это очень опасный вид авторитета. Он выращивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это самый неумный вид авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступает перед ребенком в образе доброго ангела. Они все разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они предпочитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать, только бы все было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний капризов, требований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Авторитет дружбы. Довольно часто еще и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо. Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но все же родители остаются старшими членами семейного коллектива и дети все же остаются воспитанниками. Если дружба достигает крайних пределов, воспитание прекращается или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Маруськой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

Авторитет подкупа – самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Родители, не стесняясь, так и говорят: будешь слушаться – куплю тебе лошадку, будешь слушаться – пойдем в цирк.

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование; но ни в каком случае нельзя детей премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учебу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстегивать детей в их школьной или иной работе соблазнительными обещаниями.

Мы рассмотрели несколько видов ложного авторитета. Кроме них, есть еще много сортов. Есть авторитет веселости, авторитет учености, авторитет «рубахи-парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь, как попало и как-нибудь тянут волынку воспитания детей. Сегодня родитель нагремел и за пустяк наказал мальчика, завтра он признается ему в любви, послезавтра ему что-нибудь обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да еще и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать – другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой. Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только своем спокойствии.

В чем же должен состоять настоящий родительский авторитет в семье?

Главным основанием родительского авторитета только и может быть жизнь и работа родителей, их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью детей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчет в своих действиях и поступках, это значит, что у них есть и родительский авторитет, и не нужно искать никаких иных оснований, и тем более не нужно придумывать ничего искусственного.

Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью детей.

Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец или мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители. Дело отца или матери должно выступать перед ребенком как серьезное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть прежде всего действительной ценностью, а не только внешностью.

При этом нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и свое достоинство. Ни в коем случае родители не должны предоставляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем не сравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет родителей только тогда станет на настоящую высоту, если это не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода, – значит, вы воспитали его правильно.

Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта. События международной жизни, достижения литературы – все должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это – порочная установка. Вы должны искренне, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать ее перед детьми. Будьте покойны, они сами все

увидят, что нужно.

Родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. **И прежде всего вы должны знать, чем живет, интересуется, что любит, что не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребенок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное.** Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведет себя в классе. Это все вы должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребенка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать.

Все это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливыми расспросами, дешевым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети сами вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании. Иногда вы должны пригласить к себе друзей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти друзья, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьей.

Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни.

И если у вас будет такое знание и такое внимание, это не пройдет незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это.

Авторитет знания необходимо приведет и к ***авторитету помощи***. В жизни каждого ребенка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи. Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет это сделать, вы сами должны прийти с помощью.

Часто эта помощь может быть оказана в прямом совете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребенка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом. Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с друзьями детей, либо побывать в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это – самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сестры.

Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо

предоставить ребенку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребенок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и пришел в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребенок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам.

Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится ***авторитетом знания***. Ребенок будет чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нем, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь все делать за него, снять с него ответственность.

Вот именно линия ответственности является следующей важной линией родительского авторитета. Ни в каком случае ребенок не должен думать, что ваше руководство семьей и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете не только за себя, но и за него. Не нужно бояться открыто и твердо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно еще многому учиться, что они должны вырасти хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели, что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если ***авторитет ответственности*** уже создан в представлении ребенка. Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове.

Кратко резюмируем сказанное.

1. Авторитет необходим в семье.

2. Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами.

Действительный авторитет основывается на вашей деятельности, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание.

Игра как способ воспитания и обучения

Игра имеет важное значение в жизни ребенка, имеет то же значение, какое у взрослого имеет деятельность, работа, служба. Каков ребенок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе ее в работу.

Этот переход совершается очень медленно. В самом младшем возрасте ребенок преимущественно играет, его рабочие функции очень незначительны и не выходят за пределы самого простого самообслуживания: он начинает самостоятельно есть, укрываться одеялом, надевать штанишки. Но даже и в эту работу он еще вносит много игры. В хорошо организованной семье эти рабочие функции постепенно усложняются, ребенку поручаются все более сложные работы, сначала исключительно в целях самообслуживания, потом и такие работы, которые имеют значение для всей семьи. Но игра в это время составляет главное занятие ребенка, наиболее его увлекает, интересует.

В школьном возрасте работа уже занимает очень важное место, она связана с более серьезной ответственностью, она связана и с более определенными и ясными представлениями о будущей жизни ребенка, это уже работа такого сорта, которая близко стоит к общественной деятельности. Но и в это время ребенок еще очень много играет, любит игру, ему даже приходится переживать довольно сложные коллизии, когда игра кажется настолько симпатичнее работы, что хочется отложить работу и поиграть. Если такие коллизии происходят, это значит, что воспитание ребенка в игре и в рабочих функциях происходило неправильно, что родители допустили какие-то перегибы. Отсюда уже видно, какое важное значение имеет руководство игрой ребенка. В жизни мы встречаем много взрослых людей, давно окончивших школу, у которых любовь к игре преобладает над любовью к работе. Сюда нужно отнести всех людей, которые слишком активно гоняются за удовольствиями, которые забывают о работе ради хорошей, веселой компании. К этому сорту людей нужно отнести и тех, которые позируют, важничают, фиглярничают, лгут без всякой цели. Они принесли из детства в серьезную жизнь игровые установки, у них эти установки не были правильно преобразованы в рабочие установки, – это значит, что они плохо воспитаны, и это плохое воспитание происходило преимущественно в неправильно

организованной игре.

Все сказанное вовсе не означает, что нужно как можно раньше отвлекать ребенка от игры и переводить на рабочее усилие и на рабочую заботу. Такой перевод не принесет пользы, он явится насилием над ребенком, он вызовет у него отвращение к работе и усилит стремление к игре. Воспитание будущего деятеля должно заключаться не в устранении игры, а в такой организации ее, когда играет остается игрой, но в игре воспитываются качества будущего работника и гражданина.

Для того чтобы руководить игрой ребенка и воспитывать его в игре, родители должны хорошо подумать над вопросом о том, что такое игра и чем она отличается от работы. Если родители не подумают над этим вопросом, не разберутся в нем как следует, они не смогут руководить ребенком и будут теряться в каждом отдельном случае, будут скорее портить ребенка, чем воспитывать.

Нужно прежде всего сказать, что между игрой и работой нет такой большой разницы, как многие думают. Хорошая игра похожа на хорошую работу, плохая игра похожа на плохую работу. Это сходство очень велико, можно прямо сказать: плохая работа больше похожа на плохую игру, чем на хорошую работу.

В каждой хорошей игре есть прежде всего рабочее усилие и усилие мысли. Если вы купите ребенку заводную мышку, целый день будете заводить ее и пускать, а ребенок будет целый день смотреть на эту мышку и радоваться – в этой игре не будет ничего хорошего. Ребенок в этой игре остается пассивным, все его участие заключается в том, что он глазеет. Если ваш ребенок будет заниматься только такими играми, из него и вырастет пассивный человек, привыкший глазеть на чужую работу, лишенный почина и не привыкший творить в работе новое, не привыкший преодолевать трудности. Игра без усилия, без активной деятельности – всегда плохая игра. Как видите, в этом пункте игра очень похожа на работу.

Игра доставляет ребенку радость. Это будет или радость творчества, или радость победы, или радость эстетическая – радость качества. Такую же радость приносит и хорошая работа. И здесь полное сходство.

Некоторые думают, что работа отличается от игры тем, что в работе есть ответственность, а в игре ее нет. Это неправильно: в игре есть такая же большая ответственность, как в работе, – конечно, в игре хорошей, правильной, об этом ниже будет сказано подробнее.

Чем же все-таки отличается игра от работы? Это отличие лежит только в одном: работа есть участие человека в

общественном производстве или в руководстве этим производством, в создании материальных, культурных, иначе говоря, социальных ценностей. Игра не преследует таких целей, к общественным целям она не имеет прямого отношения, но имеет к ним отношение косвенное: она приучает человека к тем физическим и психическим усилиям, которые необходимы для работы.

Теперь уже ясно, что мы должны потребовать от родителей в деле руководства детской игрой. Первое – это следить, чтобы игра не делалась единственным стремлением ребенка. Второе – чтобы **в игре воспитывались те психические и физические навыки, которые необходимы для работы и жизни.**

Первая цель достигается, как уже было сказано, постепенным вовлечением ребенка в область труда, который медленно, но неуклонно приходит на смену игре. Вторая цель достигается правильным руководством самой игрой: выбором игры, помощью ребенку в игре.

В настоящей беседе мы будем говорить только о второй цели, вопросу же о трудовом воспитании будет посвящена отдельная беседа.

Приходится очень часто наблюдать неправильные действия родителей в деле руководства игрой. Эта неправильность бывает трех видов. Некоторые родители просто не интересуются игрой своих детей и думают, что дети и сами знают, как лучше играть. У таких родителей дети играют как хотят и когда хотят, сами выбирают себе игрушки и сами организуют игру. Другие родители много внимания уделяют игре, даже слишком много, все время вмешиваются в игру детей, показывают, рассказывают, дают игровые задачи, часто решают их раньше, чем решит ребенок, и радуются. У таких родителей ребенку ничего не остается, как слушаться родителей и подражать им: здесь, в сущности, играют больше родители, чем ребенок. Если у таких родителей ребенок что-нибудь строит и затрудняется в постройке, отец или мать присаживается рядом с ним и говорит: «Ты не так делаешь, смотри, как надо делать». Если ребенок вырезывает что-нибудь из бумаги, отец или мать некоторое время смотрит на его усилия, а потом отбирает у него ножницы и говорит: «Давай я тебе вырежу. Видишь, как хорошо вышло?» Ребенок смущенно смотрит и видит, что у отца вышло действительно лучше. Он протягивает отцу второй листок бумаги и просит еще что-нибудь вырезать, и отец охотно это делает, довольный своими успехами. У таких родителей дети повторяют только то, что делают родители, они не привыкают преодолевать затруднения, самостоятельно добиваться повышения качества и

очень рано привыкают к мысли, что только взрослые все умеют делать хорошо. У таких детей развивается неуверенность в своих силах, страх перед неудачей.

Третьи родители считают, что самое главное заключается в количестве игрушек. Они расходуют большие деньги на игрушки, забрасывают детей самыми разнообразными игрушками и гордятся этим. Детский уголок таких родителей похож на игрушечный магазин. Такие родители как раз очень любят механические хитрые игрушки и заполняют ими жизнь коллекционерами игрушек, а в худшем случае – наиболее частом – без всякого интереса переходят от игрушки к игрушке, играют без увлечения, портят и ломают игрушки и требуют новых.

Правильное руководство игрой требует от родителей более вдумчивого и более осторожного отношения к игре детей.

Детская игра проходит несколько стадий развития, и в каждой стадии требуется особый метод руководства. Первая стадия – это время комнатной игры, время игрушки. Она начинает переходить во вторую стадию в возрасте 5–6 лет. Первая стадия характеризуется тем, что ребенок предпочитает играть один, редко допускает участие еще одного, двух детей. В эти годы ребенок любит играть своими игрушками и неохотно играет игрушками чужими. В этой стадии как раз развиваются личные способности ребенка. Не нужно бояться, что, играя один, ребенок вырастет эгоистом, нужно предоставить ему возможность играть в одиночестве, но нужно следить, чтобы эта первая стадия не затянулась, чтобы она вовремя перешла во вторую стадию. В первой стадии ребенок не способен играть в группе, он часто ссорится с товарищами по играм, не умеет найти с ними коллективный интерес. Нужно дать ему свободу в этой индивидуальной игре, не нужно навязывать ему компаньонов, потому что такое навязывание приводит только к разрушению игрового настроения, к привычкам нервничать и скандалить. Можно прямо утверждать: чем лучше ребенок играет в младшем возрасте в одиночку, тем лучшим товарищем он будет в дальнейшем. В этом возрасте ребенок отличается очень большой агрессивностью, он в известном смысле «собственник». Самый лучший метод заключается в том, что не нужно давать ребенку упражняться в этой агрессивности и в развитии «собственнических» побуждений. Если ребенок играет один, он развивает свои способности: воображение, конструктивные навыки, навыки материальной организации. Это полезно. Если же вы против его воли посадите его играть в группе, то этим самым не избавите его от агрессивности, себялюбия.

У некоторых детей раньше, у других позже это предпочтение

одинокой игры начинает перерастать в интерес к товарищам, к групповой игре. Надо помочь ребенку с наибольшей выгодой совершить этот довольно трудный переход. Нужно, чтобы расширение круга товарищей происходило в обстановке наиболее благоприятной. Обыкновенно этот переход происходит в виде повышения интереса ребенка к подвижным играм на свежем воздухе, к играм во дворе. Мы считаем наиболее выгодным такое положение, когда в группе детей во дворе есть один более старший, который пользуется общим авторитетом и выступает как организатор более молодых.

Вторая стадия детской игры труднее для руководства, так как в этой стадии дети уже не играют на глазах у родителей, а выходят на более широкую общественную арену. Вторая стадия продолжается до 11–12 лет, захватывая часть школьного времени.

Школа приносит широкую компанию товарищей, более широкий круг интересов и более трудную арену, в частности для игровой деятельности, но зато она приносит и готовую, более четкую организацию, определенный и более точный режим и, самое главное, помощь квалифицированных педагогов. Во второй стадии ребенок выступает уже как член общества, но общества еще детского, не обладающего ни строгой дисциплиной, ни общественным контролем. Школа приносит и то, и другое. Школа и является формой перехода к третьей стадии игры.

На этой третьей стадии ребенок уже выступает как член коллектива, при этом коллектива не только игрового, но и делового, учебного. Поэтому и игра в этом возрасте принимает более строгие коллективные формы и постепенно становится игрой спортивной, т. е. связанной с определенными физкультурными целями, правилами, а самое главное – с понятиями коллективного интереса и коллективной дисциплины.

На всех трех стадиях развития игры влияние родителей имеет огромное значение. Конечно, на первом месте по значению этого влияния нужно поставить первую стадию, когда ребенок не состоит еще членом другого коллектива кроме семейного, когда, кроме родителей, часто и нет других руководителей. Но и на других стадиях влияние родителей может быть очень велико и полезно.

В первой стадии материальным центром игры является игрушка. Игрушки бывают следующих типов:

– игрушка готовая, механическая или простая. Это разные автомобили, пароходы, лошадки, куклы, мышки, ваньки-встаньки и пр.;

– игрушка полуготовая, требующая от ребенка некоторой доделки: разные картинки с вопросами, картинки разрезные,

кубики, ящики-конструкторы, разнообразные модели;

– игрушка-материал: глина, песок, куски картона, слюды, дерева, бумаги, растения, проволока, гвозди.

У каждого из этих типов есть свои достоинства и недостатки. Готовая игрушка хороша тем, что она знакомит ребенка со сложными идеями и вещами, она подводит ребенка к вопросами техники и сложного человеческого хозяйства. Поэтому такая игрушка вызывает более широкую деятельность воображения. Паровоз в руках мальчика настраивает его на воображение на определенный транспортный лад, лошадь вызывает представление о жизни животного, заботу о кормлении и использовании. Родители и должны следить, чтобы эти хорошие стороны такой игрушки действительно были заметны для ребенка, чтобы он не увлекался только одной стороной игрушки, ее механичностью и легкостью для игры. И в особенности важно добиваться, чтобы ребенок не гордился тем, что вот папа или мама купили для него такую хитрую игрушку, да еще не одну, а много, а у других детей нет таких хороших игрушек. Вообще эти механические игрушки полезны только тогда, когда ребенок действительно с ними играет, а не только бережет для того, чтобы похвастаться перед соседями, и играет при этом не просто наблюдая движение игрушки, а организуя это движение в каком-нибудь сложном предприятии. Автомобили должны что-нибудь перевозить, ванька-встанька должен куда-нибудь переезжать или что-нибудь делать, куклы должны и спать и бодрствовать, одеваться и раздеваться, ходить в гости и совершать какую-нибудь полезную работу в игрушечном царстве. Для детской фантазии в этих игрушках заключается большой простор, и чем шире и серьезнее развертывается эта фантазия с такими игрушками, тем лучше. Если мишка просто перебрасывается с места на место, если его только тормошат и потрошат, это очень плохо. Но если мишка живет в определенном месте, специально для его жизни оборудованном, если он кого-то пугает или с кем-то дружит, это уже хорошо.

Второй тип игрушки хорош тем, что здесь ставится перед ребенком какая-нибудь задача – обыкновенно такая, которую нужно решить с известным напряжением, которую сам ребенок никогда бы поставить не мог. В разрешении этих задач уже требуется заметная дисциплина мышления, требуется логика, понятие о законном соотношении частей, а не простая вольная фантазия. А недостаток этих игрушек в том, что задачи эти всегда одни и те же, однообразны и надоедают своими повторениями.

Игрушки третьего типа – различные материалы – представляют самый дешевый и самый благодарный игровой

элемент. Эти игрушки ближе всего стоят к нормальной человеческой деятельности: из материалов человек создает ценности и культуру. Если ребенок умеет играть с такими игрушками, это значит, что у него есть уже высокая культура игры и зарождается высокая культура деятельности. В игрушке-материале есть много хорошего реализма, но в то же время есть простор и для фантазии, не простого воображения, а большой творческой рабочей фантазии. Если есть кусочки стекла или слюды, из них можно сделать окна, а для этого нужно придумать рамы, следовательно возбуждается вопрос о постройке дома. Если есть глина и стебли растений, возникает вопрос о саде.

Какой тип игрушек самый лучший? Мы считаем, что наилучший способ комбинировать все три типа, но ни в коем случае не в избыточном количестве. Если у мальчика или у девочки есть одна-две механические игрушки, не нужно покупать больше. Прибавьте к этому какую-нибудь разборную игрушку и побольше прибавьте всяких материалов, и вот уже игрушечное царство организовано. Не нужно, чтобы в нем было все, чтобы у ребенка разбегались глаза, чтобы он терялся в обилии игрушек. Дайте ему немного, но постарайтесь, чтобы из этого немногого он организовал игру. А потом наблюдайте за ним, прислушивайтесь незаметно к его игре, постарайтесь, чтобы он самостоятельно почувствовал какой-либо определенный недостаток и захотел его пополнить. Если вы купили ребенку маленькую лошадку и он увлекся задачей перевозки, естественно, что у него будет ощущаться недостаток в подводе или экипаже. Не спешите покупать ему эту подводу. Постарайтесь, чтобы он сам ее сделал из каких-нибудь коробок, катушек или картона. Если он такую подводу сделает, прекрасно – цель достигнута. Но если ему требуется много подвод и самодельных уже не хватает, не нужно, чтобы он обязательно сделал и вторую подводу, вторую можно и купить.

Самое главное в этой детской игре добиться, чтобы ребенок:

– действительно играл, сочинял, строил, комбинировал.

– не бросался от одной задачи к другой, не окончив первой, чтобы доводил свою деятельность до конца.

– в каждой игрушке видел определенную, нужную для будущего ценность, хранил ее, берег. В игрушечном царстве всегда должен быть полный порядок, должна производиться уборка. Игрушки не должны ломаться, а в случае поломок должен производиться ремонт; если он труден, то с помощью родителей.

Особенное внимание должны обратить родители на отношение ребенка к игрушке. Ребенок не должен ломать игрушку, должен любить ее, но не должен и бесконечно страдать,

если она испортилась или поломалась. Эта цель будет достигнута, если ребенок действительно привык считать себя хорошим хозяином, если он не боится отдельных ущербов и чувствует себя в силах поправить беду. Задачей отца и матери является всегда прийти на помощь ребенку в подобных случаях, поддержать его в отчаянии, доказать ему, что человеческая находчивость и труд всегда могут поправить положение. Исходя из того, мы рекомендуем родителям всегда принимать меры к починке поломанной игрушки, никогда не выбрасывать ее раньше времени. В процессе самой игры родители должны по возможности предоставить ребенку полную свободу действий, но только до той минуты, пока игра идет правильно. Если ребенок затруднился в каком-либо положении, если игра пошла слишком просто, неинтересно, нужно помочь ребенку: подсказать, поставить какой-либо интересный вопрос, добавить какой-либо новый, интересный материал, иногда даже и поиграть с ним.

Таковы общие формы метода на первой стадии игры.

На второй стадии от родителей требуется прежде всего внимание. Ваш ребенок вышел во двор, попал в группу мальчиков. Вы должны внимательно изучить, что это за мальчики. Ваша девочка тянется к подругам во дворе, вы должны хорошо знать этих девочек. Вы должны знать, чем увлекаются дети, окружающие вашего ребенка, чего у них не хватает, что плохо в их играх. Бывает очень часто, что внимание и инициатива одного отца или одной матери помогают изменить к лучшему жизнь целой группы детей в том или другом месте. Вы заметили, что дети зимой спускаются, как с горки, с обледеневшей мусорной кучи. Сговоритесь с другими родителями, а если не сговоритесь, то и одни помогите ребятам насыпать горку. Сделайте своему мальчику простые деревянные санки, и вы увидите, и у других ребят появится что-либо подобное. В этой стадии игры чрезвычайно важным и полезным будет общение родителей между собой, к сожалению, очень незначительное среди родителей. Бывает, что каждый родитель недоволен жизнью детей во дворе, но не поговорит с другим родителем, не придумают они вместе что-нибудь для улучшения этой жизни, а между тем это совсем не такое трудное дело и каждому оно по силам. На этой стадии дети уже организуются в некоторое подобие коллектива; будет очень полезно, если и их родители так же организованно будут руководить ими.

Очень часто бывает на этой стадии, что дети ссорятся, дерутся, жалуются друг на друга. Родители поступают ошибочно, если немедленно принимают сторону своего сына или дочери и сами ввязываются в ссору с отцом или матерью обидчика. Если

ваш ребенок пришел в слезах, если он обижен, если он страдает и уже озлоблен, не спешите раздражаться и бросаться в атаку на обидчика и на его родителей. Прежде всего расспросите спокойно вашего сына или вашу девочку, постарайтесь представить себе точную картину события. Редко бывает, что виновата какая-нибудь одна сторона. Наверное, и ваш ребенок в чем-либо погорячился; растолкуйте ему, что в игре не всегда нужно быть неуступчивым, что нужно по возможности искать мирные выходы из конфликтов. Постарайтесь во что бы то ни стало помирить вашего ребенка с противником, пригласите этого противника в гости и с ним поговорите, познакомьтесь с его отцом, выясните положение до конца. В этом деле самое главное заключается в том, что вы не должны видеть перед собой только вашего ребенка, но должны видеть перед собой всю группу детей и воспитывать ее вместе с другими родителями. Только в таком случае вы принесете наибольшую пользу и вашему ребенку. Он заметит, что вы не увлекаетесь семейным патриотизмом, что вы совершаете общественную работу, и будет видеть в этом пример для своего поведения. Нет ничего вреднее горячей агрессивности отца или матери по отношению к семье соседей; такая агрессивность как раз и воспитывает злобность характера у ребенка, подозрительность, дикий и слепой семейный эгоизм.

На третьей стадии руководство игрой уже не находится в руках родителей, оно передано школьной или спортивной организации, но у родителей остаются большие возможности для правильного влияния на характер ребенка. Во-первых, нужно внимательно следить, чтобы увлечение спортом не принимало характер всепоглощающей страсти, нужно указывать ребенку и на другие стороны деятельности. Во-вторых, нужно вызывать у мальчика или девочки гордость не только своим личным успехом, главным же образом гордость успехом команды или организации. Нужно также умерять всякую хвастливость, воспитывать уважение к силе противника, обращать внимание на организованность, тренировку, дисциплину в команде. Нужно, наконец, добиваться спокойного отношения к удачам и неудачам. И на этой стадии будет очень хорошо, если родители ближе познакомятся с товарищами по команде сына или дочери.

И на всех трех стадиях родители должны зорко наблюдать, чтобы игра не поглощала всю духовную жизнь ребенка, чтобы параллельно развивались и трудовые навыки.

В игре на всех трех стадиях вы должны воспитывать стремление к более ценным удовлетворениям, чем простое глазение, простое удовольствие, воспитывать мужественное преодоление трудностей, воспитывать воображение и размах

мысли. А на второй и третьей стадиях вы должны всегда иметь в виду, что здесь уже ваш ребенок вступил в общество, что от него уже требуется умение не только играть, но и правильно относиться к людям.

Резюмируем вышесказанное.

1. Игра имеет важное значение в жизни человека, она является подготовкой к настоящей жизни. Многие родители не обращают достаточного внимания на дело руководства игрой и либо предоставляют ребенка самому себе, либо окружают его игру излишней заботой и излишними игрушками.

2. Родители должны применять различные методы на разных стадиях игры, но всегда должны предоставить ребенку возможность самодеятельности и правильного развития его способностей, не отказывая в то же время в помощи ему в трудных случаях.

3. На второй и третьей стадиях нужно уже руководить не столько игрой, сколько отношением ребенка к другим людям.

Дисциплина и режим в семье

Слово «дисциплина» имеет несколько значений. Одни под дисциплиной понимают собрание правил поведения. Другие называют дисциплиной уже сложившиеся, воспитанные привычки человека, третьи видят в дисциплине только послушание. Все эти отдельные мнения в большей или меньшей степени приближаются к истине, но для правильной работы воспитателя необходимо иметь более точное представление о самом понятии «дисциплина».

Иногда дисциплинированным называют человека, отличающегося послушанием. Конечно, в подавляющем большинстве от каждого человека требуется точное и быстрое выполнение приказаний и распоряжений вышестоящих органов и лиц, и все же в современном обществе так называемое послушание является совершенно недостаточным признаком человека дисциплинированного – простое послушание нас удовлетворить не может, тем более не может удовлетворить слепое послушание.

Мы требуем гораздо более сложной дисциплинированности. Мы требуем, чтобы человек не только понимал, для чего и почему нужно выполнить тот или другой приказ, но чтобы он и сам активно стремился выполнить его как можно лучше. Мало этого. Мы требуем от человека, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно, что в этом деле он не остановился ни перед какими трудностями и препятствиями. Кроме этого, мы всегда требуем от человека, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, участка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение; умел прийти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя.

Само собой понятно, что нельзя воспитать такого дисциплинированного человека только при помощи одной дисциплины, т. е. упражнений в послушании. Дисциплинированный человек может быть воспитан только всей суммой правильных влияний, среди которых самое видное место должны занимать: воспитание, общее образование, книга, средства массовой информации, работа и даже такие как будто второстепенные вещи, как игра, развлечение, отдых. Только в совместном действии всех этих влияний может быть проведено правильное воспитание.

> Дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети.

Мы в особенности рекомендуем родителям помнить всегда это важное положение: **дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети**. В таком понимании дисциплина есть не причина, не метод, не способ правильного воспитания, а результат его. Правильная дисциплина – это тот хороший конец, к которому должен стремится воспитатель всеми своими силами и при помощи всех средств, имеющихся в его распоряжении. Поэтому каждый родитель должен знать, что, давая сыну или дочери книгу для чтения, знакомя его с новым другом, беседуя с ребенком о международном положении, о делах на работе, он вместе с другими делами добивается и цели большего или меньшего дисциплинирования.

Таким образом, под дисциплиной мы будем понимать широкий общий результат всей воспитательной работы.

Но есть и более узкий отдел воспитательной работы, который ближе всего стоит к воспитанию дисциплины и который часто смешивают с дисциплиной: это режим. Если дисциплина есть результат всей воспитательной работы, то режим есть только средство, только способ воспитания. Отличия режима от дисциплины – очень важные отличия, родители должны в них хорошо разбираться. Дисциплина, например, относится к числу тех явлений, от которых мы всегда требуем совершенства. Мы всегда желаем, чтобы в нашей семье, в нашей работе была самая лучшая, самая строгая дисциплина. И иначе быть не может: дисциплина – это результат, а во всяком деле мы привыкли бороться за самые лучшие результаты. Трудно представить себе человека, который сказал бы: «У нас дисциплина так себе, но нам лучшей и не надо…».

Такой человек или глупец, или настоящий враг. Всякий нормальный человек должен добиваться самой высокой дисциплины, т. е. самого лучшего результата.

Совсем другое дело режим. Режим, как мы уже говорили, – это только средство, а мы вообще знаем, что всякое средство в какой угодно области жизни нужно употреблять только тогда, когда оно соответствует цели, когда оно уместно. Поэтому можно представить себе самую лучшую дисциплину, и к ней мы всегда стремимся, но нельзя представить себе какой-нибудь идеальный,

самый лучший режим. В одних случаях один режим будет самым подходящим, в других случаях – другой.

Семейный режим не может быть и не должен быть одинаковым при различных условиях. Возраст детей, их способности, окружающая обстановка, соседи, величина квартиры, ее удобства, дорога в школу, оживленность улиц и многие другие обстоятельства определяют и изменяют характер режима. Один режим должен быть в большой семье, где много детей, и совершенно иной в такой семье, где один ребенок. Режим, полезный по отношению к малым детям, может принести большой вред, если его применять к более взрослым детям. Точно так же свои особенности имеет режим для девочек, в особенности в старшем возрасте.

Таким образом, под режимом нельзя понимать что-то постоянное, неизменное. В некоторых семьях часто делают такую ошибку, свято верят в целебность раз принятого режима, берегут его неприкосновенность в ущерб интересам детей и своим собственным. Такой неподвижный режим скоро становится мертвым приспособлением, которое не может принести пользы, а приносит только вред.

Режим не может быть постоянным по своему характеру именно потому, что является только средством воспитания. Каждое воспитание преследует определенные цели, причем эти цели всегда изменяются и усложняются. В раннем детстве, например, перед родителями стоит серьезная задача – приучать детей к чистоте. Стремясь к этой цели, родители устанавливают для детей особый режим, т. е. правила умывания, пользования ванной, душем или баней, правила уборки, правила соблюдения чистоты комнаты, постели, стола. Такой режим должен регулярно поддерживаться, родители никогда не должны забывать о нем, следить за его выполнением, помогать детям в тех случаях, когда они сами не могут что-либо сделать, требовать от детей хорошего качества работы. Если весь этот порядок организован хорошо, он приносит большую пользу, и наконец наступает такое время, когда у детей образуются привычки к чистоте, когда сам ребенок уже не может сесть за стол с грязными руками. Значит, можно уже говорить о том, что цель достигнута. Тот режим, который был нужен для достижения этой цели, теперь становится излишним. Конечно, это вовсе не значит, что его можно отменить в течение одного дня. Постепенно этот режим должен заменяться другим режимом, который преследует цель закрепить образовавшуюся привычку к чистоте, а когда эта привычка закреплена, перед родителями возникают новые цели, более сложные и более важные. Продолжать и в это время возиться только с чистотой

будет не только излишней тратой родительской энергии, но и вредной тратой: таким именно образом воспитываются бездушные чистюльки, у которых за душой ничего нет, кроме привычки к чистоте, и которые способны иногда кое-как выполнить работу, только бы не запачкать руки.

На этом примере с режимом чистоты мы видим, что правильность режима – явление временное и преходящее; так это бывает и со всяким другим средством, а режим есть только средство.

Следовательно, нельзя рекомендовать родителям какой-нибудь один режим. Режимов есть много, а нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке.

Несмотря на такое разнообразие возможных режимов, нужно все-таки сказать, что режим в семье должен всегда отличаться определенными свойствами, обязательными при всякой обстановке. Давайте выясним эти общие свойства.

Первое, на что мы обращаем внимание родителей, – это следующее: какой бы вы ни выбрали режим для вашей семьи, он должен быть прежде всего целесообразен. Любое правило жизни должно быть введено в семье не потому, что кто-то другой завел его у себя, и не потому, что с таким правилом жить приятнее, а исключительно потому, что это необходимо для достижения поставленной вами разумной цели. Эту цель вы и сами должны хорошо знать, и в подавляющем большинстве случаев должны знать ее и дети. Во всяком случае, и в ваших глазах, и в глазах детей режим должен иметь характер разумного правила. Если вы требуете, чтобы дети в определенный час сходились к обеду и садились за стол вместе с другими, то дети должны понимать, что такой порядок необходим для того, чтобы облегчить работу матери или домашней работницы, а также и для того, чтобы несколько раз в день собраться всей семьей, побыть вместе, поделиться своими мыслями или чувствами. Если вы требуете, чтобы дети не оставляли недоеденных кусков, то дети должны понимать, что это необходимо и из уважения к труду людей, производящих пищевые продукты, и из уважения к труду родителей, и из соображений семейной экономии. Известен и такой случай, когда родители требовали, чтобы дети за столом молчали. Дети, конечно, подчинялись этому требованию, но ни они, ни родители не знали, для чего введено такое правило. Когда родителей спросили об этом, они объяснили, что если за обедом разговаривать, то можно из-за этого подавиться. Такое правило, конечно, бессмысленно: у всех людей принято за столом беседовать, и от этого никаких несчастных случаев не происходит.

Рекомендуя родителям добиваться того, чтобы семейный режим имел разумный и целесообразный характер, мы в то же время должны предостеречь родителей, что вовсе не следует на каждом шагу объяснять детям значение того или другого правила, нельзя надоедать им такими объяснениями и толкованиями. По возможности нужно стараться, чтобы дети сами поняли, для чего это нужно. Только в крайнем случае нужно подсказать им правильную мысль. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы у детей как можно крепче складывались хорошие привычки, а для этой цели наиболее важным является постоянное упражнение в правильном поступке. Постоянные же рассуждения и разглагольствования о правильном поведении могут испортить какой угодно хороший опыт.

Вторым важным свойством каждого режима является его определенность. Если сегодня нужно чистить зубы, то нужно их чистить и завтра; если сегодня нужно убрать после себя постель, то нужно это сделать и завтра. Не должно быть так, что сегодня мать потребовала уборки постели, а завтра не потребовала и сама убрала. Такая неопределенность лишает режим всякого значения и обращает его в набор случайных, не связанных между собой распоряжений. Правильный режим должен отличаться определенностью, точностью и не допускать исключений, кроме таких случаев, когда исключения действительно необходимы и вызываются важными обстоятельствами. Как правило же, в каждой семье должен существовать такой порядок, чтобы малейшее нарушение режима было обязательно отмечено. Это нужно делать с самого малого возраста ребенка, и чем родители строже будут следить за выполнением режима, тем все меньше будет нарушений и тем реже впоследствии придется прибегать к наказаниям.

Мы обращаем особенное внимание родителей на это обстоятельство. Многие ошибочно полагают так: мальчик утром не убрал свою постель, стоит ли из-за этого поднимать скандал? Во-первых, он это сделал первый раз, во-вторых, неубранная постель – вообще пустяк, не стоит из-за нее портить мальчику нервы. Такое рассуждение целиком неправильно. В деле воспитания нет пустяков. **Неубранная постель обозначает не только возникающую неряшливость, но и возникающее пренебрежение к установленному режиму, начало такого опыта, который потом может принять формы прямой враждебности по отношению к родителям.**

Определенность режима, его точность и обязательность подвергаются большой опасности, если родители сами относятся к режиму неискренне, если они требуют его выполнения от детей,

а в то же время сами живут беспорядочно, не подчиняясь никакому режиму. Конечно, вполне естественно, что режим самих родителей будет отличаться от режима детей, но эти отличия не должны быть принципиальными. Если вы требуете, чтобы дети за обедом не читали книгу, то и сами этого не должны делать. Настаивая, чтобы дети мыли руки перед обедом, не забывайте и от себя требовать того же. Старайтесь сами убирать свою постель, это вовсе не трудная и не позорная работа. Во всех этих пустяках гораздо больше значения, чем обыкновенно думают.

Режим в самой семье, дома, обязательно должен касаться следующих частностей: точно должно быть установлено время вставания и время отхода ко сну – одно и то же как в рабочие дни, так и в дни отдыха; правила аккуратности и соблюдения чистоты, сроки и правила смены белья, одежды, правила их носки, чистки; дети должны приучаться к тому, что все вещи имеют свое место, должны после работы или игры пользоваться уборной, умывальником, ванной; должны следить за электрическим светом, включать и выключать его, когда нужно. Особый режим должен быть установлен за столом. Каждый ребенок должен знать свое место за столом, приходить к столу вовремя, должен уметь вести себя за столом, пользоваться ножом и вилкой, не пачкать скатерти, не набрасывать кусков на столе, съедать все, положенное на тарелку, и поэтому не просить себе лишнего.

Строгому режиму должно подчиняться распределение рабочего времени ребенка, что особенно важно, когда он начинает ходить в школу. Но уже и раньше желательно точное распределение сроков принятия пищи, игры, прогулки и т. п. Большое внимание нужно оказывать вопросам движения. Некоторые думают, что детям необходимо много бегать, кричать, вообще бурно проявлять свою энергию. Что у детей есть потребность в движении в большей степени, чем у взрослых, не подлежит сомнению, но нельзя и слепо следовать за этой потребностью. Необходимо воспитывать у детей привычку к целесообразному движению, к умению тормозить его, когда это нужно. Во всяком случае, в комнате не нужно допускать ни бега, ни прыжков, для этого более подходит площадка во дворе, сад. Точно так же необходимо приучать детей к умению сдерживать свои голоса: крик, визг, громкий плач – все это явления одного порядка; они свидетельствуют больше о нездоровых нервах ребенка, чем о какой-либо действительной потребности. Родители сами бывают виноваты в такой нервной крикливости детей. Они иногда сами повышают голос до крика, сами нервничают, вместо того чтобы вносить в атмосферу семьи тон

уверенного спокойствия.

Режим внутри семьи, в квартире, занимаемой семьей, находится почти в полной власти родителей. Этого нельзя сказать о режиме вне дома. Известную часть времени ребенок проводит с друзьями во дворе, а часто вне двора, на прогулках, на площадках, катках, иногда на улице. Чем старше становятся дети, тем окружение играет все большую и большую роль. Взять на себя полное руководство этим товарищеским влиянием родители, конечно, не могут, но за ними остается полная возможность наблюдать за этим товарищеским влиянием, а этого в большинстве случаев бывает совершенно достаточно, если в семье уже образовался опыт коллективной связи, доверия, правдивости, если правильно создан родительский авторитет. В таком случае для родителей нужно только одно: более или менее основательно знать, что окружает вашего сына или вашу дочь. Многие случаи дурного поведения детей, а тем более многие явления детской распущенности не имели бы места, если бы родители ближе знакомились с друзьями сына, с родителями этих друзей, смотрели иногда на игру детей, даже приняли в ней участие, вместе с ними совершили бы прогулку, пошли в кино, в цирк и т. д. Такое активное приближение родителей к жизни детей вовсе не трудное дело и доставляет даже удовольствие. Оно позволяет отцу или матери ближе узнать сущность отношений детей, позволяет родителям помогать друг другу, и, самое главное, оно дает возможность поделиться впечатлениями с детьми и во время такой беседы высказать свое мнение о товарищах, об их поведении, о правильности или неправильности того или иного поступка, о полезности или вредности той или иной детской затеи.

Такова общая методика организации режима в семье. Пользуясь этими общими указаниями, каждый родитель сможет выработать такое устройство семейного быта, которое наиболее соответствует особенностям его семьи. Чрезвычайно важным является вопрос о форме режимных отношений между родителями и детьми. В этой области можно встретить самые разнообразные преувеличения и загибы, приносящие большой вред воспитанию. Некоторые злоупотребляют уговорами, другие – разными разъяснительными беседами, третьи злоупотребляют лаской, четвертые – приказом, пятые – поощрениями, шестые – наказаниями, седьмые – уступчивостью, восьмые – твердостью. В течение семейной жизни, конечно, много бывает случаев, когда уместна и ласка, и беседа, и твердость, и даже уступчивость. Но там, где дело касается режима, все эти формы должны уступить место одной главной, и эта единственная и лучшая форма –

распоряжение.

Семья – очень важное, очень ответственное дело человека. Семья приносит полноту жизни, семья приносит счастье, и одновременно является большим делом, имеющим государственное значение. Семейный режим потому должен строиться, развиваться и действовать прежде всего как деловое установление. Делового тона родители не должны бояться. Они не должны думать, что деловой тон противоречит любовному чувству отца или матери, что он может привести к сухости отношений, к их холодности. Мы утверждаем, что только настоящий, серьезный деловой тон может создать ту спокойную атмосферу в семье, которая необходима и для правильного воспитания детей, и для развития взаимного уважения и любви между членами семьи.

Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своем деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону, привыкнуть подчиняться распоряжению и выполнять его охотно. Можно быть как угодно ласковым с ребенком, шутить с ним, играть, но, когда возникает надобность, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребенка не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения.

Родители должны научиться отдавать такие распоряжения очень рано, когда первому ребенку полтора-два года. Дело это совсем нетрудное. Нужно только следить за тем, чтобы ваше распоряжение удовлетворяло следующим требованиям.

1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком, с раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрашивание.

2. Оно должно быть посильным для ребенка, не требовать от него слишком трудного напряжения.

3. Оно должно быть разумным, т. е. не должно противоречить здравому смыслу.

4. Оно не должно противоречить другому распоряжению – вашему или другого родителя.

Если распоряжение отдано, оно должно быть обязательно выполнено. Очень плохо, если вы распорядились, а потом и сами забыли о своем распоряжении. В семье, как и во всяком другом деле, необходимы постоянный, неусыпный контроль и проверка. Конечно, родители должны стараться производить этот контроль большей частью незаметно для ребенка; ребенок вообще не должен сомневаться в том, что распоряжение должно быть выполнено. Но иногда, когда ребенку поручается более сложное

дело, в котором большое значение имеет качество выполнения, вполне уместен и открытый контроль.

Как поступить, если ребенок не выполнил распоряжения? Надо прежде всего стараться, чтобы такого случая не было. Но если уж так случилось, что ребенок в первый раз не послушался вас, следует повторить распоряжение, но уже в более официальном, в более холодном тоне, приблизительно так: «Я тебе сказал сделать так, а ты не сделал. Немедленно сделай, и чтобы больше таких случаев не было».

Давая такое повторное распоряжение и обязательно добиваясь его выполнения, нужно в то же время присмотреться и задуматься, почему в данном случае возникло сопротивление вашему распоряжению. Вы обязательно увидите, что в чем-то вы сами были виноваты, что-то сделали неправильно, что-либо упустили из виду. Постарайтесь избегать таких ошибок.

Самое важное в этой области – следить, чтобы у детей не накоплялся опыт непослушания, чтобы не нарушался семейный режим. Очень плохо, если вы допустили такой опыт, если вы позволили детям смотреть на ваши распоряжения как на нечто необязательное.

Если вы этого не допустите с самого начала, вам никогда не придется впоследствии прибегать к наказаниям.

Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказаний никогда не бывает, и это – самый правильный путь семейного воспитания.

Но бывают семьи, где воспитание настолько уже запущено, что без наказаний обойтись нельзя. В таком случае родители прибегают к наказаниям очень неумело и часто больше портят дело, чем поправляют.

Наказание – очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности. Поэтому мы рекомендуем родителям по возможности избегать применения наказаний, а стараться, прежде всего, восстановить правильный режим. Для этого, конечно, потребуется много времени, но нужно быть терпеливым и спокойно ожидать результатов.

В самом крайнем случае можно допустить некоторые виды наказаний, а именно: задержка удовольствия или развлечения (если было назначено посещение кино или цирка, отложить его); задержка карманных денег, если они выдаются; запрещение выхода к друзьям.

Еще раз обращаем внимание родителей, что сами по себе наказания не принесут никакой пользы, если нет правильного режима. А если есть правильный режим, свободно можно

обойтись без наказаний, нужно только больше терпения. Во всяком случае, в семейном быту гораздо важнее и полезнее наладить правильный опыт, чем исправлять неправильный.

Точно так же нужно быть осторожным и с поощрением. Никогда не нужно объявлять вперед какие-либо премии или награды. Лучше всего ограничиться простой похвалой и одобрением. Детская радость, удовольствие, развлечение должны предоставляться детям не в качестве награды за хорошие поступки, а в естественном порядке удовлетворения правильных потребностей. То, что ребенку необходимо, нужно дать ему при всех условиях, независимо от его заслуг, а то, что для него не нужно или вредно, нельзя давать ему в виду награды.

Резюмируем вышеизложенное.

Дисциплину нужно отличать от режима. Дисциплина – это результат воспитания, режим – это средство воспитания. Поэтому режим может иметь различный характер в зависимости от обстоятельств. Каждый режим должен отличаться целесообразностью, определенностью, точностью. Он должен касаться как внутренней жизни семьи, так и внешней. Выражением режима в деловой обстановке семьи должны быть распоряжение и контроль за его выполнением. Главная цель режима – накопление правильного дисциплинарного опыта, и больше всего нужно бояться неправильного опыта. При правильном режиме не нужны наказания, и вообще их нужно избегать, как и излишних поощрений, лучше во всех случаях надеяться на правильный режим и терпеливо ждать его результатов.

Ведение семейного хозяйства

Каждая семья имеет свое хозяйство.

Каждый ребенок есть член семьи и, следовательно, участник семейного хозяйства.

Многие родители думают, что воспитательная работа происходит только во время бесед и разговоров с детьми, во время руководства их игрой или их отношением к людям. Во всех этих областях действительно много можно сделать педагогически полезного, но эта польза будет незначительна, если ребенок не воспитывается и в хозяйственной области. Ведь из вашего ребенка должен вырасти не только хороший, честный человек, но и хороший, честный хозяин.

Семейное хозяйство представляет собой очень удобное поле для воспитания многих очень важных особенностей характера будущего гражданина-хозяина. Мы коснемся только главных.

При помощи правильного руководства в области семейного хозяйства воспитываются: коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность.

Мы рассмотрим в отдельности каждое из этих достоинств характера.

Коллективизм **.** В простейшем определении коллективизм означает солидарность человека с обществом. Противоположностью коллективизма является индивидуализм. В некоторых семьях по причине плохого внимания родителей к этим вопросам воспитываются индивидуалисты. Если ребенок до самого юношества не знает, откуда берутся средства семьи, если он привыкает только удовлетворять свои потребности, а не замечает потребностей других членов семьи – это и есть воспитание индивидуалиста, который потом может принести много вреда и обществу, и самому себе.

Некоторые матери и отцы незаметно для себя воспитывают таких индивидуалистов.

Часто они заботятся только том, чтобы у ребенка все было, чтобы он был хорошо накормлен, хорошо одет, снабжен игрушками и удовольствиями. Все это они делают по безграничной своей доброте и любви, отказывают себе во многом, даже в самом необходимом, а ребенок даже не знает об этом и постепенно привыкает думать, что он лучше всех, что его желание для родителей закон. В такой семье дети часто ничего не знают о работе отца или матери, не знают, насколько она трудна и насколько она важна и полезна. Тем более они ничего не знают о

работе других людей. Они знают только свои желания и их удовлетворение.

Это очень неправильный и вредный путь воспитания, и больше всего и скорее всего от этой неправильности будут страдать родители. Только воспитание коллективиста может быть правильным, и родители должны регулярно проводить это воспитание. Для этого мы рекомендуем следующее:

1. Как можно раньше ребенок должен узнать, где работает отец и мать, в чем состоит эта работа, насколько она трудна, какие в ней напряжения, какие достижения. При первом случае родители должны познакомить ребенка с некоторыми коллегами и сотрудниками по работе, рассказать о значении их работы. Если даже отец или мать неодобрительно думает о каком-либо человеке, не нужно надоедать ребенку младшего возраста такими неодобрительными отзывами.

Вообще как можно раньше ребенок должен хорошо понять, что те деньги, которые родители приносят домой, составляют не только удобную вещь, которую можно истратить, но и заработок. Родители всегда должны найти время и простые слова, чтобы рассказать ребенку обо всем этом. Когда ребенок подрастет, нужно в таких же простых словах рассказать ему побольше о других подобных же предприятиях, об их работе и достижениях.

Если мать не работает в учреждении, на производстве, а работает дома по хозяйству, ребенок должен и эту работу знать, относиться к ней с уважением и понимать, что эта работа требует усилий и напряжения.

2. Как можно раньше ребенок должен познакомиться с семейным бюджетом. Он должен знать заработок отца или матери. От него не нужно скрывать финансовый семейный план, а, напротив, постепенно привлекать его к обсуждению семейных финансовых наметок. Он должен знать, в чем нуждается отец или мать, насколько эта нужда велика и неотложна, и должен научиться отказываться от удовлетворения некоторых своих потребностей, чтобы лучше удовлетворять потребности других членов семьи. В особенности он должен привлекаться к обсуждению таких вопросов, которые касаются общих семейных потребностей: приобретения посуды, мебели, радио, книг, газет и т. п.

3. Если семья находится в очень хороших материальных условиях, нельзя допускать, чтобы ребенок гордился этими условиями перед другими семьями, чтобы он привыкал хвастать своим костюмом, своей квартирой. Он должен понять, что в семейном богатстве нет никаких оснований для чванства. В такой семье, где есть несколько избыточный достаток, меньше всего

нужно удовлетворять дополнительные потребности самого ребенка, а лучше расходовать деньги на удовлетворение общих семейных потребностей, лучше купить книги, чем лишний костюм.

Но если семья по разным причинам с трудом удовлетворяет свои потребности, нужно добиваться, чтобы ребенок не завидовал другим семьям и не хотел из своей семьи перейти в другую. Ребенок должен знать, что в настойчивой борьбе за улучшение жизни больше гордости, чем в лишней копейке. Именно в такой семье нужно воспитывать терпение, стремление к лучшему будущему, осуществимому в нашей стране, взаимную уступчивость и веселую готовность поделиться. Родители никогда не должны ныть и жаловаться в присутствии ребенка, должны по возможности быть бодрыми и веселыми и всегда надеяться на лучшее, стремясь к нему в улучшении семейного хозяйства и повышении своего заработка. Каждое действительное улучшение в такой семье должно быть обязательно отмечено и подчеркнуто.

Честность . Честность не падает с неба, она воспитывается в семье. В семье можно воспитать и бесчестность: все зависит от правильного воспитательного метода родителей. Что такое честность? Честность есть открытое, искреннее отношение. Нечестность есть тайное, спрятанное отношение. Если ребенок хочет яблока и открыто это заявляет, это будет честно. Если он это желание оставляет втайне, но не отказывается от яблока, а старается взять его, чтобы никто не видел, это уже будет нечестно. Если мать дает ребенку это яблоко тайно от других детей, допустим даже чужих, она уже воспитывает в нем тайное отношение к вещи, следовательно, воспитывает нечестность. Тайное отношение к вещам в пределах семейного обихода, хозяйственный личный секрет, кормление по углам, прятанье отдельных сладких кусков – все это вызывает зарождение нечестности. Только в более старшем возрасте ребенок должен научиться различать полезный секрет, т. е. то, что нужно скрывать от врагов и недругов, или то, что вообще должно составлять личное переживание каждого человека. В младшем же возрасте чем откровеннее ребенок и чем меньше у него каких бы то ни было секретов, тем лучше для его воспитания.

Родители должны внимательно следить за развитием честности у ребенка. Они ничего не должны нарочито прятать от ребенка, но и должны приучать ребенка ничего не брать без спросу, даже если это лежит на виду, не заперто, не закрыто. Можно специально оставлять на виду всякие соблазнительные вещи и приучать ребенка относиться к ним спокойно, без жадного желания. Эту черту спокойного отношения к тому, что плохо

лежит, нужно воспитать в самом младшем возрасте. В то же время в семье не должно быть такого порядка, когда все лежит плохо, нет никакого учета, никто не помнит, где что положено. В таком беспорядке, конечно, и развивается своевольное отношение ребенка к вещам, и он делает с ними что хочет, никому об этом не говорит и таким образом приучается к неоткрытому хозяйничанью.

Если ребенку вы дали поручение что-нибудь купить, обязательно проверяйте покупки и сдачу, делайте это до тех пор, пока у ребенка не выработаются твердые правила честности. Такую проверку нужно делать очень деликатно, чтобы ребенок не подумал, что вы его в чем-либо подозреваете.

Еще раз обращаем внимание родителей на то, что честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправлять запущенное.

Заботливость **.** Вещи, составляющие хозяйство семьи, приходят постепенно в ветхость и должны заменяться новыми. Новые вещи нужно купить, следовательно, истратить некоторое количество заработанных родителями или другими членами семьи денег. Ребенок видит, как постоянно одни вещи ветшают, а другие приобретаются. Нужно, что ребенок с малых лет приучался разумно пользоваться вещами, не допускать, чтобы вещи руководили им. Хороший хозяин должен всегда видеть заранее, что у него начинает стареть, не допускать слишком быстрого обветшания вещей, вовремя их ремонтировать, а покупать только те вещи, которые действительно нужны, а не те, которые случайно он увидел на рынке или у другого человека. Все это составляет тот отдел человеческой деятельности, который называется заботливостью. Не всякая заботливость хороша. Бывают люди, которые до краев наполнены заботой, которые за этой заботой забывают все остальное. Такая забота имеет характер страдания. Настоящая заботливость должна отличаться спокойствием, разумным расчетом надолго вперед, умением спокойно выбрать то, что нужно, и отвергнуть то, что не нужно. И самая главная черта заботливости: она не похожа на жадность. Надо, чтобы ребенок проявлял эту заботливость скорее по отношению к другим членам семьи, чем по отношению к себе, а в особенности, чтобы он проявлял заботливость к общим вещам семьи. В заботливости лежит важнейшее начало планирования, предвидения. Родители с раннего возраста должны приучать ребенка к такой плановости. Они должны время от времени обсуждать в семье различные назревшие потребности и намечать пути их удовлетворения. Если ребенок будет знать, что,

допустим, такая вещь, как диван, приходит в ветхость, что требуется его ремонт или замена, если эта потребность для всех очевидна, ребенок уже и свои личные потребности будет заранее сообразовывать с этой общей потребностью и даже сам напоминать о ней родителям. Важно при этом воспитать у ребенка внимание к важным мелочам, к их взаимной зависимости. Бывает, что какая-нибудь ценная вещь только потому портится, что не хватает какого-то пустяка для ее сохранения, на этот пустяк и должно быть обращено внимание хозяина.

Бережливость **.** Бережливость есть особая сторона заботливости, только заботливость проявляется больше в мыслях, в соображениях человека, а бережливость проявляется в привычках. Можно быть очень заботливым хозяином и в то же время совершенно не иметь привычек бережливости. Эти привычки должны воспитываться как можно раньше. С самого малого возраста ребенок должен уметь есть, не пачкая скатерти или костюма, он должен уметь пользоваться вещами, не пачкая их и не ломая. Эти привычки даются с некоторым трудом, и все же нужно стараться во что бы то ни стало, чтобы эти привычки образовались. Никакие поучения не помогут в этом деле, если нет привычки. Привычка образуется благодаря многократному упражнению. Поэтому нужно заботиться о правильном упражнении. Если мальчик, пробегая по комнате, повалил стул, не нужно говорить ему целую речь о бережливом отношении к стулу, а нужно ему сказать: «Может быть, ты сможешь так пройти, чтобы стул не упал? А ну, попробуй. Прекрасно! Ты это хорошо умеешь делать». Если, допустим, семилетний ребенок испачкал или изорвал костюм, нужно дать ему целый костюм и сказать: «Вот тебе костюм. Он чистый. Даю тебе неделю срока и посмотрю, какой он будет».

Нужно возбуждать у ребенка постоянное желание упражняться в бережливости, нужно, чтобы он так привык к чистым ботинкам, чтобы грязные ботинки он уже не мог надеть.

Бережливость должна распространяться на вещи не только своей семьи, но и других людей, и на предметы общественного пользования. Поэтому никогда не позволяйте ребенку небрежно относиться к вещам на улице, в парке, в театре.

Ответственность **.** Ответственность заключается не только в том, что человек боится наказания, а в том еще, что человек и без наказания чувствует себя неловко, если по его вине испортилась или уничтожена вещь. Именно такую ответственность нужно воспитывать, и именно поэтому не нужно наказывать за порчу вещей или грозить наказанием, а нужно,

чтобы ребенок сам увидел тот вред, который он принес небрежным обращением с вещью, и пожалел о своей небрежности. Об этом ребенку нужно, конечно, сказать, нужно объяснить ему все результаты небрежности, но еще полезнее будет, если ребенок на собственном опыте почувствует эти результаты. Если ребенок, к примеру, поломал игрушку, не нужно спешить покупать новую, не нужно и выбрасывать ее, а необходимо, чтобы некоторое время эта игрушка была на глазах у ребенка и требовала ремонта. Нужно, чтобы отец или мать говорили и совещались о ремонте этой игрушки, чтобы ребенок видел, что он причинил лишнюю заботу родителям, что они относятся к игрушке более внимательно и заботливо, чем он. А когда игрушка будет отремонтирована, полезно будет, если отец или мать шутя скажут: «Она теперь хороша, только что ж, давать ли ее тебе или не давать? Ведь ты небрежно будешь с ней обращаться и снова поломаешь?»

В таких случаях ребенок начинает понимать, что его поступки приводят к некоторым неприятным последствиям, у него появится ощущение естественной ответственности. Но чем ребенок старше, тем эта естественная ответственность должна быть для него обязательнее и привычнее. Если и теперь он проявляет недопустимую небрежность, уже не нужно шутить с ним и вызывать чувство ответственности, а нужно самым серьезным тоном потребовать большего порядка, допуская даже и такое выражение: «Это безобразие. Постарайтесь, чтобы таких случаев больше не было».

В особенности важно воспитывать ответственность в тех случаях, когда затрагиваются интересы других членов семьи или даже интересы общественные. Если в семье есть правильный коллективный тон, это воспитание проводить очень нетрудно.

Способность ориентировки . Это та важнейшая способность, без которой не может быть хорошего хозяйственника. В чем она заключается? Она заключается в умении видеть и понимать все подробности, окружающие данный случай. Если человек что-то делает, он не должен забывать и о том, что сзади него и сбоку тоже находятся люди и тоже чем-то заняты. Ориентировка невозможна, если человек привык видеть только то, что перед глазами, а что совершается вокруг, не видит и не чувствует. В хозяйственной деятельности способность ориентировки имеет громадное значение. Делая одно дело, ребенок не должен забывать и все другие свои дела и дела окружающих людей. Играя в какую-нибудь игру, ребенок не должен забывать, что он окружен вещами, о которых тоже должен заботиться. Исполняя поручение родителей по покупке чего-нибудь в магазине, ребенок должен

помнить, что он должен возвратиться домой вовремя, что должен после этого поручения сделать что-либо для себя или для семьи.

Для выработки такой способности полезно давать ребенку не одно поручение, а два или три, давать условное поручение или комбинированное. Вот самые простые примеры таких поручений: «Убери в книжном шкафу, а кстати и подбери книги по авторам. Купи сельдей, но если будет в магазине хорошая вобла, то не покупай сельдей, а купи воблу». Способность ориентировки воспитывается постоянными упражнениями в хозяйственной заботе, в знании всех подробностей и частностей хозяйства.

Оперативная способность **.** Такая способность необходима для выполнения более длительных хозяйственных работ, выходящих за пределы одного короткого поручения. Уже с 7–8 лет, а часто и раньше нужно давать ребенку такие более длительные задачи, например: поливать цветы, держать в порядке книги, кормить кошку, следить за младшим братом. В особенности важной является область денежных расходов. Здесь мы настойчиво рекомендуем каждой семье предоставить ребенку некоторую самостоятельность в расходовании денег для удовлетворения его личных, а в некоторых случаях и общих семейных потребностей. Для этого нужно один раз или несколько раз в месяц выдавать ему определенную сумму денег с точным обозначением, на что эти деньги должны расходоваться. Список таких расходов может быть различным в зависимости от возраста ребенка, от достатков семьи. Например, для мальчика 14 лет можно составить такой список: покупка тетрадей, расходы на трамвай, покупка мыла и зубного порошка для всей семьи, расходы на кино для него и младшего брата. Чем старше ребенок, тем ответственнее и сложнее должен быть такой список.

Необходимо при этом следить за тем, как выполняет мальчик или девочка порученные задачи, не злоупотребляет ли свободой расходования, не преобладают ли в тратах расходы на удовольствия, а не на дело. Иногда такие ошибки происходят от неправильно назначенной суммы, но бывает и так, что мальчик просто недостаточно серьезно относится к своему праву и своим возможностям. В таком случае достаточно просто поговорить с ним, обратить внимание на его ошибки и посоветовать исправить их. Во всяком случае, не нужно надоедать ребенку постоянными проверками, а тем более постоянным недоверием. Нужно просто уметь видеть его поведение в порученной ему области.

Мы закончили рассмотрение главных особенностей семейного хозяйства. Сами родители найдут в своем опыте много разнообразных упражнений для правильного хозяйственного воспитания детей. Важно, чтобы семейное хозяйство было

организовано в коллективном, спокойном и в то же время дисциплинированном порядке, чтобы в нем не было излишней нервозности, нытья, а чтобы больше было бодрости и дружеского стремления улучшить жизнь семьи.

Резюмируем содержание раздела.

Хозяйственная деятельность семьи представляет собой важнейшую арену для воспитательной работы. Именно в семейном хозяйстве воспитываются:

– реальная солидарность человека с работой и интересами других людей, с интересами всего общества. Коллективизм воспитывается методом приближения ребенка к условиям деятельности родителей, методом участия ребенка в семейном бюджете, скромностью во время избытка и достоинством во время недостатка в семье;

– честность, т. е. открытое, искреннее отношение к людям и вещам;

– заботливость, т. е. постоянное внимание к семейным нуждам и плану их удовлетворения;

– бережливость, т. е. привычка сохранять вещи;

– ответственность, т. е. чувство вины и неловкости в случае порчи или уничтожения вещи;

– способность ориентировки, иначе говоря, умение охватить вниманием целую группу вещей и вопросов;

– оперативная способность, т. е. умение распорядиться временем и работой.

Все семейное хозяйство должно быть хозяйством коллектива и вестись в спокойных тонах, без нервозности.

Формирование личности ребенка через трудовую деятельность

Правильное воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое. Труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. В воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов.

Попробуем подробнее проанализировать смысл и значение трудового воспитания в семье.

1. Родители должны помнить, что в дальнейшем от трудовой деятельности будет зависеть благосостояние, материальный уровень жизни ребенка. Мы хорошо знаем, что от природы все люди обладают приблизительно одинаковыми трудовыми данными, но в жизни одни люди умеют работать лучше, другие – хуже, одни способны только к самому простому труду, другие – к труду более сложному и, следовательно, более ценному. Эти различные трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нем в течение его жизни, и в особенности в молодости.

> Трудовая подготовка, воспитание трудового качества – это подготовка и воспитание не только будущего хорошего или плохого человека, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния.

Следовательно, трудовая подготовка, воспитание трудового качества – это подготовка и воспитание не только будущего хорошего или плохого человека, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния.

2. Трудиться можно из нужды, из жизненной необходимости. В человеческой истории в большинстве случаев труд всегда имел такой характер принудительного тяжелого действия, необходимого для того, чтобы не умереть с голода. Но уже и в старое время люди старались быть не только рабочей силой, но и творческой силой. Только им не всегда удавалось достигнуть этого. Сейчас каждый труд должен быть творческим трудом. Научить творческому труду – особая задача воспитателя.

Творческий труд возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта.

Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась глубокая привычка к трудовому усилию, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл.

Творческий труд совершенно невозможен у тех людей, которые к работе подходят со страхом, которые боятся ощущения усилия, боятся, так сказать, трудового пота, которые на каждом шагу только и делают, что соображают, как бы поскорее отделаться от работы и начать что-нибудь другое. Это другое кажется им симпатичным до тех пор, пока они за него не взялись.

3. В трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям, – это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, такой человек – самый безнравственный человек. И наоборот, совместное трудовое усилие, работа в коллективе, трудовая помощь людей и постоянная их взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу. Это правильное отношение состоит не только в том, что каждый человек отдает свои силы работе, но и в том, что и от других требует того же, что он не хочет рядом с собой переносить жизнь дармоеда. Только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям – родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда.

4. Неправильно думать, что в трудовом воспитании развиваются только мускулы или внешние качества – зрение, осязание, развиваются пальцы и т. д. Физическое развитие в труде, конечно, тоже имеет большое значение, являясь важным и совершенно необходимым элементом физической культуры. Но главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие и должно составить главную особенность человека.

5. Необходимо указать еще на одно обстоятельство, которому у нас придают, к сожалению, небольшое значение. Труд имеет не только значение общественно-производственное, но имеет большое значение и в личной жизни. Мы хорошо знаем, что насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими. И наоборот, всегда вызывают нашу

жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно.

Родители должны хорошо подумать над каждым из указанных обстоятельств. В своей жизни и в жизни своих знакомых они на каждом шагу увидят подтверждение важнейшего значения трудового воспитания. И в работе по воспитанию своих детей родители никогда не должны забывать о трудовом принципе.

Конечно, в границах семьи трудно дать ребенку такое трудовое воспитание, которое обычное называется квалификацией. Для образования хорошей специальной квалификации семья не приспособлена; квалификацию мальчик или девочка получит в какой-либо организации: в школе, на предприятии, в учреждении, на курсах. Семья ни в коем случае и не должна гоняться за квалификацией в той или другой специальности. Это в старое время обычно бывало так, что если отец сапожник, то он и сына учил своему ремеслу; если он столяр, то и сын «приучался» к столярному делу. А девочки, как известно, всегда получали квалификацию домашней хозяйки, на большее они и не рассчитывали.

Но родители вовсе не должны думать, что семейное воспитание не имеет никакого отношения к получению квалификации. Именно семейная трудовая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека. Тот ребенок, который получил в семье правильное трудовое воспитание, тот в дальнейшем с большим успехом будет проходить и свою специальную подготовку. А те дети, которые не прошли в семье никакого трудового опыта, те и квалификации не могут получить хорошей, их постигают различные неудачи, они выходят плохими работниками, несмотря на все усилия государственных учреждений.

Точно так же родители не должны думать, что под трудом мы понимаем только физический труд, мускульную работу. С развитием машинного производства физический труд постепенно потерял свое былое значение в человеческой общественной жизни. Например, на постройках домов кирпичи подаются машинами. На предприятиях совершенно уничтожен тяжелый физический труд. Человек стал владетелем больших, организованных механических сил, от него теперь все больше и больше требуются не физические, а умственные силы: распорядительность, внимание, расчет, изобретательность,

находчивость, ухватка. Об этом родители также всегда должны помнить. В своей семье они должны воспитывать не ломовую рабочую силу, а организаторов, применяющих новые методы, новые приспособления, новые приемы работы.

Поэтому мы не должны думать, что в нашем воспитании есть какая-либо существенная разница между трудом физическим и трудом умственным. В том и в другом труде важной стороной является прежде всего организация трудового усилия, его настоящая человеческая сторона.

Если мы будем поручать мальчику или девочке всегда одно и то же дело, одну и ту же физическую работу, требующую от него только расхода мускульной энергии, воспитательное значение такого труда будет весьма ограничено, хотя и нельзя сказать, что такой труд совершенно бесполезен. Ребенок будет приучаться к трудовому усилию, будет принимать участие в общественном труде, будет нравственно воспитываться в трудовом равенстве с другими людьми, но все же это не будет настоящее трудовое воспитание, если мы не прибавим к трудовому упражнению интересных организационных задач.

В трудовом воспитании важным является следующая сторона метода. Перед ребенком должна быть поставлена некоторая задача, которую он может разрешить, применяя то или другое трудовое средство. Эта задача не обязательно должна стоять на короткий отрезок времени, на один или на два дня. Она может иметь длительный характер, даже продолжаться месяцами и годами. Важно то, что ребенку должна быть предоставлена некоторая свобода в выборе средств и он должен нести некоторую ответственность за выполнение работы и за ее качество. Меньше будет пользы, если вы скажете ребенку: «Вот тебе веник, подмети эту комнату, сделай это так или так». Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребенку поддержание чистоты в определенной комнате, а как он будет это делать – предоставьте решать и отвечать за решение ему самому. В первом случае вы поставили перед ребенком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную; последняя гораздо выше и полезнее. Следовательно, чем сложнее и самостоятельнее будет трудовая задача, тем лучше она будет в педагогическом отношении. Многие родители не учитывают этого обстоятельства. Они поручают детям сделать то или другое дело, но разбрасываются в слишком мелких трудовых задачах. Они посылают мальчика или девочку в магазин купить какой-нибудь предмет, а гораздо лучше будет, если они возложат на него постоянную, определенную заботу, например, всегда заботиться о том, чтобы в семье было мыло или зубная паста.

Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано.

Начинаться оно должно в игре. Ребенку должно быть указано, что он отвечает за целость игрушек, за чистоту и порядок в том месте, где стоят игрушки и он играет. И эту работу нужно поставить перед ним в самых общих чертах: должно быть чисто, не должно быть набросано, налито, на игрушках не должно быть пыли. Конечно, некоторые приемы уборки можно ему и показать, но вообще хорошо, если он сам догадается, что для вытирания пыли нужно иметь чистую тряпку, если эту тряпку он сам выпросит у матери, если он к этой тряпке предъявит определенные санитарные требования, если он потребует лучшую тряпку и т. д. Точно так же и починка изломанных игрушек должна быть предоставлена ему самому в той мере, в какой это ему по силам, разумеется, с предоставлением в его распоряжение определенных материалов.

> С возрастом трудовые поручения должны быть усложнены и отделены от игры.

С возрастом трудовые поручения должны быть усложнены и отделены от игры. Мы перечислим несколько видов детской работы, рассчитывая, что каждая семья в зависимости от условий своей жизни и возраста детей сможет исправить и дополнить этот список.

1. Поливать цветы в комнате или во всей квартире.
2. Вытирать пыль на подоконниках.
3. Накрывать на стол перед обедом.
4. Следить за солонками, горчичницами.
5. Следить за письменным столом отца.
6. Отвечать за книжную полку или за книжный шкаф и держать их в порядке.
7. Получать газеты и складывать их в определенном месте, отделяя новые от прочитанных.
8. Кормить котенка или щенка.
9. Держать в порядке умывальник, покупать мыло, зубную пасту, бритвенные ножи для отца.
10. Производить полную уборку в отдельной комнате или отдельной части комнаты.
11. Пришивать на своем платье оторвавшиеся пуговицы, иметь всегда в полном порядке приспособления для этого.
12. Отвечать за порядок в буфетном шкафу.
13. Чистить платье свое или младшего брата или одного из родителей.
14. Заботиться об украшении комнаты портретами,

открытками, репродукциями.

15. Если в семье есть огород или цветник, отвечать за определенный его участок как в плане посева, так и ухода за ним и сбора плодов.

16. Заботиться о том, чтобы в квартире были цветы, для этого иногда поехать и за город (это для более старшего возраста).

17. Отвечать на телефонные звонки, вести домашний телефонный справочник.

18. Вести справочник маршрутов с учетом тех мест, куда членам семьи приходится наиболее часто ездить.

19. В более старшем возрасте самостоятельно планировать и обслуживать посещение семьей театров и кино, узнавать программу, доставать билеты, хранить их и т. д.

20. Вести в полном порядке домашнюю аптеку и отвечать за своевременное ее пополнение.

21. Следить за тем, чтобы в квартире не появлялись паразиты: клопы, блохи и т. д., принимать энергичные меры к их уничтожению.

22. Помогать матери или сестре в определенных хозяйственных функциях.

Каждая семья найдет у себя очень много подобных работ, более или менее интересных и посильных. Конечно, нельзя ребенка загружать чрезмерным количеством работы, но во всяком случае необходимо, чтобы не бросалась в глаза разница в трудовой нагрузке родителей и в трудовых нагрузках детей. Если отцу или матери приходится очень трудно и в домашнем хозяйстве, дети должны привлекаться к помощи им. Бывает и иначе: в семье есть домашняя работница, дети сплошь и рядом привыкают надеяться на ее труд в таких случаях, когда они и сами бы могли бы себя обслужить. Родители должны хорошенько проверить эту область и добиться такого положения, чтобы по возможности домработница не делала таких работ, которые могут и должны сделать дети.

Нужно при этом всегда помнить: когда дети учатся в школе, последняя довольно сильно нагружает их домашней работой. Разумеется, эта работа должна считаться главной и первоочередной. С другой стороны, неправильно, если только школьная работа пользуется уважением, а все остальные трудовые задачи отбрасываются. Такое обособление школьной заботы очень опасно, так как вызывает у детей полное пренебрежение к жизни и работе своего семейного коллектива. В семье должна всегда чувствоваться атмосфера коллективизма, как можно чаще проявляться помощь одних членов семьи по отношению к другим.

Спрашивается: какими мерами можно и должно вызывать у ребенка то или другое трудовое усилие? Меры эти могут быть самые разнообразные. В раннем детстве, конечно, многое ребенку нужно и подсказать и показать, но вообще необходимо считать идеальной формой, когда ребенок сам замечает необходимость той или другой работы, видит, что матери или отцу некогда ее сделать, когда он по собственной инициативе приходит на помощь своей семье.

Очень часто бывает, что ребенок по своей неопытности, по слабости ориентировки не может самостоятельно заметить потребности в той или другой работе. Родители должны в таких случаях осторожно подсказать, помочь ребенку выяснить свое отношение к этой задаче и принять участие в ее разрешении. Это часто лучше всего делать, вызывая простой технический интерес к работе, но и злоупотреблять этим способом нельзя. Ребенок должен уметь выполнять и такие работы, которые не вызывают у него особенного интереса, которые кажутся в первый момент работами скучными. Вообще он должен воспитываться так, чтобы решающим моментом в трудовом усилии были не его занимательность, а его польза, его необходимость. Родители должны воспитывать у ребенка способность терпеливо и без хныканья выполнять работы неприятные. Потом, по мере развития ребенка, даже самая неприятная работа будет приносить ему радость, если ценность работы будет для него очевидна.

В том случае, если необходимость или интерес недостаточны, чтобы вызвать у ребенка желание потрудиться, можно применить способ просьбы. Просьба тем отличается от других видов обращения, что она предоставляет ребенку полную свободу выбора. Просьба и должна быть такова. Ее так нужно произнести, чтобы ребенку казалось, что он исполняет просьбу по собственному доброму желанию, не побуждаемый к этому никакими принуждениями. Нужно говорить: «У меня к тебе просьба. Хоть это и трудно, и у тебя всякие другие дела…»

Просьба – самый лучший и мягкий способ обращения, но и злоупотреблять просьбой не следует. Форму просьбы лучше всего употреблять в тех случаях, когда вы хорошо знаете, что ребенок с удовольствием просьбу вашу выполнит. Если же у вас есть какое-нибудь сомнение в этом, применяйте форму обыкновенного поручения, спокойного, уверенного, делового. Если с самого малого возраста вашего ребенка вы будете возбуждать личную просьбу и поручение и, в особенности, если вы будете возбуждать личную инициативу ребенка, будете учить его видеть необходимость работы самому и по собственному почину выполнять ее, в вашем поручении не будет уже никаких прорывов.

Только, если вы запустили дело воспитания, вам придется иногда прибегнуть к принуждению.

Принуждение может быть различное – от простого повторения поручения до повторения резкого и требовательного. Во всяком случае, никогда не нужно прибегать к физическому принуждению, так как оно меньше всего приносит пользы и вызывает у ребенка отвращение к трудовой задаче.

Больше всего затрудняет родителей вопрос, как нужно обращаться с так называемыми ленивыми детьми. Нужно при этом сказать, что лень, т. е. отвращение к трудовому усилию, только в очень редких случаях объясняется плохим состоянием здоровья, физической слабостью, вялостью духа. В этом случае, конечно, лучше всего обратиться к врачу. Большей частью лень у ребенка развивается благодаря неправильному воспитанию, когда с самого малого возраста родители не воспитывают у ребенка энергии, не приучают его преодолевать препятствия, не возбуждают у него интереса к семейному хозяйству, не воспитывают у него привычки к труду и привычки к тем удовольствиям, которые труд всегда доставляет.

Способ борьбы с ленью единственный: постепенное втягивание ребенка в область труда, медленное возбуждение у него трудового интереса.

Способ борьбы с ленью единственный: постепенное втягивание ребенка в область труда, медленное возбуждение у него трудового интереса.

Но, борясь с ленью, нужно бороться и с другим недостатком. Есть дети, которые охотно выполняют любую работу, но делают ее без увлечения, без интереса, без мысли, без радости. Они работают только потому, что хотят избежать неприятностей, чтобы отделаться от упреков и т. д. Такая работа часто очень напоминает усилия рабочей лошади. Такие работники могут совершенно потерять контроль над своим трудом, приучаются относиться к нему некритически. Из них вырастают люди, которые очень легко поддаются эксплуатации, которые всегда, всю жизнь только и знают, что всех обслуживают, всем помогают, даже тем, которые сами ничего не делают. Ни в коем случае нельзя воспитывать такую лошадиную покорность, ибо у этих людей нет нравственного требования ни к своей работе, ни к работе других людей.

Воспитание наших детей должно проходить таким образом, чтобы в нашем обществе не было готовых объектов для эксплуатации, чтобы никакие эксплуататорские аппетиты у нас не могли развиваться даже в домашней обстановке.

Поэтому родители в особенности должны внимательно следить, чтобы старшие браться не пользовались трудом младших иначе, как в порядке взаимной помощи, чтобы в семье не было никакого трудового неравенства.

Нам остается сказать несколько слов о качестве труда. Качество труда должно иметь самое решающее значение: высокого качества нужно требовать всегда и требовать серьезно. Конечно, ребенок еще неопытен, часто он физически неспособен выполнить работу во всех отношениях идеально. От него и нужно требовать такого качества, которое для него совершенно посильно, которое доступно и его силам, и его пониманию.

Не нужно при этом поносить ребенка за плохую работу, стыдить его, упрекать. Нужно просто и спокойно сказать, что работа сделана неудовлетворительно, что она должна быть переделана, или исправлена, или сделана заново. При этом никогда не нужно производить работу за ребенка силами самих родителей, только в редких случаях можно проделать такую часть работы, которая явно не по силам ребенку, поправляя в этом случае допущенную нами ошибку в самом назначении работы.

Мы решительно не рекомендуем применять в области труда какие-либо поощрения или наказания. Трудовая задача и ее решение должны сами по себе доставлять ребенку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость. Признание его работы хорошей работой должно быть лучшей наградой за его труд. Такой же наградой будет для него ваше одобрение его изобретательности, его находчивости, его способов работы. Но даже и таким словесным одобрением никогда не нужно злоупотреблять, в особенности не следует хвалить ребенка за произведенную работу в присутствии знакомых ваших и друзей. Тем более не нужно ребенка наказывать за плохую работу или за работу непроизведенную. Самое важное в этом случае – добиться того, чтобы работа была все-таки выполнена.

Проблемы полового воспитания

Вопрос о половом воспитании считается одним из самых трудных педагогических вопросов. И действительно, ни в каком вопросе не было столько напутано и столько высказано неправильных мнений. А между тем практически этот вопрос вовсе не так труден и во многих семьях он разрешается очень просто и без мучительных колебаний. Он становится трудным только тогда, когда его рассматривают отдельно и когда ему придают слишком большое значение, выделяя из общей массы других воспитательных вопросов.

Вопрос о половом воспитании в семье может быть разрешен правильно только тогда, когда родители хорошо себе представляют самую цель, которую они должны преследовать в половом воспитании своих детей. Если эта цель будет для родителей ясна, ясными станут и пути к ее достижению.

Каждый человек по достижении известного возраста живет половой жизнью, но половой жизнью живет не только человек, она составляет необходимый отдел жизни большинства живых существ.

Половая жизнь человека должна существенно отличаться от половой жизни животного, в этом отличии и заключаются цели полового воспитания. Но бывает, что половая жизнь человека отличается от половой жизни животного не в лучшую, а в худшую сторону. Животное имеет потребность в половой жизни постольку, поскольку оно стремится иметь потомство, у животных почти не бывает разврата. Человек сплошь и рядом стремится к половому наслаждению независимо от желания иметь детей, и это стремление иногда приобретает такие беспорядочные и нравственно не оправданные формы, что приносит несчастье и ему самому, и другим людям. Человек прошел длинную историю развития, и развивался он не только как зоологический вид, но и как общественное существо. В истории этого развития давно выработаны человеческие идеалы для многих сторон нравственности, и в том числе выработаны идеалы половых отношений человека. В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушаются в угоду интересам правящих классов. Такие нарушения мы знаем и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины. Мы хорошо знаем, что в некоторых странах происходила настоящая продажа и покупка женщин; знаем многие исторические формы многоженства, когда женщина рассматривается только как предмет наслаждения мужчины; знаем о существовании такого безобразного явления,

как проституция, когда мужчина просто на короткое время покупал ласку женщины; знаем, наконец, принудительные рамки семьи, когда мужчина и женщина принуждаемы были жить вместе независимо от того, хотят они этого или не хотят.

В настоящее время семья не имеет сходства с цепями, женщина освобождена от многих видов оскорбительного отношения к ней со стороны мужчины. Но некоторые люди неправильно поняли эту новую свободу, они решили, что половая жизнь человека может проходить в беспорядочной смене супружеских пар, в так называемой свободной любви. В строго организованном человеческом обществе такая практика половой жизни обязательно приводит к недостойной человека простоте отношений, к их вульгаризации, к тяжелым переживаниям личности, к несчастьям, к разрушению семьи, к сиротству детей.

Как и во всей своей жизни, так и в жизни половой человек не может забыть о том, что он есть член общества, поэтому и в отношениях мужчины и женщины нельзя игнорировать требования общественной нравственности. Родители должны воспитывать своих детей так, чтобы из них не вышли люди, в своем поведении идущие против общественной нравственности.

Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к двум областям жизни: к семье и к любви. Она признает нормальной и оправданной нравственно только половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т. е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей.

Отсюда ясны и цели полового воспитания. Мы должны так воспитать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и счастье они реализовали в семье.

> Говоря о воспитании будущего полового чувства нашего ребенка, мы должны, собственно, говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина.

Говоря о воспитании будущего полового чувства нашего ребенка, мы должны, собственно, говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина. Всякое иное половое воспитание будет обязательно вредным и противообщественным. Каждый родитель, каждый отец и каждая мать должны поставить перед собой такую цель, чтобы их дети

могли быть счастливы только в семейной любви и чтобы только в этой форме они могли искать и радостей половой жизни. Если родители такой цели перед собой не поставят, если они ее не достигнут, их дети будут жить беспорядочной жизнью пола, следовательно, будут жить жизнью, полной всяких драм, несчастья, всякой грязи и общественного вреда.

Поставив перед собой такую цель, родители должны подумать о средствах к ее достижению. Относительно этих средств они могут и в литературе специальной, и в литературе художественной встретить самые разнообразные мнения и рецепты, самые противоречивые точки зрения и советы. Родители должны научиться хорошо разбираться в этих мнениях и считать правильными только такие, которые помогут им в ответственной работе воспитания и в достижении поставленных ими целей.

Правильное половое воспитание, как и всякое воспитание человеческого характера, достигается, конечно, на каждом шагу, если вообще правильно организована жизнь семьи.

В вопросах любви и семейной жизни решающими всегда будут общие способности человека, его политическое и нравственное лицо, его развитие, его работоспособность, его честность, его преданность своей стране, его любовь к обществу. Поэтому совершенно правильным является утверждение, что половая жизнь будущего человека воспитывается всегда, на каждом шагу, когда родители или воспитатели даже и не думают о половом воспитании. Старая поговорка «Лень – матерь всех пороков» очень правильно отражает этот общий закон, но у пороков – не одна мать. Не только лень, а всякое уклонение человека от правильного общественного поведения обязательно приводит к порочному поведению его в обществе, в том числе и к беспорядочной половой жизни.

Поэтому, разумеется, в вопросах полового воспитания решающими являются не какие-либо отдельные способы, специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом.

Поэтому, воспитывая в ребенке честность, работоспособность, искренность, прямоту, привычку к чистоте, привычку говорить правду, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, любовь к своей родине, мы тем самым воспитываем его и в половом отношении. Среди этих общих методов воспитания есть такие, которые к половому воспитанию имеют большее отношение, есть такие, которые имеют меньшее отношение, но все они, вместе взятые, в значительной мере определяют и наш успех в воспитании будущего семьянина, будущего мужа или будущей жены.

Но есть и отдельные воспитательные методы и приемы, которые специально как будто назначены, чтобы быть полезными именно в вопросах полового воспитания. И есть люди, которые на эти отдельные приемы и методы возлагают особенные надежды, и считают их наиболее мудрым выражением педагогического творчества.

Необходимо указать, что как раз в этих особых специальных советах и заложены наиболее вредные пути полового воспитания и к ним нужно относиться с исключительной осторожностью.

Было время, когда половому воспитанию уделяли очень много внимания. Тогда многие думали, что половая сфера есть самая главная, решающая сфера в физической и психической конституции человека, что все человеческое поведение зависит от половой сферы. Сторонники таких положений старались доказать, что все воспитание юноши или девушки есть, в сущности, половое воспитание.

Многие из этих «теорий» так и остались погребенными в книгах, даже не дойдя до широкого читателя, но многие просочились в широкое общество и породили самые вредные и самые опасные мнения.

Больше всего беспокоились о том, чтобы ребенок был как-то по особенному разумно подготовлен к половой жизни, чтобы он не видел в ней ничего «стыдного», ничего тайного. Стремясь к этому, старались как можно раньше посвятить ребенка во все тайны половой жизни, объяснить ему тайну деторождения. Конечно, с настоящим «ужасом» показывали на тех «простаков», которые обманывали детей и рассказывали им сказки об аистах и других фиктивных виновниках деторождения. Полагали при этом, что если ребенку все разъяснить и растолковать, если в его представлении о половой любви не останется ничего стыдного, то этим будет достигнуто и правильное половое воспитание.

Надо с очень большой осторожностью относиться к таким советам. К вопросам полового воспитания надо относиться с гораздо большим спокойствием и не делать из него непоправимых фокусов. Правда, ребенок часто спрашивает о том, откуда берутся дети, но из того, что ребенок заинтересован этим вопросом, не вытекает, что в раннем возрасте ему все нужно до конца объяснить. Ведь ребенок не только в половом вопросе кое-чего не знает. Многого он не знает и в других вопросах жизни, однако мы не спешим нагружать его непосильными знаниями раньше времени. Мы ведь не объясняем ребенку в три года, отчего бывает тепло и холодно, отчего увеличивается или уменьшается день. Так же точно мы не объясняем ему в семь лет устройства аэропланного мотора, хотя и этим вопросом он может

заинтересоваться. Для всякого знания приходит свое время, и нет никакой опасности в том, если вы ответите ему: «Ты еще мал, подрастешь – узнаешь».

Нужно при этом отметить, что никакого особенно настойчивого интереса к половым вопросам у ребенка нет и не может быть. Такой интерес наступает только в период полового созревания, но к этому времени обыкновенно ничего таинственного в половой жизни для ребенка уже нет.

Поэтому нет никакой срочной надобности торопиться с открыванием «тайны деторождения», пользуясь для этого случайным вопросом ребенка. В этих вопросах не содержится еще никакого особенного полового любопытства, сокрытие тайны никаких переживаний и страданий ребенку не приносит. Если вы более или менее тактично отведете вопрос ребенка, отделаетесь шуткой или улыбкой, ребенок забудет о своем вопросе и займется чем-либо другим. Но если вы начнете с ним толковать о самых секретных подробностях в отношениях между мужчиной и женщиной, вы обязательно поддержите в нем любопытство к половой сфере, а потом поддержите и слишком рано взбудораженное воображение. То знание, которое вы ему сообщите, для него совершенно не нужно и бесполезно, но та игра воображения, которую вы у него возбудите, может положить начало половым переживаниям, для которых еще не наступило время.

Совершенно не нужно бояться того, что ребенок узнает о тайне деторождения от своих товарищей и подруг и будет держать свое знание в секрете. Секрет в этом случае вовсе не страшен. Ребенок должен приучаться к тому, что многие стороны жизни человека составляют интимную, секретную область, о которой не нужно делиться со всеми, которую не нужно выставлять напоказ всему обществу. И только тогда, когда у ребенка уже воспитано это отношение к интимной жизни людей, когда у него есть большая привычка к целомудренному умолчанию о некоторых вещах, только тогда, следовательно, в более позднем возрасте, можно говорить с ребенком о половой жизни. Эти беседы должны происходить строго по секрету между отцом и сыном или между матерью и дочерью. Они оправданы действительной и прямой пользой, так как будут соответствовать естественному пробуждению половой жизни у юноши или у девушки. В это время такие беседы уже не могут принести вреда, так как и родители и дети уже понимают, что они касаются важной и секретной темы, что обсуждение этой темы необходимо по соображениям пользы, что эта польза, оставаясь интимной, будет в то же время и реальной. Такие беседы должны касаться

как вопросов половой гигиены, так и в особенности вопросов половой нравственности.

Признавая необходимость таких бесед в период полового созревания, не нужно все же преувеличивать их значения. Собственно говоря, будет гораздо лучше, если эти беседы проведет врач, если они будут организованы в школе. Между родителями и детьми желательна всегда атмосфера доверия и деликатности, атмосфера целомудрия, которая иногда нарушается слишком откровенными разговорами на такие трудные темы.

Против слишком ранних обсуждений полового вопроса с детьми нужно возражать и по другим соображениям: открытое и слишком преждевременное обсуждение половых вопросов приводит ребенка к грубому рационалистическому взгляду на половую сферу, кладет начало тому цинизму, с которым иногда взрослый человек так легко делится с другими самыми сокровенными своими половыми переживаниями.

Такие беседы с детьми ставят перед ребенком половую тему в узком физиологическом оформлении. Половые темы в этом случае будут облагорожены темами любви, т. е. более высокого и общественно ценного отношения к женщине.

В каких словах можно малому ребенку сказать, что половые отношения оправдываются любовью, если и о любви ребенок не имеет еще никакого представления? Волей-неволей такие беседы будут беседами узкофизиологическими.

Говоря с сыном или дочерью в более позднем их возрасте о половой жизни, вы уже имеете возможность ставить ее в зависимость от любви и воспитывать у юноши или у девушки глубокое уважение ко всем этим вопросам, уважение гражданское, эстетическое и человеческое. С темами любви наши юноши и девушки знакомятся открыто по литературе, из окружающего опыта людей, из общественных наблюдений. Родители и должны опираться на эти уже имеющиеся у молодых людей знания и представления.

Половое воспитание и должно быть воспитанием именно любви, т. е. большого и глубокого чувства – чувства, украшенного единством жизни, стремлений и надежд. Но такое половое воспитание должно проводиться без слишком открытого и, в сущности, циничного разбора узкофизиологических вопросов.

Как проводить такое половое воспитание? В этом деле самое главное место имеет пример. Настоящая любовь между отцом и матерью, их уважение друг к другу, помощь и забота, открыто допустимые проявления нежности и ласки, если все это происходит на глазах у детей с первого года их жизни, являются

самым могучим воспитательным фактором, необходимо возбуждают у детей внимание к таким серьезным и красивым отношениям между мужчиной и женщиной.

Вторым важнейшим фактором является вообще воспитание чувства любви у ребенка. Если, вырастая, ребенок не научился любить родителей, братьев и сестер, если в его характере воспитаны начала грубого эгоизма, очень трудно рассчитывать, что он способен глубоко полюбить избранную им женщину. Такие люди проявляют очень часто самые сильные половые чувства, но всегда склонны не уважать ту, которая их привлекает, не дорожить ее духовной жизнью и даже не интересоваться ею. Они поэтому легко меняют привязанности и очень недалеко стоят от обыкновенного разврата. Конечно, это бывает не только с мужчинами, но и с женщинами.

Любовь неполовая – дружба, опыт этой любви-дружбы, переживаемый в детстве, опыт длительных привязанностей к отдельным людям – все это самый лучший метод воспитания будущего высокообщественного отношения к женщине-другу. А без такого отношения дисциплинировать и обуздать половую сферу вообще очень трудно.

И поэтому мы советуем родителям чрезвычайно внимательно относиться к вопросу о чувствах ребенка к людям и к обществу. Необходимо заботиться, чтобы у ребенка были друзья (родители, братья, товарищи), чтобы его отношение к этим друзьям не было случайным и эгоистичным, чтобы интересы друзей занимали ребенка. Как можно раньше нужно пробуждать интерес у ребенка к своему селу или городу, к предприятию, на котором работает отец, а потом и ко всей нашей стране, к ее истории, к ее выдающимся деятелям. Конечно, для такой цели мало одних разговоров. Надо, чтобы ребенок много видел, о многом думал, чтобы он переживал художественное впечатление. Этим целям замечательно хорошо соответствует художественная литература, кино, театр.

Вот такое воспитание будет уже положительным воспитанием и в половом отношении. Оно будет создавать те черты личности и характера, которые необходимы человеку-коллективисту, а такой человек и в половой сфере будет вести себя нравственно.

В том же направлении будет полезно действовать и правильный режим, установленный в семье. Мальчик или девочка, с детства привыкшие к порядку, не имеющие опыта беспорядочной и безответственной жизни, эту свою привычку потом перенесут и на отношение к мужчине или к женщине.

Правильный режим имеет и другое, более частное значение. Беспорядочный опыт половой жизни очень часто начинается в

условиях случайных, беспорядочных встреч мальчиков и девочек, безделья, скуки, бесконтрольного пустого времяпрепровождения. Родители должны хорошо знать, с кем встречается ребенок и какие интересы преследуют эти встречи. Наконец, правильный режим способствует просто правильному физическому самочувствию ребенка, при котором никогда не возникает никакое слишком раннее половое переживание. Вовремя лечь спать и вовремя встать, не валяться в постели без нужды – это уже хорошая нравственная, а следовательно, и половая закалка.

Следующим важным условием полового воспитания является нормальная загруженность ребенка заботой и работой. Об этом говорилось в других беседах, но этот вопрос имеет большое значение и в половом воспитании. Некоторая нормальная приятная усталость к вечеру, представление об обязанностях и работах в течение дня, по утрам – все это создает очень важные предпосылки для правильного развития воображения, для равномерного распределения сил ребенка в течение дня. При таком условии у ребенка не остается ни психического, ни физического стремления к пустому, ленивому бродяжничеству, к излишней игре воображения, к случайным встречам и впечатлениям. Те дети, которые провели свое первое детство в условиях правильного и точного режима, обыкновенно и вырастают с симпатией к такому режиму, с привычкой к нему, у них и отношения к людям создаются более упорядоченные.

В таком же значении правильного общего воспитания, отражающегося обязательно и на половой сфере, выступает и спорт. Правильно организованные спортивные упражнения, в особенности коньки, лыжи, лодка, регулярная комнатная гимнастика, приносят очень большую пользу, настолько очевидную и известную, что доказывать эту пользу не нужно.

Все указанные выше воспитательные мероприятия и начала как будто не направлены непосредственно к цели полового воспитания, но они неуклонно ведут к этой цели, так как наилучшим образом содействуют воспитанию характера, организуют психический и физический опыт молодежи. Они и являются самыми могучими средствами полового воспитания.

Только в том случае, если эти начала и методы применяются в семье, становится более облегченным и эффективным и прямое воздействие родителей на детей и юношей при помощи бесед. Если же указанные нами выше условия не соблюдены, если не воспитывается чувство ребенка к отдельным людям и обществу, если не организован режим и спорт, никакие разговоры, даже самые остроумные и своевременные, не могут принести пользы.

Беседы эти должны возникать обязательно по случаю.

Никогда не нужно вести беседы авансом, поучая ребенка вперед, ничего не предъявляя к нему в его поведении. Но в то же время необходимо в этом поведении подмечать мельчайшие случаи уклонений от нормы, чтобы ничего не запустить и не становиться потом перед совершившимся фактом.

Поводом для таких бесед должны быть: свободные циничные разговоры и словечки, повышенный интерес к чужим семейным скандалам, подозрительное и не вполне чистоплотное отношение к любовным парам, легкомысленная дружба с девушками, явно не свободная от простого полового интереса, неуважение к женщине, излишнее увлечение нарядами, ранняя кокетливость, интерес к книгам, которые слишком открыто изображают половые отношения.

В более старшем возрасте эти беседы могут иметь характер убеждения, раскрытия и анализа явления, показа более положительных решений вопроса, указания на пример других юношей и девушек.

В более молодом возрасте эти беседы должны быть короче и иногда не лишены тонов прямого запрещения и укора, простого требования более чистоплотного поведения.

Гораздо лучше бесед влияют высказывания родителей, направленные по адресу посторонних лиц, если в их поведении выдвинуты проблемы полового характера. В таких высказываниях родители совершенно свободно могут выразить и чувство резкого осуждения и даже отвращения, могут при этом показать, что от своего сына или дочери они ждут других образцов поведения и настолько уверены в этом, что даже не говорят о своих детях. В таком случае никогда не нужно говорить: «Никогда так не делайте, это нехорошо», а лучше сказать так: «Я знаю, что ты так не сделаешь, – ты не такой».

Как вырастить культурного человека

Сильно ошибаются те родители, которые думают, что настоящее культурное воспитание составляет обязанность школы и общества, а семья в этой области ничего сделать не может.

Приходится иногда наблюдать такие семьи, которые больше внимания уделяют питанию ребенка, его одежде, играм и в то же время уверены, что до школы ребенок должен нагуляться, набрать сил и здоровья, а в школе он уже прикоснется к культуре.

На самом деле семья не только обязана как можно раньше начать культурное воспитание, но имеет для этого в своем распоряжении большие возможности, которые и обязана использовать как можно лучше.

Культурное воспитание в семье – дело очень нетрудное, но это справедливо только в том случае, если родители не думают, что культура нужна только для ребенка, что воспитание культурных навыков составляет только педагогическую их обязанность.

В той семье, где сами родители не читают газет, книг, не бывают в театре или кино, не интересуются выставками, музеями, разумеется, очень трудно культурно воспитывать ребенка. В этом случае, как бы родители ни старались, в их стараниях будет много неискреннего и искусственного, ребенок сразу это увидит и сразу поймет, что это не такое уж важное дело.

> Культурное воспитание ребенка должно начинаться очень рано, когда ребенку еще очень далеко до грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить.

И наоборот, в той семье, в которой сами родители живут активной культурной жизнью, где газета и книга составляют необходимую принадлежность быта, где вопросы театра и кино задевают всех за живое, там культурное воспитание будет иметь место даже тогда, когда родители как будто и не думают о нем. Отсюда, конечно, не нужно делать вывода, что воспитание культурных привычек может идти самотеком, что это – самая лучшая форма работы. Самотек и в этом деле, как и во всяком другом, может принести большой вред, понизит качество воспитания, оставит много неясностей и ошибок. Именно самотек бывает причиной таких положений, когда родители начинают разводить руками и спрашивать себя: откуда это взялось? Откуда у мальчика или у девочки такие мысли, такие привычки?

Культурное воспитание будет только в том случае полезно, когда оно организовано сознательно, сопровождается некоторым планом, правильным методом и контролем. Культурное воспитание ребенка должно начинаться очень рано, когда ребенку еще очень далеко до грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить.

Хорошо рассказанная сказка – это уже начало культурного воспитания. Было бы весьма желательно, если бы на книжной полке каждой семьи был сборник сказок. Для рассказывания малым детям многие сказки нужно, конечно, сокращать, изменять язык, доводить сказку до полного понимания.

Может быть, и родители знают сказки, слышанные ими еще в молодости.

Выбор сказки имеет большое значение. Прежде всего нужно отбросить те сказки, в которых говорится о нечистой силе, о черте, бабе-яге, о лешем, водяном, русалке. Такие сказки можно предложить детям только в старшем возрасте, когда они уже хорошо вооружены против древней темной выдумки. Это вооружение позволит им увидеть в сказке только художественную выдумку, скрывающую за образами разных чудовищ вообще нечто враждебное и злое по отношению к человеку. В младшем же возрасте образы представителей нечистой силы могут быть восприняты ребенком как реальные образы, могут направить воображение ребенка в сторону мрачной и пугающей мистики.

Лучшими сказками для малышей всегда будут сказки о животных. В русском сказочном богатстве этих сказок очень много, и они очень хороши. По мере роста ребенка можно переходить к сказкам о человеческих отношениях.

Много есть интересных повестей об Иванушке-дурачке, но из них нужно выбирать такие, где не выпячивается человеческая глупость, а Иванушка называется дурачком иронически. К этой серии нужно отнести прекрасную сказку Ершова «Конек-горбунок». Более серьезным сказочным отделом является тот, где в сказке уже изображается борьба. По отношению к этим сказкам мы рекомендуем родителям также некоторую осторожность: не нужно рассказывать сказок мрачных, описывающих гибель хороших людей или детей. Вообще, нужно сказать, что предпочитать нужно такую сказку, которая возбуждает энергию, уверенность в своих силах, оптимистический взгляд на жизнь, надежду на победу. Симпатия к угнетенным не должна сопровождаться представлением об их обреченности, последнем отчаянии. Картины печальные, говорящие о кошмарных формах насилия и эксплуатации, могут быть показаны детям только в старшем возрасте.

Очень важное значение для развития детского воображения и широких представлений о жизни имеет рассматривание иллюстраций. Для этого не обязательно выбирать детские журналы, можно воспользоваться любым воспроизведением картины, или гравюры, или фотографии, если они по своему содержанию подходят. Обычно, рассматривая такие картинки, дети много спрашивают, интересуются подробностями, зависимостями, причинами. На эти вопросы всегда необходимо отвечать в такой форме, которая доступна пониманию ребенка. Если при этом задается вопрос, на который действительно нельзя ответить, то нужно так и сказать: «Ты еще не поймешь, подрастешь – узнаешь». Подобные ответы нисколько не вредны, они приучают ребенка даже в постановке вопросов соразмерять свои силы и обещают ему более интересное и серьезное будущее.

В младшем возрасте можно допустить посещение детьми театра и кино только в исключительных случаях и на специальные пьесы, для таких детей предназначенные. Вообще же говоря, лучше в это время воздержаться от театра и кино, так как количество подходящих пьес очень незначительно. Например, пьеса символиста Метерлинка «Синяя птица» не нужна для малых детей. Очевидно, родители считают: раз написано, что «Синяя птица» – сказка, нужно показать ее детям. На самом деле эта пьеса совершенно недоступна для детей младшего возраста, а в некоторых местах и для детей среднего возраста. В пьесе – сложная и напряженная символика, усложненные характеры вещей и животных, много надуманных и натянутых образов («Ужасы»).

> Значительный переломный момент в работе семье по воспитанию культурных навыков наступает во время обучения грамоте.

Значительный переломный момент в работе семьи по воспитанию культурных навыков наступает во время обучения грамоте. Обычно этот перелом происходит уже в обстановке детского коллектива, в школе. Этот момент имеет большое значение в жизни ребенка. Ребенок вступает в область книги и печатного слова, иногда вступает неохотно, с трудом преодолевая те технические затруднения, которые ставят перед ним буква и самый процесс чтения. Не нужно насиловать детей в этой первой работе по грамотности, но не следует поощрять и некоторую лень, возникающую в борьбе с трудностями.

Книги нужно приобретать самые доступные, напечатанные крупным шрифтом, с большим количеством иллюстраций. Если даже ребенок еще не может прочитать их, то они, во всяком

случае, возбуждают у него интерес к чтению и желание преодолеть трудности грамоты.

С обучения грамоте начинается второй отдел детства – отдел, посвященный учебе и приобретению знаний. В это время школа приобретает в жизни ребенка виднейшее место, но это вовсе не значит, что родители могут забыть о своих обязанностях, и положиться только на школу. Как раз родительская культработа и общий культурный тон в семье имеют громадное значение для школьной работы ребенка, для качества и энергии его учебы, для установления правильных отношений с учителями, товарищами и всей школьной организацией. Именно в это время приобретают большое значение газета, книга, театр, кино, музей, выставки и другие формы культурного воспитания. Перейдем к рассмотрению каждого из этих установлений в отдельности.

Газета **.** Когда ребенок еще неграмотен, когда он может только слушать прочитанное, газета уже должна занять прочное место среди его впечатлений. Чтение газеты не должно происходить в отдалении от ребенка, родители не должны просматривать газету каждый для себя. В каждой газете найдется материал, который можно прочитать вслух и поговорить о нем если не специально для ребенка, то обязательно в его присутствии. Будет даже лучше, если вы по поводу прочитанного будете говорить с таким видом, как будто не думаете специально о ребенке. Он все равно будет вас слушать и тем внимательнее, чем безыскусственнее будете вы держаться.

В дальнейшем, с развитием ребенка и в особенности с того времени, когда он уже и сам научился читать, газета должна приобретать все большее и большее значение. Надо при этом стараться, чтобы он и сам читал газету, чтобы она сделалась необходимым элементом его быта. Но обязательно и семейное обсуждение прочитанного или, по крайней мере, разговор будет по поводу его. Никогда это обсуждение не нужно делать формальностью, посвящать ему определенные часы, тем более не нужно посвящать ему много времени. Во время такого разговора не нужно родителям употреблять специальный поучительный тон.

Обсуждение прочитанного должно иметь характер свободной беседы, и будет лучше, если такая беседа возникает как будто нечаянно по поводу того или иного домашнего дела или сказанного кем-нибудь слова. Если таких хороших поводов не найдется, можно просто спросить, что сегодня интересного в газетах.

Книга **.** Знакомство с книгой также должно начинаться с чтения вслух. И в дальнейшем, как бы хорошо ни был грамотен ребенок, чтение вслух должно составлять одно из самых широких

мероприятий семьи. Чрезвычайно желательно, чтобы такое чтение сделалось привычным и постоянным праздником среди рабочих будней. При этом если сначала чтецами выступают родители, то в дальнейшем эта работа должна быть передана ребятам. Но как вначале, так и потом очень полезно, если такое чтение происходит не специально для слушателя-ребенка, а в кругу семьи, с расчетом на то, что оно вызовет и коллективный отзыв и обмен мнениями. Только при помощи такого коллективного чтения можно направить читательские вкусы ребенка и выработать в нем привычку критически относиться к прочитанному.

Независимо от чтения вслух необходимо прививать ребенку и охоту самому посидеть за книжкой. Самостоятельное чтение ребенка направляется преимущественно школой, особенно в старшем возрасте, но и родители могут принести много пользы, если не оставят это чтение без своего внимания. Это внимание должно выражаться в следующем:

а) должен контролироваться самый подбор литературы, так как еще теперь приходится наблюдать, как наши дети держат в руках книги, неизвестно откуда пришедшие;

б) родители должны знать, как ребенок читает книгу; в особенности нужно бояться бессмысленного проглатывания страницы за страницей, безвольного следования только за внешней интересностью книги, за тем, что называется фабулой;

в) наконец, необходимо приучать ребенка к бережливому отношению к книге.

Многие родители слишком скромны в своем отношении к книге. Они считают, что для этого нужно специально учиться, быть специалистом-книжником. Это неверно. Как показал опыт, наши люди умеют прекрасно разбираться в книге, очень часто нисколько не хуже записных критиков. Во всяком случае, по всем вопросам, относящимся к книгам, можно получить консультацию учителя или библиотекаря, и в такой консультации никто никогда не откажет.

Кино . В наше время кино является самым могучим воспитательным фактором по отношению не только к детям, но и к взрослым.

Качественные кинофильмы являются прекрасным и высокохудожественным воспитательным средством. Тем не менее это вовсе не значит, что кино можно предложить детям в неограниченном количестве без контроля.

Прежде всего, родители должны обратить внимание на самое отношение ребенка к кино. Приходится иногда видеть, как кино делается главным содержанием жизни ребенка, когда он из-за

кино забывает о своих других обязанностях и о школьной работе, не пропускает ни одной картины, на кино тратит все свои карманные деньги и даже деньги, которые украдкой берет в семье.

Обычно в таком случае можно наблюдать и другие несимпатичные стороны такого увлечения. Ребенок привыкает к пассивному удовольствию, которое часто не идет дальше простого безвольного зрительного впечатления; он «глазеет» и только; художественные впечатления у него пробегают поверхностно, не задевая личности, не вызывая мысли, не ставя перед ним никаких вопросов. Польза такого посещения кино чрезвычайна незначительна, а иногда обращается в большой вред. Поэтому от родителей и по отношению к кино требуется направляющее внимание, требуется постоянное руководство ребенком.

Мы рекомендуем позволять ребенку бывать в кино не больше двух раз в месяц. До 14–15 лет желательно, чтобы посещение кинотеатра происходило вместе с родителями или со старшими братьями или сестрами. Это нужно не столько для контроля поведения, а для того же, для чего мы советовали совместное чтение. Каждый кинофильм должен хотя бы на несколько минут сделаться предметом обсуждения и высказывания в семье, родители должны добиваться, чтобы ребенок высказал о нем свое мнение, рассказал, что ему понравилось, что не понравилось, что произвело сильное впечатление. Если при этом родители увидят, что ребенка увлекают только внешние события, занимательность сюжета, история приключений того или другого героя, они должны при помощи одного-двух вопросов навести его на более глубокие и важные стороны кинофильма. Иногда даже не нужно задавать ребенку никаких вопросов, а нужно только в его присутствии высказать свое мнение. В известной мере родители должны и выбирать, на какой фильм более желательно направить ребенка. Почти всегда можно встретить человека, который уже посмотрел картину и кое-что может о ней рассказать. Некоторых картин уже потому нужно избегать, что они трудны по теме, ребенок в них не разберется, в других будет предложена такая тема, которая может вызвать неправильные реакции, в третьих слишком рано для ребенка предлагается тема любви или тема медицины. Разумеется, при выборе картины нужно принимать во внимание и состояние ребенка, его работу в школе, его поведение. В очень редких случаях можно отложить посещение кино, если ребенок вел себя плохо или регулярно не выполняет школьных работ. Но очень часто бывает, что как раз просмотр хорошего кинофильма помогает ребенку восстановить

правильное отношение к школе и к работе.

Театр **.** Все, что относится к кино, может быть отнесено и к театру. Но театр гораздо чаще предлагает темы, непосильные и для интеллекта, и для чувства ребенка. Такие спектакли, как «Отелло» или «Анна Каренина» должны быть признаны абсолютно противопоказанными для среднего возраста. С большой осторожностью нужно рекомендовать и посещение детьми некоторых балетов.

Вопросы выбора театральной пьесы не представляют труда, так как у нас во многих городах есть специальные театры для детей и специальный репертуар. Посещение этих театров представляет собой весьма желательное явление. Пьеса в театре требует от ребенка более серьезного и длительного напряжения внимания, в этом отношении театр гораздо сложнее кино. Уже то, что он подает пьесу с перерывами (антрактами), вызывает и более внимательное отношение зрителя к частностям темы, поддерживает в нем более активный анализ.

Посещение театра требует целого вечера, в известной мере он организует событие в жизни ребенка. Этим обстоятельством родители в особенности должны воспользоваться.

Еще больше, чем кинофильм, пьеса должна сопровождаться обсуждением и обменом мнений в семье.

Музеи и выставки **.** Почти в каждом городе у нас есть какой-нибудь музей или галерея. В некоторых городах очень много музеев, но родители редко пользуются ими. А между тем музей, выставка, галерея представляют собой очень важное воспитательное средство. Они требуют от ребенка серьезного внимания, развлекательный момент в них очень незначителен, они организуют работу детского интеллекта и вызывают большие и глубокие чувства. Нужно только стараться, чтобы осмотр музея не превратился в такое же «глазенье», относительно которого мы предупреждали, когда говорили о кино. Поэтому никогда не нужно большие музеи осматривать за один раз. В частности, Третьяковской галерее нужно обязательно посвятить несколько дней.

Другие формы культурного воспитания **.** Мы коснулись только главных форм культурного воспитания. Родителям не нужно ничего придумывать в этих областях, они должны только как можно лучше использовать все имеющиеся культурные блага.

Если родители полностью используют газету, книгу, кино, театр и музей, то они очень много дадут детям и в области знания, и в деле воспитания характера.

Но многие родители могут и прибавить. Формы культурного воспитания в семье гораздо разнообразнее, чем кажется с первого

взгляда. Возьмите обыкновенный выходной день, зимний или летний. Прогулка за город, знакомство с природой, с городом, с селом, с людьми, с такими великолепными темами, как реконструкция городов, как проведение дорог, как строительство заводов, – все это замечательные темы для наполнения или дня отдыха. Разумеется, не нужно обращать эти темы в специальные лекции или доклады. Прогулка так и должна остаться прогулкой, она должна быть отдыхом прежде всего, не нужно насиловать ребенка и заставлять его выслушивать ваши поучения. Но во время прогулок внимание ребенка останавливается невольно на том, что он видит, и несколько ваших слов, подкрепляющих его впечатления, даже шутливых, какой-нибудь рассказ, представляющий параллель с прошлым, даже рассказ смешной сделают незаметно свое большое дело.

Всеми мерами семья должна поощрять интерес к спорту. Нужно, однако, следить за тем, чтобы этот интерес не сделался интересом наблюдателя-болельщика. Если ваш сын с горячей страстью рвется на все футбольные матчи, знает имена всех рекордсменов и цифровые выражения всех рекордов, но сам не принимает участия ни в одном физкультурном кружке, не катается на коньках, не бегает на лыжах, не знает, что такое волейбол, – польза от такого интереса к спорту очень невелика и часто равняется вреду. Точно так же мало смысла в интересе, проявляемом к шахматам, если ваш ребенок в шахматы не играет. Каждая семья должна стремиться к тому, чтобы ее дети были спортсменами не только по интересу, но и в своем собственном опыте. Конечно, в этом случае всего лучше, если и сами родители принимают участие в спорте. По отношению к пожилым родителям это требование, может быть, уже запоздало, но родители молодые имеют полную возможность втянуться в тот или иной вид спорта, и в таком случае спортивная дорога их детей будет гораздо лучше оборудована.

Здесь уместно несколько слов сказать о том, что если отцы отдают известную дань спорту, то матери очень редко имеют к нему отношение, а между тем для молодых матерей спорт – очень полезное дело. Точно так же наши девушки гораздо меньше втянуты в спорт, чем мальчики.

Кроме прогулок и спорта в семье возможны такие формы культурного воспитания: устройство домашних спектаклей, выпуск газеты, участие детей в благоустройстве дома, организация детей во дворе, встреч, игр, прогулок и т. д.

Во всех видах домашнего культурного воспитания нужно отличать не только содержание его, но и формы. В каждой работе нужно добиваться наибольшей активности детей, необходимо

воспитывать умение не только смотреть и слушать, но и желать, хотеть, добиваться, стремиться к победе, преодолевать препятствия, втягивать товарищей и младших детей. В то же время такой активный метод должен отличаться вниманием к товарищам, отсутствием какого бы то ни было чванства, хвастовства.

Очень часто бывает, что первый успех в той или другой работе вызывает у ребенка преувеличенное представление о своих силах, пренебрежение к другим, привычку к быстрым победам. В дальнейшем это может отозваться неумением преодолевать длительные препятствия. Поэтому всегда хорошо, если родители нарисуют перед ребенком план на ближайшее будущее, если они заинтересуют его этим планом и будут следить за его выполнением. В такой план может быть введено и чтение книг и газет, и посещение кино, театров и музеев и т. п.

Во всяком случае, родители должны следить внимательно за тем, чтобы в практике культурного воспитания не начинали преобладать только интересы развлечения, убивания времени. Конечно, каждое культурное начинание должно доставлять и радость. Умение соединить эту радость с большой воспитательной пользой и должно составить главное умение родителей. В этом деле от родителей требуется некоторая изобретательность, по своим качествам вовсе не затруднительная.

Даже в читку газет можно ввести много нового и занятного для ребенка. Можно, например, побудить его делать вырезки по определенным вопросам. В более старшем возрасте можно заняться составлением альбомов с монтажом главных вырезок и рисунков из журналов по тому или иному вопросу.

При помощи самых разнообразных методов культурную работу в семье можно сделать очень интересной и важной, имеющей большое значение для воспитания.

Глава вторая
«Разложение» ребенка – «механические» и «химические» пути

Семья может подвергаться ударам «механического» типа, например, в случае воспитания единственного ребенка или смерти одного из родителей. В первом случае в семье просто недостаточно физических элементов общества, отец, мать и сын и количественно, и по разнообразию типа способны составить настолько легкую постройку, что она разрушается при первом явлении диспропорции, и такой диспропорцией всегда становится центральное положение ребенка. В последнем случае страшный удар не всегда приводит к катастрофе: обычно оставшиеся члены семьи способны поддержать ее целость. Вообще удары, которые мы условно называем «механическими», не являются самыми разрушительными. Гораздо тяжелее семья переносит разрушительные влияния, связанные с длительными процессами разложения. Эти явления так же условно можно назвать «химическими». «Механический» тип «единственного ребенка» только потому должен приводить к неудаче, что он необходимо вызывает «химическую» реакцию в виде гипертрофии родительской любви. «Химические» реакции в семье являются наиболее страшными. Ниже мы рассмотрим оба случая.

Нехватка родительского времени

В нашей жизни есть будни, и в будни родятся сложные наборы мелочей. В мелочах жизни теряется иногда человек. Наши родители, бывает, в этих мелочах ищут истину, забывая о воспитании собственных детей, которые в результате становятся трудными.

Помочь родителям оглянуться, задуматься, открыть глаза – вот наша скромная задача. В настоящее время дикими кажутся семейные «катастрофы», в которых гибнут отцовские чувства и счастье матерей, в которых ломаются и взрываются характеры будущих людей. Никаких детских катастроф, никаких неудач, никаких процентов брака, даже выраженных сотыми единицы, у нас быть не должно! И все-таки в некоторых семьях бывает неблагополучно. Редко это катастрофа, иногда это открытый конфликт, еще чаще это конфликт тайный: родители не только не видят его, но не видят и никаких предвестников.

Я получил письмо, написанное матерью:

«Мы имеем одного лишь сына, но лучше бы его не было… Это такое страшное, непередаваемое горе, сделавшее нас раньше времени стариками. Не только тяжело, а и дико смотреть на молодого человека, падающего все глубже и глубже, в то время когда он мог бы быть в числе лучших людей. Ведь сейчас молодость – это счастье, радость!

Он каждый день убивает нас, убивает настойчиво и упорно всем своим поведением, каждым своим поступком».

Вид у отца малопривлекательный: лицо широкое, небритое, однощекое. Отец этот неряшлив: на рукаве какие-то перья, куриные, что ли, одно перо прицепилось к его пальцу, палец жестикулирует над моей чернильницей, и перо с ним.

– Я работник… Понимаете, я работаю… Вот… И я его учу… Вы спросите его, что он скажет? Ну, что ты скажешь: я тебя учил или нет?

На стуле у стены мальчик лет тринадцати, красивый, черноглазый, серьезный. Он, не отрываясь, смотрит на отца прямо ему в глаза. В лице мальчика я не могу прочитать никаких чувств, никаких выражений, кроме спокойно-пристального, холодного внимания.

Отец размахивает кулаком, наливая кровью перекошенное лицо.

– Единственный, а? Ограбил, оставил вот… в чем стою!

Кулак его метнулся к стене. Мальчик моргнул глазами и

снова холодно-серьезно рассматривал отца.

Отец устало опускается на стул, барабанит пальцами, оглядывается; все это в полном замешательстве. Быстро и мелко дрожит у него верхний мускул щеки и ломается в старом шраме.

Он опускает большую голову и разводит руками:

– Возьмите куда-нибудь… Что ж… Не вышло. Возьмите…

Он произносит это подавленным, просительным голосом, но вдруг снова возбуждается, снова подымает кулак.

– Ну, как это можно, как? Я партизан. Меня вот… Сабля шкуровская… Голову мою… разрубила! Для них, для тебя!

Он поворачивается к сыну и опускает руки в карманы. И говорит с тем глубочайшим пафосом муки, который бывает только в последнем слове человеческом:

– Миша! Как же это можно? Единственный сын!

Мишины глаза по-прежнему холодны, но губы вдруг тронулись с места, какая-то мгновенная мысль пробежала по ним и скрылась, – ничего нельзя разобрать.

Я вижу: это враги, враги надолго, – может быть, на всю жизнь. На каких-то пустяках сшиблись эти характеры, в каких-то темных углах души разыгрались инстинкты, расходились темпераменты. Нечаянный взрыв – обычный финал неосторожного обращения с характером – этот отец, конечно, взял палку. А сын поднял против отца свободную, гордую голову – недаром ведь отец рубился со шкуровцами! Так было вначале. Сейчас он извивается в беспамятстве, а сын?

Я гляжу на Мишу сурово и тихо говорю:

– Поедешь в коммуну Дзержинского! Сегодня!

Мальчик выпрямился на стуле. В его глазах заиграли целые костры радости, осветили всю комнату, и в комнате стало светлее. Миша ничего не сказал, но откинулся на спинку стула и направил родившуюся улыбку прямо на шкуровский шрам, на замученные очи батька. И только теперь я прочитал в его улыбке неприкрытую, решительную ненависть.

Отец печально опустил голову.

Миша ушел с инспектором, а отец спросил у меня, как у оракула:

– Почему я потерял сына?

Я не ответил. Тогда отец еще спросил:

– Там ему хорошо будет?

Книги, книги, книги до потолка. Дорогие имена на великолепных корешках. Огромный письменный стол. На столе тоже книги, монументальный саркофаг чернильницы, сфинксы, медведи, подсвечники.

В этом кабинете жизнь кипит, книги не только стоят на полках, а и шелестят в руках, газеты не только валяются между диванными подушками, а и распластываются перед глазами: здесь события обсуждаются, живут – в интонациях, украшенных тонким знанием. А между событиями, растворенные в табачном дыме, ходят по кабинету лысины и прически, бритые подбородки, американские усики и янтарные мундштуки, и в рамках роговых оправ смотрят глаза, увлажненные росой остроумия.

В просторной столовой чай подается не богатый, не старомодный самоварный чай, не ради насыщения, а чай утонченный, почти символический, украшенный фарфором, кружевными салфетками и строгим орнаментом аскетического печенья. Чуточку томная, немножко наивная, изысканно-рыженькая хозяйка балованными маникюрными пальчиками дирижирует чаем. К чаю прилетают веселым роем имена артистов и балерин, игриво-проказливые новеллы, легкокрылые жизнерадостные эпизодики. Ну, а если к чаю подадут закуску и улыбающийся хозяин два-три тура сделает с графинчиком, тогда после чая снова переходят в кабинет, снова закурят, придавят на диване газетные листы, подомнут боками подушечки и, откидывая головы, захохочут над последним анекдотом.

Разве это плохо? Кто его знает, но среди этих людей всегда вертится и заглядывает в глаза двенадцатилетний Володя, мальчик худенький и бледный, но энергичный. Когда очередной анекдот почему-либо запаздывает выходом, папа подает Володю, подает в самой миниатюрной порции. В театральной технике это называется «антракт».

Папа привлекает Володю к своим коленям, щекочет в Володином затылке и говорит:

– Володька, ты почему не спишь?

Володя отвечает:

– А ты почему не спишь?

Гости в восторге. Володя опускает глаза на папино колено и улыбается смущенно – гостям так больше нравится.

Папа потрепывает Володю по какому-либо подходящему месту и спрашивает:

– Ты уже прочитал «Гамлета»?

Володя кивает головой.

– Понравилось?

Володя и в этот момент не теряется, но смущение сейчас не у места:

– А, не очень понравилось! Если он влюблен в… эту… в Офелию, так почему они не женятся? Они волынят, а ты читай!

Новый взрыв хохота у гостей. Из угла дивана какой-нибудь

уютный бас прибавляет необходимую порцию перца:

– Он, подлец, алиментов платить не хочет!

Теперь и Володя хохочет, смеется и папа, но очередной анекдот уже вышел на сцену:

– А вы знаете, что сказал один поп, когда ему предложили платить алименты?

«Антракт окончен». Володя вообще редко подается в таком программном порядке – папа понимает, что Володя приятен только в малых дозах. Володе такая дозировка не нравится. Он вертится в толпе, переходит от гостя к гостю, назойливо прислоняется даже к незнакомым людям и напряженно ловит момент, когда можно спартизанить: и себя показать, и гостей развеселить, и родителей возвеличить.

За чаем Володя вдруг вплетает в новеллу свой звонкий голос:

– Это его любовница, правда?

Мать воздевает руки и восклицает:

– Вы слышите, что он говорит? Володя, что ты говоришь?!

Но на лице у мамы вместе с некоторой нарочитой оторопелостью написаны и нечаянные восхищение и гордость: эту мальчишескую развязность она принимает за проявление таланта. В общем списке изящных пустяков талант Володи тоже уместен: японские чашки, ножики для лимона, салфеточки и… сын замечательный.

В мелком и глупом тщеславии родители не способны присмотреться к физиономии сына и прочитать на ней первые буквы будущих своих семейных неприятностей. У Володи очень сложное выражение глаз. Он старается сделать их невинными, детскими глазами – это по специальному заказу, для родителей, но в этих же глазах поблескивают искорки наглости и привычной фальши – это для себя.

> Дорогие родители! Вы иногда забываете о том, что в вашей семье растет человек, что этот человек на вашей ответственности.

Какой из него может выйти человек?

Дорогие родители! Вы иногда забываете о том, что в вашей семье растет человек, что этот человек на вашей ответственности. Пусть вас не утешает, что это не больше, как моральная ответственность.

Может настать момент, вы опустите голову и будете разводить руками в недоумении и будете лепетать, может быть, для усыпления все той же моральной ответственности: «Володя был такой замечательный мальчик! Просто все восторгались».

Неужели вы так никогда и не поймете, кто виноват?

Впрочем, катастрофы может и не быть.

Наступает момент, когда родители ощущают первое, тихонькое огорчение. Потом второе. А потом они заметят среди уютных ветвей семейного дерева сочные ядовитые плоды. Расстроенные родители некоторое время покорно вкушают их, печально шепчутся в спальне, но на людях сохраняют достоинство, как будто в их производстве нет никакого прорыва. Ничего трагического нет, плоды созрели, вид достаточно приятен.

Родители поступают так, как поступают все бракоделы: плоды сдаются обществу как готовая продукция…

Когда в вашей семье появляется первая «детская» неурядица, когда глазами вашего ребенка глянет на вас еще маленькая и слабенькая, но уже враждебная зверушка, почему вы не оглядываетесь назад, почему вы не приступаете к ревизии вашего собственного поведения?

Нет, вы обязательно ищете оправданий…

Человек в очках, с рыженькой бородкой, человек румяный и жизнерадостный, вдруг завертел ложечкой в стакане, отставил стакан в сторону и схватил папиросу:

– Вы, педагоги, все упрекаете: методы, методы! Никто не спорит, методы, но разрешите же, друзья, основной конфликт!

– Какой конфликт?

– Ага! Какой конфликт? Вы даже не знаете? Нет, вы его разрешите!

– Ну, хорошо, давайте разрешу, чего вы волнуетесь?

Он вкусно затянулся, пухлыми губками выстрелил колечко дыма и… улыбнулся устало:

– Ничего вы не разрешите. Конфликт из серии неразрешимых. Если вы скажете, тем пожертвовать или этим пожертвовать, какое же тут разрешение? Отписка! А если ни тем, ни этим нельзя пожертвовать?

– Все же интересно, какой такой конфликт?

Мой собеседник повернулся ко мне боком. Поглядывая на меня сквозь дым папиросы, перекидывая ее в пальцах, оттеняя папиросой мельчайшие нюансы своей печали, он сказал:

– С одной стороны, работа, долг, с другой стороны, долг перед своим ребенком, перед семьей. Общество требует от меня целого рабочего дня: утро, день, вечер – все отдано и распределено. А ребенок? Это же математика: подарить время ребенку – значит сесть дома, отойти от жизни. Надо же поговорить с ребенком, надо же многое ему разъяснять, надо же воспитывать его, черт возьми!

Он высокомерно потушил в пепельнице недокуренную

нервную папиросу.

Я спросил осторожно:

– У вас мальчик?

– Да, в шестом классе – тринадцать лет. Хороший парень и учится, но он уже босяк. Мать для него прислуга. Груб. Я ж его не вижу. И представьте, пришел к нему товарищ, сидят они в соседней комнате, и вдруг слышу: мой Костик ругается. Вы понимаете, не как-нибудь там, а просто кроет матом.

– Вы испугались?

– Позвольте, как это «испугался»? В тринадцать лет он уже все знает, никаких тайн. Я думаю, и анекдоты разные знает, всякую гадость!

– Конечно, знает.

– Вот видите! А где был я? Где был я, отец?

– Вам досадно, что другие люди научили вашего сына ругательным словам и грязным анекдотам, а вы не приняли в этом участия?

– Вы шутите! – закричал мой собеседник. – А шутка не разрешает конфликта!

Он нервно заплатил за чай и убежал.

А я вовсе не шутил. Я просто спрашивал его, а он что-то лепетал в ответ. Он пьет чай в клубе и болтает со мной – это тоже общественная нагрузка. А дай ему время, что он будет делать? Он будет бороться с неприличными анекдотами? Как? Сколько ему было лет, когда он сам начал ругаться? Какая у него программа? Что у него есть, кроме «основного конфликта»? И куда он убежал? Может быть, воспитывать своего сына, а может быть, в другое место, где можно еще поговорить об «основном конфликте»?

«Основной конфликт» – отсутствие времени – наиболее распространенная отговорка родителей-неудачников. Защищенные от ответственности «основным конфликтом», они рисуют в своем воображении целительные разговоры с детьми. Картина благостная: говорит, а ребенок слушает. Говорить речи и поучения собственным детям – задача невероятно трудная. Чтобы такая речь произвела полезное воспитательное действие, требуется счастливое стечение многих обстоятельств. Надо, прежде всего, чтобы вами выбрана была интересная тема, затем необходимо, чтобы ваша речь отличалась изобретательностью, сопровождалась хорошей мимикой; кроме того, нужно, чтобы ребенок отличался терпением.

С другой стороны, представьте себе, что ваша речь понравилась ребенку. На первый взгляд может показаться, что это хорошо, но на практике иной родитель в таком случае взбеленится. Что это за педагогическая речь, которая имеет целью

детскую радость? Хорошо известно, что для радости есть много других путей; «педагогические» речи, напротив, имеют целью огорчить слушателя, допечь его, довести до слез, до нравственного изнеможения.

Не подумайте, пожалуйста, что всякая беседа с ребенком не имеет смысла. Мы предостерегаем вас только от чрезмерных надежд на разговоры.

Как раз те родители, которые плохо воспитывают своих детей, и вообще те люди, которые отличаются полным отсутствием педагогического такта, – все они слишком преувеличивают значение педагогических бесед.

Воспитательную работу они рисуют себе так: воспитатель помещается в некоторой субъективной точке. На расстоянии трех метров находится точка объективная, в которой укрепляется ребенок. Воспитатель действует голосовыми связками, ребенок воспринимает слуховым аппаратом соответствующие волны. Волны через барабанную перепонку проникают в душу ребенка и в ней укладываются в виде особой педагогической соли.

Иногда эта позиция прямого противостояния субъекта и объекта несколько разнообразится, но расстояние в три метра остается прежним. Ребенок как будто на привязи, кружит вокруг воспитателя и все время подвергается либо действию голосовых связок, либо другим видам непосредственного влияния. Иногда ребенок срывается с привязи и через некоторое время обнаруживается в самой ужасной клоаке жизни. В таком случае воспитатель, отец или мать, протестует дрожащим голосом: «Отбился от рук! Целый день на улице! Мальчишки! Вы знаете, какие у нас во дворе мальчишки? А кто знает, что они там делают? Там и беспризорные, бывают, наверное…»

И голос, и глаза оратора просят: поймайте моего сына, освободите его от уличных мальчиков, посадите его снова на педагогическую веревку, позвольте мне продолжать воспитание.

Для такого воспитания, конечно, требуется свободное время, и, конечно, это будет время загубленное. Система бонн и гувернеров, постоянных надсмотрщиков и зудельщиков давно провалилась, не создав в истории ни одной яркой личности. Лучшие, живые дети всегда вырывались из этой системы.

Человек не может быть воспитан непосредственным влиянием одной личности, какими бы качествами эта личность не обладала. Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего – люди. Из них на первом месте – родители и педагоги. Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число

отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка.

Весь этот «хаос» не поддается как будто никакому учету, тем не менее он создает в каждый данный момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им – задача воспитателя.

Бессмысленна и безнадежна попытка некоторых родителей извлечь ребенка из-под влияния жизни и подменить социальное воспитание индивидуальной домашней дрессировкой. Все равно это окончится неудачей: либо ребенок вырвется из домашнего застенка, либо вы воспитаете урода.

– Выходит так, что за воспитание ребенка отвечает жизнь. А семья при чем?

– Нет, за воспитание ребенка отвечает семья, или, если хотите, родители. Но педагогика семейного коллектива не может лепить ребенка из ничего. Материалом для будущего человека не может быть ограниченный набор семейных впечатлений или педагогических поучений отцов. Материалом будет жизнь во всех ее многообразных проявлениях.

Раньше в зажиточных семьях называли детей «ангельскими душами». В наше время было сказано, что дети – «цветы жизни». Это хорошо. Но скоропалительные в суждениях, сентиментальные люди не дали себе труда задуматься над этими прекрасными словами. Если сказано «цветы», значит, нужно цветами любоваться, ахать, носиться, нюхать, вздыхать. Нужно, пожалуй, самим цветам внушить, что они составляют неприкосновенный, «роскошный» букет.

В этом узкоэстетическом и бессмысленном восторге уже заложено его посрамление. «Цветы жизни» надлежит представлять себе не в виде «роскошного» букета в китайской вазе на вашем столе. Сколько бы вы ни восторгались такими цветами, сколько бы ни ахали, эти цветы уже умирают, они уже обречены и они бесплодны. Завтра вы прикажете их просто выбросить. В лучшем случае, если вы неисправимо сентиментальны, вы засушите их в толстой книге, и после этого ваша радость станет еще более сомнительной: сколько угодно предавайтесь воспоминаниям, сколько угодно смотрите на них, перед вами будет только сено, простое сено!

Нет, наши дети вовсе не такие цветы. Наши дети цветут на живом стволе нашей жизни, это не букет, это прекрасный яблоневый сад. И этот сад – наш, здесь право собственности звучит, честное слово, очаровательно! Трудно, конечно, не любоваться таким садом, трудно ему не радоваться, но еще

труднее не работать в таком саду. Будьте добры, займитесь этим делом: вскапывайте, поливайте, снимайте гусеницу, обрезайте сухие веточки.

Вспомните слова: «Людей нужно заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево».

Обратите внимание: плодовое. Не только аромат, не только «гаммы красок» – плоды, вот что должно вас интересовать в особенной степени. И поэтому не набрасывайтесь на цветы с одними вздохами и поцелуями, возьмите в руки лопату, ножницы, лейку, достаньте лестницу. А когда в вашем саду появится гусеница, возьмите парижскую зелень. Не бойтесь, побрызгайте немножко, пусть даже цветам будет чуточку неприятно. Между прочим, у хорошего садовника гусеница никогда не появится.

Да, давайте будем садовниками. Это блестящее сравнение позволит нам кое-что выяснить в трудном вопросе, кто воспитывает ребенка – родители или жизнь?

Кто выращивает садовое дерево?

Из земли и воздуха оно берет атомы своего тела, солнце дает ему драгоценную силу горения, ветры и бури воспитывают в нем стойкость в борьбе, соседние братья-деревья спасают его от гибельного одиночества. И в дереве и вокруг него всегда протекают сложнейшие химические процессы.

Что может измерить садовник в этой кропотливой работе жизни? Не должен ли он бессильно и покорно ожидать, пока созреют плоды, чтобы кощунственной и наглой рукой похитителя сорвать их и сожрать?

Так именно и делают дикари где-нибудь в трущобах Огненной Земли. И так делают многие родители.

Но так не делает настоящий садовник.

Человек давно научился осторожно и нежно прикасаться к природе. Он не творит природу и не уничтожает ее, он только вносит в нее свой математически-могучий корректив; его прикосновение, в сущности, не что иное, как еле заметная перестановка сил. Там подпорка, там разрыхленная земля, там терпеливый зоркий отбор.

Наше воспитание – такой же корректив. И поэтому только и возможно воспитание. Разумно и точно провести ребенка по богатым дорогам жизни, среди ее цветов и сквозь вихри ее бурь, может каждый человек, если он действительно захочет это сделать.

Ничто меня так не возмущает, как панический и отвратительный вопль:

– Уличные мальчики!!

– Вы понимаете, все было хорошо, а потом Сережа подружился с разными мальчиками на нашем дворе…

– Эти «разные мальчики» разлагают Сережу. Сережа шляется неизвестно где. Сережа взял из шкафа отрез на брюки и продал. Сережа пришел под утро, и от него пахло водкой. Сережа оскорбил мать.

Только самый безнадежный простак может поверить, что все это сделали «разные мальчики», «уличные мальчики». Сережа – вовсе не новая марка. Это обычный, достаточно надоевший стандарт, и выделывается он отнюдь не уличными мальчиками и не «мальчиками на нашем дворе», а ленивыми и бессовестными родителями, выделывается вовсе не молниеносно, а настойчиво и терпеливо, начиная с того времени, когда Сереже было полтора года. Выделывается при помощи очень многих безобразнейших приспособлений: бездумной лени, привольного фантазирования и самодурства, а самое главное – при помощи непростительной безответственности и ничтожного состояния чувства долга.

Сережа и есть в первую очередь «уличный мальчик», но таковым он сделался только в семье. На вашем дворе, может быть, он действительно встретит таких же, как он, неудачников, они вместе составят обычную стайку ребят, одинаково деморализованных и одинаково «уличных». Но на том же дворе вы найдете десятки детей, для которых семейный коллектив и семейный корректив создали какие-то установки, какие-то традиции, помогающие им осилить уличных мальчиков, не чуждаясь их и не отгораживаясь от жизни семейными стенами.

В успехе семейного воспитания решающим является активное, постоянное, вполне сознательное выполнение родителями их долга перед обществом. Там, где этот долг реально переживается родителями, где он составляет основу ежедневного их самочувствия, там он необходимо направляет и воспитательную работу семьи, и там невозможны никакие провалы и никакие катастрофы.

Но есть, к сожалению, категория родителей, довольно многочисленная, у которых этот закон не действует. Эти люди как будто хорошие, но они страдают либо непоследовательностью мысли, либо слабостью ориентировки, либо малым объемом внимания. И только поэтому чувство долга не включается у них в сферу семейных отношений и, стало быть, в сферу воспитания детей. И только поэтому их постигают более или менее тяжкие неудачи, и только поэтому они сдают обществу сомнительную человеческую продукцию.

Другие поступают честнее. Они говорят искренним голосом: «Надо уметь воспитывать. Я, может быть, действительно не так

делаю. Надо знать, как воспитывать».

В самом деле: все хотят хорошо воспитывать своих детей, но секрет не всем известен. Кто-то им обладает, кто-то пользуется, а вы во тьме ходите, вам никто не открыл тайны.

В таком случае взоры всех обращаются к педагогическим техникумам и вузам.

Между нами: среди нашей педагогической братии процент семейных бракоделов нисколько не меньше, чем у вас. И наоборот, прекрасные дети вырастают часто у таких родителей, которые никогда не видели ни парадного, ни черного входа в педагогическую науку.

А педагогическая наука очень мало занимается вопросами семейного воспитания. Поэтому даже самые ученые педагоги хотя и хорошо знают, что от чего происходит, но в воспитании собственных детей стараются больше полагаться на здравый смысл и житейскую мудрость. Пожалуй, они чаще других грешат наивной верой в педагогический «секрет».

Я знал одного такого профессора педагогики. Он к своему единственному сыну всегда подходил с книгами в руках и с глубокими психологическими анализами. Как и многие педагоги, он верил, что в природе должен существовать этакий педагогический трюк, после которого все должны пребывать в полном благостном удовлетворении: и воспитатель, и ребенок, и принципы, – тишь и гладь, и божья благодать! Сын за обедом нагрубил матери. Профессор недолго думал и решил воодушевленно:

– Ты, Федя, оскорбил мать, следовательно, ты не дорожишь семейным нашим очагом, ты недостоин находиться за нашим столом. Пожалуйста, с завтрашнего дня я даю тебе ежедневно пять рублей – обедай где хочешь.

Профессор был доволен. По его мнению, он реагировал на грубость сына блестяще. Федя тоже остался доволен. Но трюковый план не был доведен до конца: тишь и гладь получились, но божья благодать выпала.

Профессор ожидал, что через три-четыре дня Федя бросится к нему на шею и скажет:

– Отец! Я был не прав, не лишай меня семейного очага!

Но случилось не так, вернее, не совсем так. Феде очень понравилось посещение ресторанов и кафе. Его смущала только незначительность ассигнованной суммы. Он внес в дело некоторые поправки: порылся в семейном очаге и проявил инициативу. Утром в шкафу не оказалось профессорских брюк, а вечером сын пришел домой пьяный. Растроганным голосом он изъяснялся в любви к папе и маме, но о возвращении к семейному

столу вопроса не подымал. Профессор снял с себя ремешок и размахивал им перед лицом сына в течение нескольких минут.

Через месяц профессор поднял белый флаг и просил принять сына в трудовую колонию. По его словам, Федю испортили разные товарищи: «Вы знаете, какие бывают дети?»

Некоторые родители, узнав об этой истории, обязательно спросят: «Хорошо! Ну, а все-таки, как же нужно поступать, если сын за обедом нагрубил матери?»

Этак, пожалуй, вы меня спросите: как нужно поступить, если утерян кошелек с деньгами? Подумайте хорошенько, и вы сразу найдете ответ: купите себе новый кошелек, заработайте новые деньги и положите их в кошелек.

> Всю воспитательную работу нужно начинать сначала, нужно многое в вашей семье пересмотреть, о многом подумать и прежде всего самого себя положить под микроскоп.

Если сын оскорбляет мать, никакой фокус не поможет. Это значит, что вы очень плохо воспитывали вашего сына, давно воспитывали плохо, долго. **Всю воспитательную работу нужно начинать сначала, нужно многое в вашей семье пересмотреть, о многом подумать и прежде всего самого себя положить под микроскоп.** А как поступить немедленно после грубости, нельзя решить вообще – это случай сугубо индивидуальный. Надо знать, что вы за человек и как вы вели себя в семье. Может быть, вы сами были грубы с вашей женой в присутствии сына. Впрочем, если вы оскорбляли вашу жену, когда сына не было дома, – тоже достойно внимания.

Нет, фокусы в семейном воспитании должны быть решительно отброшены. Рост и воспитание детей – это большое, серьезное и страшно ответственное дело, и это дело, конечно, трудное. Отделаться здесь легким трюком нельзя. Если вы родили ребенка – это значит: на много лет вперед вы отдали ему все напряжение вашей мысли, все ваше внимание и всю вашу волю. Вы должны быть не только отцом и шефом ваших детей, вы должны быть еще и организатором вашей собственной жизни, ибо вне вашей деятельности как гражданина, вне вашего самочувствия как личности не может существовать и воспитатель.

Отсутствие семейного единства

Пришел ко мне пацан. Лет ему, вероятно, двенадцать, а может, и меньше. Уселся против меня в кресле, потирает ручонкой бортик стола, собирается говорить и волнуется. Голова у него круглая, стриженая, щеки пухленькие, а большие глаза укрыты такой обыкновенной, стандартной слезой. Я вижу белоснежно-чистый воротничок нижней сорочки.

Пацан этот – актер, я таких много видел. На его физиономии хорошо сделано горе, сделано из взятых напрокат, вероятно, в кино, стариковских мимических материалов: брови сдвинуты, нежные мускулы лба сложены в слабосильную складку. Я посмотрел на него внимательно и предложил:

– Ну, что же? Говори, что тебе нужно. Как зовут?

Пацан шикарно вздохнул, еще раз потянул ладошкой по столу, нарочно отвернул в сторону лицо и нарочно замогильным голосом сказал:

– Коля. А что говорить? Жить нечем. И кушать нечего.

– Отца нет?

Коля прибавил слезы и молча повертел головой.

– А мать?

Он заложил сложенные руки между колен, наклонился немного вперед, поднял глаза к окну и великолепно сыграл:

– Ах, мать! Нечего и говорить! Чего вы хотите, если она служит… На вешалке… в клубе!

Пацан так расстроился, что уже не меняет позы, все смотрит в окно. В глазах перекатывается все та же слеза.

– Та-ак, – сказал я. – Так что тебе нужно?

Он взглядывает на меня и пожимает плечами:

– Что-нибудь нужно сделать. В колонию отправьте.

– В колонию? Нет, ты не подходишь. В колонии тебе будет трудно.

Он подпирает голову горестной рукой и задумчиво говорит:

– Как же я буду жить? Что я буду кушать?

– Как это? Ты же у матери?

– Разве можно жить на пять рублей? И одеться же нужно?

Я решил, что пора перейти в наступление.

– Ты другое скажи: почему ты школу бросил?

Я ожидал, что Коля не выдержит моей стремительной атаки, заплачет и растеряется. Ничего подобного. Коля повернул ко мне лицо и деловито удивился:

– Какая может быть школа, если мне кушать нечего?

– Разве ты сегодня не завтракал?

Коля встал с кресла и обнажил шпагу. Он, наконец, понял, что и горестная поза, и неистощимая слеза в глазах не производят на меня должного впечатления. Против таких скептиков, как я, нужно действовать решительно. Коля выпрямился и сказал:

– Чего вы меня допрашиваете? Вы не хотите мне помочь, я пойду в другое место. И нечего про завтрак. Завтракал, завтракал!

– Ах, вот ты какой! – сказал я. – Ты боевой!

– Конечно, боевой, – шепнул Коля, но глаза опустил.

– Ты – нахал, – сказал я медленно, – ты – настоящий нахал!

Коля оживился. В его голосе прорвались, наконец, хорошие мальчишеские нотки. И слезы вдруг как не бывало.

– Вы не верите? Вы не верите? Да? Ну, прямо скажите, что не верите!

– А что же ты думаешь: и скажу. Не верю, и все ты наврал. И есть нечего, и надевать нечего! Совсем умираешь, бедный! С голоду!

– Ну, и не верьте, – небрежно сказал Коля, направляясь к выходу.

– Нет, постой, – остановил я его. Ты тут сидел, врал, сколько времени пропало! Теперь поедем!

– Куда поедем? – испугался Коля.

– К тебе поедем, к матери.

– Вот! Смотри ты! Никуда я не поеду! Чего я поеду?

– Как чего? Домой поедешь.

– Мне совсем не нужно домой. Мало ли чего вам захочется.

Я рассердился на пацана:

– Довольно болтать! Говори адрес! Молчишь? Хорошо: садись и ожидай!

Коля не сказал адреса, но уселся в кресле и затих. Через пять минут он залез в машину и покорно сказал, куда ехать.

Через просторный двор нового рабочего клуба он прошел впереди меня, подавленный и расстроенный, но это уже было детское горе, и поэтому в нем активное участие принимали нос, и щеки, и рукава черной курточки, и другие приспособления для налаживания нервов.

В небольшой чистенькой комнате, в которой были и занавеси, и цветы, и украинский пестрый коврик у белой кровати, Коля с места в карьер сел на стул, положил голову на кровать и заревел, что-то приговаривал невнятное и на кого-то обижался, но кепку крепко держал в руке. Мать, молодая, тоже большеглазая и тоже с пухленькими щечками, взяла кепку из его руки и повесила на гвоздик, потом улыбнулась мне:

– Чего он там наделал такого? Вы его привели?

Коля на секунду прекратил рыдания для того, чтобы

предупредить возможные с моей стороны каверзы:

– Никто меня не приводил! Я сам его привел! Пристал и пристал: едем и едем! Ну, и говорите, пожалуйста…

Он опять ринулся в мягкую постель, но плакал теперь как-то одной стороной, а другой слушал, о чем мы говорили с матерью.

Мать не волновалась:

– Не знаю, что мне с ним делать. Он не был такой, а как пожил у брата в Черниговской области, так с ним и сделалось. И вы не думайте: он сам не знает, что ему нужно. А научился: ходит и ходит! Научился просить разное… и школу бросил, а ведь в четвертом классе. Учился бы, а он по начальникам ходит, беспокоит. А спросите его, чего ему не хватает? И одет, и обут, и постель хорошая, и кушанье у нас, не скажу, какие разносолы, а никогда голодным не был.

Коля перестал плакать, но лежал головой на кровати, а под стулом водил ногой, видно, о чем-то своем думал, переживал возражения на скромные сентенции матери.

Мать удивила меня своим замечательным оптимизмом. Из ее рассказа было ясно, что жить ей с сыном трудно, но у нее все хорошо и всем она довольна.

– Раньше хуже было: девяносто рублей, подумайте! А сейчас сто двадцать, и утро у меня свободное, я то тем, то сем заработаю. И учусь. Через три месяца перехожу в библиотеку, буду получать сто восемьдесят.

Она улыбалась с уверенным покоем в глазах. В ней не было даже маленького напряжения, чего-либо такого, что говорило бы о лихорадочной приподнятости, о неполной уверенности в себе. Это была оптимистка до самых далеких глубин души. На фоне ее светлого характера очень диким показался мне бестолковый и неискренний бунт ее сына. Но и в этом бунте мать ничего особенного не находила:

– Пусть побесится! Это ему полезно будет! Я ему так и сказала: не нравится у меня, ищи лучшего. Школу хочешь бросить – бросай, пожалуйста. Только смотри, вот здесь, в комнате, я никаких разговоров не хочу слушать. Ищи других, которые с тобой, с дураком, разговаривать захотят. Это его у дяди испортили. Там кино каждый день бесплатное! А я где возьму кино? Сядь, книжку почитай! Ничего, перебесится! Теперь в колонию ему захотелось. Приятели там у него, как же!

Коля уже сидел спокойно на стуле и внимательным теплым взглядом следил за оживленно-улыбчивой мимикой матери. Она заметила его внимание и с притворно-ласковой укоризной кивнула:

– Ишь, сидит, барчук! У матери ему плохо! Ничего не скажу,

ищи лучше, попрошайничай там…

Коля откинул голову на спинку стула и повел в сторону лукавым глазом.

– И зачем ты, мама, такое говоришь? Я не попрошайничаю вовсе, а могу требовать.

– Чего? – спросила мать, улыбаясь.

– Что мне нужно, – еще лукавее ответил он.

Не будем судить, кто виноват в этом конфликте. Суд – трудное дело, когда неизвестны все данные. Мне и сын и мать одинаково понравились. Я большой поклонник оптимизма и очень люблю пацанов. Такие пацаны много делают глупостей и много огорчений причиняют нам, старикам, но они всегда прелестны! Они приветливо улыбаются матери, а нам, бюрократам, показывают полную пригоршню потребностей и вякают:

– Отправьте меня в лагерь.

– Отправьте меня в летную школу, я хочу быть летчиком!

– Честное слово, я буду работать и учиться!

И все-таки… Все-таки нехорошо вышло и у Коли, и у его матери. Как-то так получилось, что потребности сына вырастали по особой кривой, ничего общего не имеющей ни с материнской борьбой, ни с ее успехами и надеждами. Кто в этом виноват? Конечно, не дядя-директор. Пребывание у дяди только толкнуло вперед бесформенный клубок плохо воспитанных претензий Коли.

И летняя школа, и лагерь, и даже кино и хорошая пища – прекрасные вещи. Естественно, к ним может стремиться каждый пацан.

Но совершенно понятно, что мы не имеем права считать потребностью каждую группу свободно возникающих желаний. Это значило бы создать простор для каких угодно индивидуальных припадков, и в таком просторе возможна только индивидуальная борьба со всеми последствиями, печально из нее вытекающими. Главное из этих последствий – уродование личностей и гибель их надежд. Это старая история мира, ибо капризы потребностей – это капризы насильников.

Поведение Коли на первый взгляд может показаться поведением обычного мальчика, настолько захваченного движением истории, что бег семейной колесницы для него уже скучен. Общий колорит этого случая настолько симпатичен, что невольно хочется оказать Коле помощь и удовлетворить его неясные желания. Многие так и делают. Я много видел таких облагодетельствованных мальчиков. Из этих мальчиков редко

получается какой-нибудь толк. Такие, как Коля, прежде всего насильники, пусть в самой дозе. Они подавляют своими требованиями сначала отца или мать, потом приступают с ножом к горлу к представителям государственного учреждения и здесь настойчиво ведут свою линию, подкрепляя ее всем, что попадается под руку: жалобой, слезой, игрой и нахальством.

И за физиономией Коли и за его детским притворством скрывается нравственная пустота, отсутствие какого бы то ни было коллективного опыта, который в двенадцать лет должен быть у любого ребенка. Такая пустота образуется всегда, если с раннего детства в семье нет единства жизни, быта, стремлений, нет упражнений в коллективных реакциях. В таких случаях у ребенка потребность набухает в уединенной игре воображения без всякой связи с потребностями других людей. Только в коллективном опыте может вырасти потребность нравственно ценная. Конечно, в двенадцать лет она никогда не будет оформлена в виде яркого желания, потому что корни ее покоятся не в водянистой игре чистой фантазии, а в сложнейшей почве еще неясного коллективного опыта, в сплетении многих образов близких и менее близких людей, в ощущении человеческой помощи и человеческой нужды, в чувствах зависимости, связанности, ответственности и многих других.

Вот почему так важен для первого детства правильно организованный семейный коллектив. У Коли этого коллектива не было, было только соседство с матерью. И каким бы хорошим человеком ни была мать, простое соседство с нею ничего не могло дать положительного. Скорее, наоборот: нет опаснее пассивного соседства хорошего человека, ибо это – наилучшая среда для развития эгоизма. В таком случае как раз и разводят руками многие хорошие люди и вопрошают: «В кого он уродился?»

Детская избалованность

Алеше четырнадцать лет. Он покраснел, надулся:

– Как, вы достали мягкий? Я не поеду в мягком!

Мать смотрит на него со строгим удивлением:

– Почему ты не поедешь в мягком?

– А почему в прошлом году было в международном? А почему теперь в мягком?

– В прошлом году было больше денег…

– Какие там деньги? – говорит Алеша презрительно. – Деньги? Я знаю, в чем тут дело. Просто потому, что это я еду. Меня можно в чем угодно возить!

Мать говорит холодно:

– Думай, как хочешь. Если не нравится в мягком, можно и совсем не ехать.

– Вот видишь? Вот видишь? – обрадовался Алеша. – Могу и совсем не ехать! Все рады будете! Конечно! И даже билет можно продать. Деньги все-таки!

Мать пожимает плечами и уходит. Она должна еще подумать, что дальше делать с такими проклятыми вопросами.

Но Надя, старшая сестра Алеши, не так спокойна и ничего не откладывает. Надя помнит более суровые времена. Она с насмешкой смотрит на брата, и Алеша читает в ее прикушенной губе еще и осуждение. Он знает, что через минуту сестра обрушится на него со страшной силой девичьего невыносимого презрения. Алеша встает со стула и даже напевает песенку – так он спокоен. Но все напрасно; песенку обрывает короткая оглушительная «очередь»:

– Нет, ты мне объясни, молокосос, когда ты успел привыкнуть к международным?

Алеша оглядывается и находит мальчишеский увертливый ответ:

– Разве я говорил, что привык? Я просто интересуюсь. Каждому интересно, понимаешь…

– А жестким вагоном ты не интересуешься?

– Жестким тоже интересуюсь, но только… это потом… в следующий раз… И потом… какое, собственно говоря, твое дело?

– Мое, – говорит сестра серьезно, – мое дело. Во-первых, ты не имеешь права ехать на курорт. Никакого права! Ты здоровый мальчишка и ничем не заслужил, ничем, понимаешь, абсолютно! С какой стати разводить таких? С какой стати, говори?

Алеша начинает скептически:

– Вон куда поехала! По-твоему, так я и обедать не имею

права, тоже не заслужил…

Но он понимает, что стратегическое отступление необходимо. Надька способна на всякую гадость, и перспектива курорта может отодвинуться в далекие эпохи, называемые «взрослыми». Чем кончится сегодняшняя кампания? Хорошо, если только местным пионерским лагерем! Через пятнадцать минут Алеша шутя подымает руки:

– Сдаюсь! Готов ехать в товарном вагоне! Пожалуйста!

Потребность Алеши в международном вагоне не родилась в игре воображения, она выросла в опыте, и тем не менее все понимают, что эта потребность в той или иной мере безнравственна. Понимает это и мать, но она не в силах изменить положение.

Не всякий опыт есть опыт нравственный. Наша семья не является замкнутым коллективом. Она составляет органическую часть общества, и всякая ее попытка построить свой опыт независимо от нравственных требований общества обязательно приводит к диспропорции, которая звучит как тревожный сигнал опасности.

Диспропорция в семье Алеши заключается в том, что потребности отца или матери механически становятся потребностями детей. У отца они проистекают из большого ответственного и напряженного труда. А у Алеши они не оправданы никаким трудовым опытом, а даны в отцовской щедрости; эти потребности у него – отцовская подачка. Принципиально такая семья есть самая старая, старая отцовская монархия, нечто подобное просвещенному абсолютизму.

У нас приходится, в виде исключения, наблюдать такие семьи. Дети в такой семье регулярно упражняются в неоправданном удовлетворении. Трагическое будущее таких детей очевидно. Впереди у них тяжелая дилемма: либо пройти стадию естественного роста потребностей сначала в состоянии взрослого, либо подарить обществу такой большой и такой квалифицированный труд, чтобы заслужить санкцию общества на большие и сложные потребности. Последнее возможно только в исключительных случаях.

Мне приходилось по этому поводу говорить с отдельными товарищами. Некоторые из них рассуждают панически: «Что же делать? Если я с семьей еду на курорт, как, по-вашему, я должен ехать в одном вагоне, а семья в другом?»

Такая паника удостоверяет только одно: нежелание видеть сущность вопроса, отказ от активной мысли, создающей новое. Международный вагон не дороже судьбы детей, но дело не в

вагоне. Никакие фокусы не поправят положения, если в семье нет настоящего тона, постоянного правильного опыта.

Проехать с отцом в каком угодно вагоне в отдельном случае нисколько не вредно, если очевидно, что это только приятный случай, вытекающий не из права детей на излишний комфорт, а из их желания быть вместе с отцом. В семье много найдется других случаев, когда потребности детей не будут связаны с заслугами отца, тогда и у Алеши будет действовать другая логика.

Все это вовсе не значит, что в такой семье к детям нужно применять какую-то особенную дрессировку. Вопрос решается в стиле всей семьи. И если сам отец как гражданин имеет право на дополнительный комфорт, то как член семейного коллектива он тоже должен себя ограничивать. Какие-то нормы скромности обязательны и для него, тем более что в биографиях великих людей скромность всегда присутствует.

Когда в семье один ребенок…

В сказках и былинах, в чудесных балладах и поэмах часто повествуется о счастливых королях и королевах, которым бог послал единственного сына или единственную дочь. Это принцы или принцессы, царевичи или царевны всегда приносят с собой очарование красоты и счастья. Даже самые опасные приключения, не свободные от интервенции нечистой силы, предсказанные заранее какой-нибудь своенравной волшебницей, в этих повествованиях происходят только для того, чтобы подчеркнуть фатальную удачу избранного существа. Даже смерть – казалось бы, фигура непобедимой мрачности и предельного постоянства, – даже она остается в дураках при встрече с таким принцем: находятся и добрые волшебники, и услужливые поставщики живой и мертвой воды, и не менее добрые и услужливые составители оперных и балетных либретто.

Для читателя и зрителя в этих счастливых героях есть какая-то оптимистическая прелесть. В чем эта прелесть? Она не заключается ни в деятельности, ни в уме, ни в таланте, ни даже в хитрости. Она предопределена в самой теме: принц – единственный сын короля. Для этой темы не требуется другой логики, кроме логики удачи и молодости. Принцу положено от века и величие власти, и богатство, и пышность почета, и блеск красоты, и людская любовь. Ему сопутствует и неоспоримая надежность будущего, и право на счастье, право, не ограниченное соперниками и препятствиями.

Лучезарная тема принца вовсе не так бестелесна, как может показаться с первого взгляда, и вовсе не так далека от нашей жизни. Такие принцы не только игра воображения. Многие зрители и читатели, папаши и мамаши, держат у себя дома, в скромной семье, таких же принцев и принцесс, таких же счастливых, единственных претендентов на удачу и так же верят, что для этой удачи они специально рождены.

Петр Александрович Кетов работает в одном из ведущих предприятий. Судьба назначила ему счастливую долю, и это вовсе не сделано из милости. Петр Александрович сильный человек, он и самой судьбе мог бы назначить волю, если бы судьба попалась ему в руки.

У Петра Александровича хороший ум – большой мастер анализа, но Петр Александрович никогда не тонет и не захлебывается в его продуктах. Перед ним всегда стоит будущее. Вглядываясь в его великолепные перспективы, он в то же время всегда умеет радоваться, смеяться и мечтать, как мальчик, умеет

сохранять свежий вид, спокойный поворот умного глаза и вдумчиво-убедительную речь. Он видит людей, ощущает дыхание каждой встречной жизни. Между людьми он проходит с таким же точным анализом, иным уступает дорогу, других приветливо провожает, рядом с третьими разделяет строгий колонный марш, четвертых деловито берет за горло и требует объяснений.

В его доме привлекают крепкий порядок дисциплинированного комфорта, несколько рядов целой жизнью прочитанных книг, чистый потертый ковер на полу и бюст Бетховена на пианино.

И свою семейную жизнь Петр Александрович устроил разумно и радостно. В дни молодости он умным любовным взглядом измерил прелесть встречных красавиц, прикоснулся к ним своим точным, веселым анализом и выбрал Нину Васильевну, девушку с серыми глазами и спокойной, чуть-чуть насмешливой душой. Он сознательно дал волю чувствам и влюбился основательно и надолго, украсив любовь дружбой, тонким и рыцарским превосходством мужчины. Нина Васильевна с той же милой насмешливостью признала это превосходство и доверчиво полюбила мужественную силу Петра Александровича и его бодрую мудрость.

Когда родился Виктор, Петр Александрович сказал жене:

– Спасибо. Это еще сырье, но мы воспитаем из него большого человека.

Нина Васильевна улыбнулась, счастливо и ласково возразила:

– Милый, раз это твой сын, значит, он будет и хорошим человеком.

Но Петр Александрович не был склонен преувеличивать доблести своих предков и гарантии крови, он свято верил в могущество воспитания. Он был убежден, что вообще люди воспитываются небрежно и кое-как, что люди не умеют заниматься делом воспитания по-настоящему: глубоко, последовательно, настойчиво. Впереди он видел большое родительское творчество.

Виктору было два года, когда Нина Васильевна, ласкаясь, спросила:

– Ну вот, теперь твой человек уже ходит и разговаривает. Ты доволен сыном?

Петр Александрович не отказал себе в удовольствии лишний раз полюбоваться Витей. Мальчик был большой, румяный, веселый. И Петр Александрович ответил:

– Я доволен сыном. Ты его прекрасно выкормила. Можно считать, что первый период нашей работы закончен. А теперь мы за тебя возьмемся!

Он привлек Витю к себе, поставил между колен и еще раз пригрозил с отцовской лаской:

– Возьмемся! Правда?

– Плавда, – сказал Витя, а как ты измесся?

От Вити исходили запахи счастья и неги, безоблачной жизни и уверенности в ней. У него все было так здорово и чисто, такой мирный, ясный взгляд, такой обещающий отцовский лоб и материнская легкая усмешка в серых глазах, что родители могли и гордиться, и ожидать прекрасного будущего.

Нина Васильевна с каждым днем наблюдала, как на ее глазах вырастает большой материнский успех: все более красивым, ласковым и обаятельным становится сын, быстро и изящно развивается его речь, с уверенной детской грацией он ходит и бегает, с неописуемой привлекательностью он умеет шутить, смеяться, спрашивать. В этом мальчике так много настоящей живучей прелести, что даже будущий большой человек отходил несколько в сторону.

Сегодняшний день Нины Васильевны был так прекрасен, что о завтрашнем дне не хотелось думать. Хотелось просто жить рядом с этой созданной ею жизнью, любоваться ею и гордиться своей высокой материнской удачей. Она встречала многих чужих детей, внимательно присматривалась к ним, и приятно было для нее ощущение редкой человеческой свободы: она никому не завидовала.

И вдруг ей страшно захотелось создать еще одну такую же прекрасную детскую жизнь. Она представила себе рядом с Витей девочку, белокурую и сероглазую, с умным лбом и смеющимся взглядом, девочку, которую можно назвать… Лидой. У нее поразительное сходство с Витей и в то же время что-то свое, еще небывалое, единственное в мире, что так трудно представить, потому что его никогда еще не было, оно только может быть создано материнским счастьем Нины Васильевны.

– Петрусь! Я хочу девочку.

– Как девочку? – удивился Петр Александрович.

– Я хочу иметь дочь.

– Тебе хочется пережить материнство?

– Нет, я хочу, чтобы она жила. Девочка, понимаешь? Будущая девочка.

– Позволь, Нина, откуда ты знаешь, что будет обязательно девочка. А вдруг сын?

Нина Васильевна задумалась на один короткий миг. Второй сын? Несомненно, что это не менее прекрасно, чем дочь. И наконец… Дочь может быть третьей. Какая очаровательная компания.

Она затормошила мужа в приливе радости и стыдливого женского волнения:

– Послушай, Петрусь, какой ты бюрократ, ужас! Сын, такой как Виктор, понимаешь? И в то же время не такой, свой, ты пойми, дорогой, особенный! А дочь и потом можно! Какая будет семья! Ты представляешь, какая семья!

Петр Александрович поцеловал руку жены и улыбнулся с тем самым превосходством, которое допущено было с самого начала.

– Нина, это вопрос серьезный, давай поговорим.

– Ну, давай, давай поговорим.

Нина Васильевна была уверена, что картина красивой семьи, такая ясная в ее воображении, будет и для него соблазнительна, он оставит свое холодное превосходство. Но когда она заговорила, то почувствовала, что вместо живого великолепия жизни получаются ряды обыкновенных слов, восклицания, беспомощная мимика пальцев, получается бледная дамская болтовня. Муж смотрел на нее любовно-снисходительно, и она умолкала почти со стоном.

– Нина, нельзя же давать свободу такому первоначальному инстинкту!

– Какому инстинкту? Я тебе говорю о людях, о будущих людях…

– Тебе так кажется, а говорит инстинкт…

– Петр!

– Подожди, голубка, подожди! В этом нет ничего постыдного. Это прекрасный инстинкт, я понимаю тебя, я сам переживаю то же. Красивая семья, о которой ты говоришь, могла бы меня и увлечь, но есть цель еще более благородная, более прекрасная. Вот послушай.

Она покорно положила голову на его плечо, а он поглаживал ее руку и говорил, вглядываясь в стеклянную стенку книжного шкафа, как будто за ее призрачным блеском действительно видел благородные дали.

Он говорил о том, что в большой семье можно воспитать только среднюю личность; так и воспитываются массы обыкновенных людей, так редки поэтому великие человеческие характеры, счастливое исключение из серой толпы. Он убежден, что средний тип человека может быть гораздо выше. Воспитать большого человека можно только тогда, если подарить ему всю любовь, весь разум, все способности отца и матери. Нужно отбросить обычное стадное представление о семье: семья – толпа детей, беспорядочная забота о них, забота о первичных потребностях накормить, одеть, кое-как выучить. Нет, нужна глубокая работа над сыном, филигранная, тонкая работа

воспитания. Нельзя делить это творчество между многими детьми. Надо отвечать за качество. А качество возможно только в концентрации творчества.

– Ты представь себе, Нина, мы дадим только одного человека, но это не будет стандарт, это будет умница, украшение жизни…

Закрыв глаза, Нина Васильевна слушала мужа, ощущала легкое движение его плеча, когда он подымал руку, видела кончик мягкого, нежного уса, и картина красивой детской компании закрывалась туманом, а на месте ее возникал рисунок блестящего юноши, мужественного, прекрасного, утонченно воспитанного, большого деятеля и большого человека в будущем. Этот образ возникал как-то бестелесно и бескровно, как образ далекой сказки, как рисунок на экране. Вчерашние ее мечты были живее и любовнее, но эта нарисованная сказка, и голос мужа, и его повороты мысли, до сих пор еще непривычно сильные и смелые, и вековая привычка женщины верить этой мужской силе – все это было так согласно между собою и так цельно, что Нина Васильевна не захотела сопротивляться. С крепко спрятанной грустью она простилась с своей материнской мечтой и сказала:

– Хорошо, милый, хорошо. Ты дальше видишь. Пусть будет по-твоему. Но… Значит… У нас никогда не будет больше детей?

– Нина! Не должно быть. Никогда.

С этого дня началось что-то новое в жизни Нины Васильевны. Все кругом стало серьезнее, сама жизнь сделалась умнее и ответственнее, как будто только теперь окончательно умерли куклы и навсегда ушла ее девичья безмятежность. Как ни странно, но, отказавшись от материнского творчества, она только теперь почувствовала всю величину материнской страды.

И Виктор теперь иначе радовал ее. И раньше он был бесценной величиной в ее душе, и она даже подумать не могла об его исчезновении, но раньше от его живой прелести родилась вся прелесть жизни, как будто от него исходили особенные животворящие и красивые лучи. Теперь был только он, по-прежнему дорогой и прекрасный, но, кроме него, как будто ничего уже нет, нет ни мечты, ни жизни. От этого Виктор становился еще дороже и привлекательнее, но рядом с любовью поселилась и захватывала душу тревога. Сначала Нина Васильевна даже не отдавала себе отчета в том, что это за тревога, насколько она разумна и нужна. Она просто невольно присматривалась к личику сына, она находила в нем то подозрительную бледность, то вялость мускулов, то мутность глаза. Она ревниво следила за его настроением, за аппетитом, в каждом пустяке ей начинали чудиться предвестники беды.

Это сначала было остро. Потом прошло. Виктор вырастал и

развивался, и ее страх стал другим. Он не просыпался вдруг, не холодил сердце, не затемнял сознания, он обратился в страх деловой, будничный, обыкновенный, необходимо-привычный.

Петр Александрович не замечал ничего особенного в жизни жены. Исчезла ее милая насмешливость, спокойные мягкие линии лица перешли в строгий красивый каркас, серые глаза потеряли блеск и влажность и стали более чистыми и прозрачными. Он задумался над этим и нашел объяснение: жизнь протекает, и уходит молодость, а с нею уходят красота и нежность линий. Но все прекрасно, впереди новые богатства жизни, кто знает, может быть, более совершенные, чем богатства молодости. Он заметил рождение новой тревоги жены, но решил, что и это – благо, может быть, в тревоге и заключается истинное счастье матери.

Сам он не чувствовал никакого страха. Он сурово разделил свою личность между работой и сыном; и в том и в другом отделе было много настоящего человеческого напряжения. Виктор с каждым днем обнаруживал все более блестящие возможности. Петр Александрович как будто открывал новую страну, полную природных даров и неожиданной красоты. Он показывал всю эту роскошь жене, и она соглашалась с ним. Он говорил ей:

– Смотри, как много мы делаем в этом человеке.

И жена улыбалась ему, и в ее прозрачных строгих глазах он видел улыбку радости, тем более прекрасную, что в этих глазах ее не всегда можно было увидеть.

Виктор быстро уходил вперед. В пять лет он правильно говорил по-русски и по-немецки, в десять начал знакомство с классиками, в двенадцать читал Шиллера в подлиннике и увлекался им. Петр Александрович шел рядом с сыном и сам поражался его быстрому шагу. Сын ослеплял его неутомимым сверканием умственной силы, бездонной глубиной талантов и свободой, с которой он усваивал самые трудные и самые тонкие изгибы мысли и сочетания слов.

Чем больше развивался Виктор, тем определеннее становился его характер. Его глаза рано потеряли блеск первичной человеческой непосредственности, в них все чаще можно было читать разумное и сдержанное внимание и оценку. Петр Александрович с радостью увидел в этом следы своего славного анализа. Виктор никогда не капризничал, был ласков и удобен в общежитии, но в движениях рта появлялась у него понимающая усмешка «про себя», что-то похожее на улыбку матери в молодости, но более холодное и обособленное.

Понимающая улыбка относилась не только ко всему окружающему, она имела отношение и к родителям. Их старательная самоотверженная работа, их родительская радость и

торжество были оценены Виктором по достоинству. Он хорошо понимал, что родители готовят ему исключительный путь, и чувствовал себя в силах быть исключительным. Он видел и понимал материнский страх за себя, видел всю бедную неосновательность этого страха и улыбался все той же понимающей улыбкой. Окруженный любовью, заботой и верой родителей, которые никто не разделял с ним, Виктор не мог ошибиться: он был центром семьи, ее единственным принципом, ее религией. С той же силой рано проснувшегося анализа, с уже воспитанной логикой взрослого он признал законность событий: родители вращаются вокруг него как безвольные спутники. Это стало удобной привычкой и приятной эстетикой. Родителям это доставляло удовольствие, сын со сдержанной деликатностью готов был им не противоречить.

В школе он учился отлично и на глазах у всех перерастал школу. Товарищи были слабее его не только в способностях, но и в жизненной позе. Это были обыкновенные дети, болтливые, легко возбудимые, находящие радость в примитиве игры, в искусственной и пустой борьбе на площадке. Виктор свободно проходил свой школьный путь, не тратил энергию на мелкие столкновения, не разбрасывался в случайных симпатиях.

Жизнь семьи Кетовых протекала счастливо. Нина Васильевна признала правоту мужа: у них вырастал замечательный сын. Она не жалела о своих прошлых мечтах. Та глубокая нежность, которая когда-то рисовала в воображении большую, веселую семью, теперь переключилась на заботу о Викторе. За этой заботой мать не видела зародившейся холодной сдержанности сына, которая казалась ей признаком силы. Она не заметила и того, что в их семье поселилась рациональная упорядоченность чувств, избыток словесных выражений. И она и муж не могли заметить, что начался обратный процесс: сын начал формировать личность родителей. Он делал это бессознательно, без теорий и цели, руководствуясь текущими дневными желаниями.

По почину родителей Виктор «перепрыгнул» через девятый класс и победоносно пошел к вузу. Родители затаили дыхание и преклонились перед звоном победы. С этого времени мать начала служить сыну, как рабыня. Перегруппировка сил в семье Кетовых совершалась теперь с невиданной быстротой, а филигранная работа по воспитанию сына закончилась сама собой, без торжественных актов. Отец еще позволял себе иногда поговорить с сыном о разных проблемах, но ему уже не хватало прежнего уверенного превосходства, а самое главное, перед ним не было объекта, который нуждался бы в воспитании.

Один раз Виктор совершил поступок, который очень не

понравился Петру Александровичу. Тогда он сказал:

– Знаешь что, папа? Я понимаю, что ты можешь прийти в отчаяние от этого важного события. Для вашего поколения все это имело значение…

– А для вашего?

– У нас своя дорога.

Виктор с той же улыбкой о чем-то задумался и, кажется, забыл об отце. Петр Александрович кашлянул и начал перелистывать лежавшую перед ним служебную папку. Перелистывая, он прислушивался к себе и не обнаружил в себе ни паники, ни крайнего удивления. Каждое новое поколение, действительно, отличается от предшествующего. Очень возможно, что у Виктора были свои причины так поступить, особенно если принять во внимание, что в последнее время определились совершенно исключительные способности его в математике.

Семнадцати лет Виктор по особому ходатайству был принят на математический факультет и скоро начал поражать профессоров блеском своего дарования, эрудицией и мощным устремлением в самую глубь математической науки. Почти незаметно для себя Петр Александрович уступил ему свой кабинет, обращенный теперь в алтарь, где пребывало высшее существо Виктор Кетов – будущий светоч математики, представитель нового поколения, которое, без сомнения, с курьерской быстротой погонит вперед историю человечества. В тайных размышлениях Петр Александрович предвидел, что дела и марши этого поколения будут действительно потрясающими, недаром он и его сверстники расчистили для него дорогу, а в особенности он сам мудрым решением о концентрации качества определил путь такого гения, как Виктор. В душе Петра Александровича проснулась новая отцовская гордость, но внешнее его поведение в это время не лишено было признаков зависимости. Слово «Виктор» он начал произносить с оттенком почти мистического уважения. Теперь, возвращаясь с работы, он не бросает вокруг задорных взглядов, не шутит и не улыбается, а молча кивает головой жене и вполголоса спрашивает, посматривая на закрытую белую дверь комнаты сына:

– Виктор дома?

– Занимается, – тихо отвечает Нина Васильевна.

Петр Александрович где-то научился приподымать свое тело на носки. Балансируя руками, он тихонько подходит к двери и осторожно приоткрывает ее.

– К тебе можно? – спрашивает он, просовывая в комнату одну голову.

От сына он выходит торжественно-просветленный и

приглушенно говорит:

– Хорошо идет Виктор, замечательно идет. Его уже наметили оставить для подготовки к профессорскому званию.

Нина Васильевна покорно улыбается:

– Как это интересно! Но знаешь, что меня беспокоит? У него какая-то нездоровая полнота. Он много работает, я боюсь за его сердце.

Петр Александрович испуганно смотрит на жену:

– Ты думаешь – порок?

– Я не знаю, я просто боюсь…

И вот родились новые переживания и новых страх. В течение нескольких дней они вглядываются в лицо сына, и в их душах восхищение и преданность перемешиваются с тревогой. Потом приходят новые восторги и новые опасения, заполняют жизнь, как волны прибоя заливают берег, за ними не видно мелких событий жизни. Не видно, что сын давно перестал быть ласковым, что теперь не бывает у него приветливых слов, что у него два новых костюма в то время, когда у отца один поношенный, что мать готовит для него ванну и убирает за ним, и никогда сын не говорит ей «спасибо». Не видно и надвигающейся старости родителей и действительно тревожных признаков тяжелой болезни.

Виктор не пошел на похороны однокурсника, читал дома книгу. Петр Александрович обратил на это удивленное внимание:

– Ты не был на похоронах?

– Не был, – ответил Виктор, не бросая книги.

Петр Александрович внимательно присмотрелся к сыну, даже встряхнул головой – настолько беспокойно и холодно стало у него на душе. Но и это впечатление пролетело бесследно и скоро забылось, как забывается ненастный день среди благодатных дней лета.

Не услышали родители и громкого звучания нового мотива: как ни блестяще учился Виктор, он не отказывал себе в удовольствиях, часто отлучался из дому, иногда от него попахивало вином и чужими духами, в его несмываемой улыбке бродили воспоминания, но никогда ни одним словом он не посвятил отца и мать в эту новую свою жизнь.

К переходу сына на четвертый курс у Петра Александровича обнаружилась язва желудка. Он побледнел, похудел, осунулся. Врачи требовали хирургического вмешательства и уверяли, что оно принесет полное выздоровление, а Нина Васильевна теряла сознание при одной мысли о том, что мужу могут вырезать кусок желудка и перешить с места на место какую-то кишку. Виктор по-прежнему жил особой жизнью и сидел у себя в комнате или был

вне дома.

Вопрос об операции никак не мог разрешиться. Старый приятель Петра Александровича, известный врач-хирург, сидел у кресла больного и злился. Нина Васильевна не могла опомниться от свалившегося несчастья.

Виктор вошел к ним расфранченный, пахнущий духами. Не меняя своей улыбки, не усиливая и не снижая выражения, Виктор пожал руку врачу и сказал:

– А вы все у одра больного? Что нового?

Петр Александрович смотрел на сына с восхищением:

– Да вот думаем насчет операции. Он все уговаривает.

Глядя на отца с прежней улыбкой, Виктор перебил его:

– Да, папа, не найдется ли у тебя немного денег? У меня билет на «Спящую красавицу»… На всякий случай. А я обанкротился…

– Хорошо, – ответил Петр Александрович. – У тебя есть, Нина? Он убеждает скорее делать, а Нина все боится. А я сам и не знаю как…

– Чего же там бояться? Нашлось? – сказал Виктор, принимая от матери пятерку. – А то без денег в театре… как-то…

– Ты с кем идешь? – спросил Петр Александрович, забыв о своей язве.

– Да кое-кто есть, – уклончиво ответил сын, тоже забыв о язве. – Я возьму ключ, мама, может быть, задержусь.

Он внимательно склонился перед хирургом в прощальном улыбчивом поклоне и вышел.

А у родителей было такое выражение, как будто ничего особенного не произошло.

Через несколько дней у Петра Александровича случился тяжелый приступ болезни. Приятель-хирург застал его в постели и поднял скандал:

– Вы кто? Вы культурные люди или вы дикари?

Он засучил рукава, смотрел, слушал, кряхтел и ругался. Нина Васильевна сбегала в аптеку, заказала лекарство, возвратившись, краснела и бледнела от страха и все спрашивала:

– Ну, что?

Она все время посматривала на часы и с нетерпением ожидала восьми – в восемь лекарство будет готово. То и дело выскакивала в кухню и приносила оттуда лед.

Из своей комнаты вышел Виктор и направился к выходу. Мать налетела на него по дороге из кухни и дрожащим, уставшим голосом заговорила:

– Витя, может, ты зайдешь в аптеку? Лекарство уже готово и… уплачено. Обязательно нужно… сказал…

Повернув на подушке взлохмаченную голову, Петр Александрович смотрел на сына и улыбался через силу. Вид взрослого, талантливого сына приятен даже при язве желудка. Виктор смотрел на мать и тоже улыбался:

– Нет, я не могу. Меня ждут. Я ключ возьму с собой.

Хирург вскочил с места и бросился к ним. Неизвестно, что он хотел делать, но у него побледнело лицо. Впрочем, сказал он горячо и просто:

– Да зачем же ему беспокоиться? Неужели я не могу принести лекарство? Это же такой пустяк!

Он выхватил квитанцию из рук Нины Васильевны. У дверей поджидал его Виктор:

– Вам, наверное, в другую сторону? – сказал он. – А я к центру.

– Конечно, в другую, – ответил хирург, сбегая с лестницы. Когда он возвратился с лекарством, Петр Александрович по-прежнему лежал, повернув на подушке взлохмаченную голову, и смотрел сухим острым взглядом на дверь комнаты Виктора. Он забыл поблагодарить приятеля за услугу и вообще помалкивал весь вечер. И только, когда приятель прощался, сказал решительно:

– Делайте операцию… Все равно.

Нина Васильевна опустилась на кресло: в ее жизни так трудно стало разбирать, где кончается радость и начинается горе. Между горем и радостью появился неожиданный и непривычный знак равенства.

Впрочем, операция прошла благополучно.

Я рассказал одну из печальных историй с участием единственного сына-царевича. Таких историй бывает много. Пусть не посетуют на меня родители единственных детей, я вовсе не хочу их запугивать, я только рассказываю то, чему был свидетелем в жизни.

Бывают и счастливые случаи в таких семьях. Бывает сверхнормальная чуткость родителей, позволяющая им и найти правильный тон и организовать окружение сына, в известной мере заменяющее братьев и сестер. Особенно часто приходилось мне наблюдать прекрасные характеры единственных детей при одинокой матери или овдовевшем отце. В этом случае тяжелая потеря или несомненная страда одиночества с большой силой мобилизует и любовь и заботу детей и тормозят развитие эгоизма. Но эти случаи родятся в обстановке горя, они сами по себе болезненны и ни в какой мере не снимают проблемы единственного ребенка. Концентрация родительской любви на одном ребенке – страшное заблуждение.

Миллионы примеров – именно миллионы – можно привести, утверждающих огромные успехи детей из большой семьи. И наоборот, успехи единственных детей страшно эфемерная вещь. Лично мне если и приходилось встречаться с самым разнузданным эгоизмом, разрушающим не только родительское счастье, но и успехи детей, то это были почти исключительно единственные сыновья и дочери.

Единственный ребенок в семье зачастую становится недопустимым центром человеческой ячейки. Родители, если бы даже хотели, не могут избавиться от вредного центростремительного угодничества. В подобных случаях только противоестественная слабость родительской «любви» может несколько уменьшить опасность. Но если эта любовь имеет только нормальные размеры, дело уже опасно: в этом самом единственном ребенке заключаются все перспективы родительского счастья, потерять его – значит потерять все.

> Всю воспитательную работу нужно начинать сначала, нужно многое в вашей семье пересмотреть, о многом подумать и прежде всего самого себя положить под микроскоп.

В многодетной семье смерть ребенка составляет глубокое горе, но это никогда не катастрофа, ибо оставшиеся дети требуют по-прежнему и заботы и любви, они как бы страхуют семейный коллектив от гибели. И конечно, нет ничего более горестного, чем отец и мать, оставшиеся круглыми сиротами в пустых комнатах, на каждом шагу напоминающих об умершем ребенке. Его единственность поэтому неизбежно приводит к концентрации беспокойства, слепой любви, страха, паники.

И в то же время в такой семье нет ничего, что могло бы в том же естественном порядке этому противополагаться. Нет братьев и сестер – ни старших, ни младших, – нет, следовательно, ни опыта заботы, ни опыта игры, любви и помощи, ни подражания, ни уважения, нет, наконец, опыта распределения, общей радости и общего напряжения – просто ничего нет, даже обыкновенного соседства.

В очень редких случаях детский сад, школа, лагерь успевают восстановить естественные тормоза для развития индивидуализма. Это очень трудная задача, так как семейные традиции продолжают действовать в прежнем направлении. Для закрытого детского учреждения это больше по силам, и обыкновенно оно очень легко справлялось с задачей. Но разумеется, лучше всего находить такие тормоза в самой семье.

Как же быть, если остался только один ребенок и другого

почему-либо вы родить не можете?

Очень просто: возьмите в вашу семью чужого ребенка, возьмите из детского дома или сироту, потерявшего родителей. Полюбите его, как собственного, забудьте о том, что не вы его родили, и, самое главное, не воображайте, что вы его облагодетельствовали. Это он пришел на помощь вашей «косой» семье, избавив ее от опасного крена. Сделайте это обязательно, как бы ни затруднительно было ваше материальное положение.

Уход одного из родителей

Отец, бросивший своих детей, иногда даже без средств к существованию, мог бы рассматриваться нами тоже как механическое явление, и это позволило бы нам более оптимистически смотреть на положение семьи, понесшей такой большой ущерб. Бросил и бросил, ничего не поделаешь, в семье исчезла фигура отца, вопрос ясен: семья должна существовать без отца, стараясь как можно лучше мобилизовать силы для дальнейшей борьбы. В таком случае семейная драма объективно ничем не отличалась бы от семейного сиротства вследствие отцовской смерти.

В подавляющем большинстве случаев положение брошенных детей сложнее и опаснее, чем положение сирот.

Еще так недавно жизнь Евгении Алексеевны была хорошей жизнью. От нее остался покойный след в виде большого жизненного дела – семьи, от нее родилось крепкое ощущение, что жизнь проходит честно, мудро и красиво, так, как нужно. Пусть прошла весна, пусть с такой же серьезной закономерностью проходит тихое, теплое лето. А впереди еще много тепла, много солнца и радости. В семье рядом с Евгенией Алексеевной стоял муж, Жуков, человек, не так давно обменявшийся с нею словами любви. От любви сохранились нежность, милое чувство благодарности и дружеская простота. У Жукова длинное лицо и седловатый нос. Жизнь на каждом шагу предлагает выбор более коротких лиц и более красивых носов, но с ними не связаны ни воспоминания любви, ни пройденные пути счастья, ни будущие радости, и Евгения Алексеевна не соблазнялась выбором. Жуков – хороший, заботливый муж, любящий отец и джентльмен.

Жизнь эта рушилась неожиданно и нагло. Однажды вечером Жуков не возвратился с работы, а наутро Евгения Алексеевна получила короткую записку:

«Женя! Не хочу дальше тебя обманывать. Ты поймешь – хочу быть честным до конца. Я люблю Анну Николаевну и теперь живу с нею. На детей буду присылать ежемесячно двести рублей. Прости. Спасибо за все. Н.»

Прочитав записку, Евгения Алексеевна поняла только, что случилось что-то страшное, но, в чем оно заключалось, она никак не могла сообразить. Она прочитала второй раз, третий. Каждая прочитанная строчка постепенно открывала свою тайну, и каждая тайна так мало была похожа на написанную строчку.

Евгения Алексеевна беспомощно оглянулась, сдавила

пальцами виски и снова набросилась на записку, как будто в ней не все еще было прочитано. Глаза ее поймали действительно что-то новое: «хочу быть честным до конца». Тень неясной надежды промелькнула мгновенно, и снова с тем же ужасом она ощутила катастрофу.

И сразу же с обидной бесцеремонностью набежали и засуетились вокруг непрошенные мелкие мысли: двести рублей, дорогая квартира, лица знакомых, книги, мужские костюмы. Евгения Алексеевна встряхнула головой, сдвинула брови и вдруг увидела самое страшное, самое настоящее безобразие: брошенная жена! Как, неужели брошенная жена?! И дети?! Она в ужасе оглянулась: вещи стояли на месте, в спальне чем-то шелестела пятилетняя Оля, в соседней квартире что-то глухо стукнуло. У Евгении Алексеевны вдруг возникло невыносимое ощущение: как будто ее, Игоря, Ольгу кто-то небрежно завернул в старую газету и выбросил в сорный ящик.

Несколько дней прошли как будто во сне. Минутами явь приходила трезвая, серьезная, рассудительная, тогда Евгения Алексеевна усаживалась в кресло у письменного стола, подпирала голову кулачками, поставленными один на другой, и думала. Сначала мысли складывались в порядке: и обида, и горе, и трудности впереди, и какие-то остатки любви к Жукову старательно и послушно размещались перед ней, как будто и они хотели, чтобы она внимательно их рассмотрела и все разрешила.

Но один из кулачков нечаянно разжимается, и вот уже рука прикрывает глаза, и из глаз выбегают слезы, и нет уже никакого порядка в мыслях, а есть только судороги страдания и невыносимое ощущение брошенности.

Рядом жили, играли, смеялись дети. Евгения Алексеевна испуганно оглядывалась на них, быстро приводила себя в порядок, улыбалась и говорила что-нибудь имеющее смысл. Только выражение страха в глазах она не могла скрыть от них, и дети начинали уже смотреть на нее с удивлением. В первый же день она с остановившимся сердцем вспомнила, что детям нужно объяснить отсутствие отца, и сказала первое, что пришло в голову:

– Отец уехал и скоро не приедет. У него командировка. Далеко, очень далеко!

Но для пятилетней Оли и «скоро» и «далеко» были словами малоубедительными. Она выбегает к двери на каждый звонок и возвращается к матери грустная:

– А когда он приедет?

В этом страшном сне Евгения Алексеевна не заметила, как теплой, мягкой лапой прикоснулась к ней новая привычка: она

перестала по утрам просыпаться в ужасе, она начала думать о чем-то практическом, наметила, какие вещи нужно продать в первую очередь, реже стала плакать.

Через восемь дней Жуков прислал незнакомую женщину с запиской без обращения:

«Прошу выдать подательнице сего мое белье и костюмы, а также бритву и альбомы, подаренные сотрудниками, и еще зимнее пальто и бумаги, которые лежат в среднем ящике стола – в глубине. Н.»

Евгения Алексеевна сняла с вешалок три костюма и на широком диване разложила несколько мешков, чтобы завернуть. Потом вспомнила, что нужно еще белье, бритву и бумаги, и задумалась. Рядом стоял десятилетний Игорь и внимательно наблюдал за матерью. Увидев ее замешательство, он воспрянул духом и сказал звонко:

– Завернуть, да? Мама, завернуть?

– Ах, господи, – простонала Евгения Алексеевна, села на диван и чуть не заплакала, но заметила молчаливую фигуру пришедшей женщины и раздражительно сказала:

– Ну как же вы так пришли… с пустыми руками! Как я должна все это запаковать?

Женщина понятливо и сочувственно посмотрела на разложенные на диване мешки и улыбнулась:

– А они мне сказали: там что-нибудь найдут, корзинку или чемодан…

Игорь подпрыгнул и закричал:

– Корзинка? Мама, есть же корзинка! Вот та корзинка… она стоит, знаешь, где? Там стоит, за шкафом! Принести?

– Какая корзинка? – растерянно спросила Евгения Алексеевна.

– Она стоит за шкафом! За тем шкафом! Принести?

Евгения Алексеевна глянула в глаза Игоря. В них была написана только бодрая готовность принести корзинку. Покорясь ей, Евгения Алексеевна улыбнулась:

– Куда там тебе принести! Ты сам меньше корзинки! Дорогой ты мой птенчик!

Евгения Алексеевна привлекла сына к себе и поцеловала в голову. Вырываясь из объятий, Игорь был переполнен все той же корзинкой.

– Она легкая! – кричал он. – Мама! Она совсем легкая! Ты себе представить не можешь!

На шум пришла из спальни Оля и остановилась в дверях с мишкой в руках. Игорь бросился в переднюю, и там что-то затрещало и заскрипело.

– Ах ты господи, – сказала Евгения Алексеевна и попросила женщину: – Помогите, будьте добры, принести эту корзинку.

Общими усилиями корзинка была принесена и поставлена посреди комнаты. Евгения Алексеевна занялась укладыванием костюмов. Она подумала, что будет очень неблагодарно уложить костюмы как-нибудь; она внимательно расправляла складки и лацканы пиджаков, брючные карманы, галстуки. Игорь и Оля с деловым интересом смотрели на эту операцию и шевелили губами, если мать затруднялась в укладывании. Потом Евгения Алексеевна уложила в корзину белье. Игорь сказал:

– Навалила, навалила рубашки, а костюмы изомнутся.

Евгения Алексеевна сообразила:

– Да, это верно…

Но вдруг обиделась:

– Да ну их! Пускай разгладят! Какое мне дело?

Игорь поднял на нее удивленные глаза. Она со злостью швырнула в корзинку документы и бритву. Из красного футляра высыпались на белье ножики в синеньких конвертиках.

– Ой, рассыпала! – крикнул недовольно Игорь и начал собирать ножики.

– Не лезь, пожалуйста, куда тебе не нужно! – закричала на него Евгения Алексеевна, отдернула руку Игоря и с силой захлопнула корзинку. – Несите! – сказал она женщине.

– Записки не будет? – спросила женщина, склонив голову набок.

– Какие там записки?! Какие записки! Идите!

Женщина деликатно поджала губы, подняла корзинку на плечо и вышла, осторожно поворачивая корзинку в дверях, чтобы не зацепить.

Евгения Алексеевна тупо посмотрела ей вслед, села на диван и, склонившись на его валик, заплакала. Дети смотрели на нее с удивлением. Игорь морщил носик и пальцем расширял дырочку в сукне письменного стола, которое когда-то давно Жуков прожег папиросой. Оля прислонилась к двери и посматривала сурово, исподлобья, бросив мишку на пол. Когда мать успокоилась, Оля подошла к матери и сердито спросила:

– А почему она понесла корзинку? Почему она понесла? Какая это тетя?

Оля так же сурово претерпела молчание матери и снова загудела:

– Там папкины куртки и рубашки… Почему она понесла?

Евгения Алексеевна прислушалась к ее гуденью и вдруг вспомнила, что дети еще ничего не знают.

Отправка костюмов даже для Оли была делом

подозрительным. Что касается Игоря, то, вероятно, он все знает, ему могли рассказать во дворе. Исчезновение Жукова произвело на всех законное впечатление.

Евгения Алексеевна присмотрелась к Игорю. В его позе, в этом затянувшемся внимании к дырочке что-то такое было загадочное. Игорь глянул на мать и опять опустил глаза к дырочке. Мать отстранила Олю, терпеливо ожидающую ответа, потянула к себе руку Игоря. Он покорно стал против ее колен.

– Ты знаешь что-нибудь? – спросила с тревогой Евгения Алексеевна.

Игорь взмахнул ресницами и улыбнулся:

– Ха! Я и не понимаю даже, как ты говоришь! Чего я знаю?

– Знаешь об отце?

Игорь стал серьезным.

– Об отце?

Он завертел головой, глядя в окно. Оля дернула мать за рукав и прежним сердитым гудением оттенила молчаливую уклончивость Игоря:

– На что ему куртки понесли? Скажи, мама!

Евгения Алексеевна решительно поднялась с дивана и прошлась по комнате.

Она снова глянула на них. Они теперь смотрели друг на друга, и Оля уже игриво щурилась на брата, не ожидая в своей жизни ничего неприятного и не зная, что они брошены отцом. Евгения Алексеевна вдруг вспомнила Анну Николаевну, свою соперницу, ее привлекательную молодую полноту в оболочке черного шелка, ее стриженную голову и чуточку наглый взгляд серых глаз. Она представила себе высокого Жукова рядом с этой красавицей: что же в нем есть, кроме вожделения?

– Когда приедет папа? – спросил неожиданно Игорь тем же простым, доверчивым голосом, каким он спрашивал и вчера.

И он и Оля смотрели на мать. Евгения Алексеевна решилась:

– Он больше не приедет…

Игорь побледнел и замигал глазами. Оля послушала тишину, видно, чего-то не поняла и спросила:

– А когда он вернется? Мама?

Евгения Алексеевна теперь уже строго и холодно произнесла:

– Он никогда не вернется! Никогда! У вас нет отца. Совсем нет, понимаете?

– Он, значит, умер? – сказал Игорь, направив на мать белое неподвижное лицо.

Оля взглянула на брата и повторила, как эхо:

– …умер?

Евгения Алексеевна привлекла детей к себе и заговорила с

ними самым нежным, ласковым голосом, отчего в ее глазах сразу забили прибои слез, и в голосе нежность перемешивалась с горем.

– Отец бросил нас, понимаете? Бросил. Он не хочет жить с нами. Он теперь живет с другой тетей, а мы будем жить без него. Будем жить втроем: я, Игорь и Оля, а больше никого.

– Он женился, значит? – спросил Игорь в мрачной задумчивости.

– Женился.

– А ты тоже женишься? – Игорь смотрел на мать холодным взглядом маленького человека, который честно старается понять непонятные капризы взрослых.

– Я не оставлю вас, родненькие мои, – зарыдала Евгения Алексеевна. – Вы ничего не бойтесь. Все будет хорошо.

Она взяла себя в руки:

– Идите, играйте. Оля, вон твой медведь лежит…

Оля молча пошатывалась, отталкиваясь от колен матери, щипала рукой верхнюю губу. Оттолкнувшись последний раз, она побрела в спальню. В дверях она присела возле мишки, подняла его за одну ногу и небрежно потащила в свой угол в спальне. Бросив мишку в кучу игрушек, Оля уселась на маленьком раскрашенном стуле и задумалась. Она понимала, что у матери горе, что матери хочется плакать, и поэтому нельзя снова подойти к ней и задать вопрос, который все-таки нужно разрешить, во что бы то ни стало:

– А когда он приедет?

В первые дни было больше всего обиды.

Обидно было думать, что и ее жизнь, жизнь молодой, красивой и культурной женщины, и жизнь ее детей, таких милых, спокойных и способных, жизнь всей семьи, ее значение и радость можно так легко, в короткой записке, объявить пустяком, не заслуживающим ни заботы, ни раздумья, ни жалости. Почему? Потому что Жукову нравится разнообразие женщин?

Но скоро из-за обиды протянула свои лапы нужда. Впрочем, и в первых ее хватках Евгения Алексеевна больше чувствовала оскорбление, чем недостаток.

Все двенадцать лет семейной истории были прожиты под знаком полной хозяйственной власти Евгении Алексеевны. Хотя Евгения Алексеевна и не знала всех денежных получений мужа, но он отдавал в ее распоряжение достаточную сумму. Евгения Алексеевна всегда была убеждена, что она и дети имеют право на эти деньги, что семья для Жукова не только развлечение, но и долг. Теперь оказалось другое: эти деньги он уплачивал ей, Евгении Алексеевне, за ее любовь, за общую спальню. Как только она надоела, он ушел в другую спальню, а право Евгении

Алексеевны и детей было объявлено пустым звуком, оно было только приложением к любовному счету. Теперь долг и обязанность лежат на одной матери, нужно оплачивать этот долг ее жизнью, молодостью, счастьем.

Теперь особенно оскорбительной казалась подачка в двести рублей. В ночных бессонных раздумьях Евгения Алексеевна краснела на подушке, когда вспоминала короткую строчку: «На детей буду присылать ежемесячно двести рублей». Он самостоятельно назначил цену своим детям. Только двести рублей! Не бесконечные годы заботы, волнений, страха, не тревожное чувство ответственности, не любовь, не живое сердце, не жизнь, а только пачка бумажек в конверте!

Евгения Алексеевна каждую ночь вспоминала, с каким потухшим стыдом она в первый раз приняла эти деньги от посыльного, как аккуратно исполнила его просьбу расписаться на конверте, как после его ухода она побежала в магазины, с какой бессовестной радостью вечером угостила детей пирожным. Она смотрела на них и смеялась, а гордость, человеческое и женское достоинство спрятались где-то далеко, у них хватило силы только на одно: они не позволили ей самой есть пирожное.

Но только первый удар нужды вызывает оскорбление, а когда оно бьет настойчиво и регулярно, когда она каждое утро подымает от сна злую и бессильную заботу, когда по целым неделям в сумочке перекатываются позеленевшие две копейки, тогда и достоинство и гордость теряются в сутолоке дневного отчаяния. И тогда конверт с пачкой кредиток приближается по считанным дням, как по лестнице, и рука дрожит от радости, выводя на конверте позорную строчку: «Двести рублей получила. Е. Жукова».

С каждым днем Жуковские двести рублей становились все более обыденным и привычным событием. Услужливая новая совесть подсказывала и рассудительное оправдание: с какой стати, в самом деле, Жуков будет наслаждаться безмятежным счастьем, пусть хоть в этих деньгах из месяца в месяц приходит к нему беспокойство, пусть платит, пусть отрывает у своей красавицы!

Представление о Жукове сделалось неразборчивым, да, пожалуй, и времени не было, чтобы разобраться в нем. Симпатия к нему давно исчезла, как мужчина и муж он никогда теперь не вставал в воображении. В том, что Жуков негодяй, ограниченный и жадный самец, человек без чувства и чести, – в этом сомнений не было, но и такое осуждение переживалось Евгенией Алексеевной без страсти и желания действовать. Иногда даже она думала, что в этом человеке нет ничего привлекательного, о чем

стоило бы жалеть, что, может быть, к лучшему жизнь оборвала путь рядом с этим негодяем!

А когда Евгения Алексеевна получила должность секретаря и пришло к ней новое дело и зарплата, образ Жукова уплыл куда-то в несомненное прошлое, покрылся дымкой пережитого горя, – она перестала о нем думать. Двести рублей, и те теперь мало с ним связывались: это обыкновенные деньги, законный и обжитый ее приход.

Проходили еще недели и месяцы. Они потеряли своеобразие горя, они стали похожими друг на друга, обыкновенными, и на их однообразном фоне все живее просыпалась собственная женская душа, подымала голову молодость.

Евгении Алексеевне всего тридцать три года. Это «классический» возраст обладает многими трудностями. Уже нет первой молодой свежести. Глаза ее хороши, на фотографическом снимке они кажутся «волшебными», но в натуральном виде им все-таки тридцать два года. Нижнее веко еще умеет кокетливо приподыматься, придавая глазу вызывающий и обещающий задор, но вместе с ним приподымается и предательская штриховка морщинок, и задор получается несмелый и отдающий техничкой. В этом возрасте красивое платье, какой-нибудь освежающий воротничок, тонкая наивная прошва, еле уловимое шуршание шелка увеличивают оптимизм жизни.

И Евгения Алексеевна возвратилась к этому женскому миру, к заботе о себе, к зеркалу. Она все же и молода, и хороша, и блестят еще глаза, и многое обещает улыбка.

Евгения Алексеевна держит в руках записку, третью по счету:

«Е. А. Платить каждый месяц двести рублей для меня очень трудно. Сейчас наступают каникулы. Я предлагаю Вам отправить Игоря и Ольгу на лето к моему отцу в Умань. Они проживут там до сентября, отдохнут и поправятся. Отец и мать будут очень рады, я уже с ними списался. Если Вы согласны, сообщите запиской, я всю устрою и потом Вам напишу. Н».

Прочитав записку, Евгения Алексеевна брезгливо бросила ее на стол и хотела сказать посланному, что ответа не будет. Но тут же вспомнила что-то важное. Оно мелькнуло в уме не вполне разборчиво, но похоже было на подтверждение, что детям в Умани будет действительно хорошо. Но уже через несколько мгновений «оно» сбросило с себя детское прикрытие и властно потребовало внимания. Евгения Алексеевна задержалась перед дверью, боком глянула на себя в зеркало и улыбнулась нарочно, чтобы посмотреть, как выходит. В прозрачном тумане зеркала ей ответила яркой улыбкой тонкая дама с большими черными глазами. Евгения Алексеевна вышла к посланному и попросила

его передать, что она подумает и ответ даст завтра.

Она усаживалась на диван, ходила по комнате, смотрела на детей и думала. Дети, действительно, лишены радости и развлечений. Побывать на новом месте, на лоне природы, пожить в саду, отдохнуть от волнений и драм – это очень остроумно придумано. Жуков поступил внимательно, предложив им такую поездку.

В последнее время Евгения Алексеевна мало думала о детях. Игорь ходил в школу. Во дворе у него были друзья, с которыми он часто ссорился, но ведь это обычно. Он никогда не вспоминал об отце. Подарки Жукова, книги и игрушки, были в порядке сложены на нижней полке шкафа, но Игорь к ним не прикасался. С матерью он был ласков и прост, но старался избегать душевных разговоров, любил поболтать о разных пустяках, о дворовых происшествиях, о школьных событиях. В то же время по всему было видно, что он за матерью следит, присматривается к ее настроению, прислушивается к разговорам по телефону и всегда интересуется, с кем она говорила. Когда мать возвращалась поздно, он обижался, встречал ее с припухшим и покрасневшим лицом, но если она спрашивала, что с ним, он отмахивался рукой и говорил с плохо сделанным удивлением:

– А что со мной? Ничего со мной!

Оля росла молчальницей. Она добродушно играла, бродила по комнатам с какими-то своими заботами, уходила в детский сад и возвращалась оттуда такая же спокойная, не склонная к беседам и улыбкам.

Евгения Алексеевна не могла жаловаться на детей, но какая-то тайная жизнь просвечивала в их поведении; этой тайной жизни мать не знала. Но она решила, что и так ясно: перемена обстановки для них будет полезна.

Но Евгения Алексеевна думала не только о детях. Невольно ее мысль сворачивала в сторону и с тихой обидой вспоминала, что в последние шесть месяцев у нее не было никакой жизни. Работа, столовая, дети, домашние дела… больше ничего. Телефон в ее квартире звонил все реже и реже, трудно вспомнить, когда он звонил в последний раз. За зиму она ни разу не была в театре. Была на одной вечеринке, на которую отправилась поздно, уложив детей спать и попросив соседку «прислушиваться».

На вечеринке за нею ухаживал веселый круглолицый блондин, гость из Саратова, директор какого-то издательства. Он заставил ее выпить две рюмки вина, после чего уже говорил не о недостатке бумаги, а о том, что со временем общество обязательно «нацепит на красивых женщин все возможные драгоценности».

Евгения Алексеевна не была жеманной святошей и любила пошутить за ужином. Она ответила гостю:

– Это глупости! Нам не нужны бриллианты! Бриллианты – это спесь, женщины и без них хороши. Разве вы так не думаете?

Гость тонко улыбнулся:

– Н-нет, почему же. Вообще это неправильно, надеяться, что бриллианты могут украсить безобразие. Как угодно нарядите урода, он станет еще уродливее. На теле красивой женщины сами драгоценности становятся богаче и прелестнее и ее красоту делают прямо… прямо царственной. Вам, к примеру, очень бы пошли топазы.

Евгения Алексеевна рассмеялась:

– Ах, действительно, мне только топазов не хватает!

Саратовский гость, любуясь, смотрел на нее через края рюмки.

– Впрочем, все это к слову, правда же. Вы и так хороши!

– Ну-ну!

– Да нет… я это… по-стариковски, правдиво… Если не нравится, расскажите в таком случае, как вы живете?

Евгения Алексеевна рассказывала ему о Москве, о театре, о модах и о людях, ей было весело и занятно, но вдруг она вспомнила, что уже двенадцатый час на исходе. Дома одни спят дети. Она заспешила домой, не ожидая конца вечеринки. Хозяева возмущались, блондин обижался, но никто не пошел проводить ее, и она одна пробежала по поздним улицам, стремясь к брошенным детям и убегая от обидной неловкости своего панического ухода.

Вот и этот блондин! Так и прошла бесследно эта встреча, а сколько их еще пройдет незамеченных?

Встал перед нею горький вопрос: неужели кончена, неужели кончена жизнь? Неужели впереди только готовка, уборка и… старость?

Наутро Евгения Алексеевна послала Жукову по почте записку с согласием на отправку детей к дедушке. За обедом она сказала о своем решении детям. Оля выслушала ее сообщение безучастно, поглядывая на своих кукол, а Игорь задал несколько деловых вопросов:

– А чем поедем? Поездом?

– Там можно рыбу ловить?

– Пароходы там есть?

– Самолеты там летают?

Евгения Алексеевна уверенно ответила только на первый вопрос. Игорь удивленно посмотрел на мать и спросил:

– А что там есть?

– Там есть дедушка и бабушка.

Оля хмуро отозвалась, посматривая на кукол:

– А почему там дедушка? И бабушка?

Евгения Алексеевна сказала, что дедушка и бабушка очень хорошие люди и там живут. Объяснение не удовлетворило Олю – она не дослушала его и отправилась к своим куклам.

После обеда Игорь подошел к матери, приник к ее плечу и спросил тихо:

– Знаешь что? Этот дедушка тот? Папин? С усами?

– Да.

– Знаешь что? Я не хочу ехать к дедушке.

– Почему?

– Потому что он пахнет. Знаешь… так пахнет!

Игорь рукой потрепал в воздухе.

– Глупости, – сказала Евгения Алексеевна. – Ничего он не пахнет. Все ты выдумываешь…

– Нет, он пахнет, – упрямо повторил Игорь. Он ушел в спальню и оттуда сказал громко, с настойчивой слезой:

– Знаешь что? Я не поеду к дедушке.

Евгения Алексеевна вспомнила своего свекра – он приезжал прошлым летом в гости к сыну. У него действительно были седые усы с пышными старомодными подусниками. Ему уже было за шестьдесят, но он бодрился, держался прямо, водку глушил стаканами и все вспоминал старое время, когда он работал сидельцем в винной лавке. От дедушки распространялся оригинальный, острый и неприятный запах, присущий неряшливым и давно не мытым старикам, но Евгению Алексеевну больше всего отталкивало его неудержимое стремление острить, сопровождая остроты особого значения кряканьем и смешком. Его звали Кузьмой Петровичем, и, вставая из-за стола, он всегда говорил:

– Спасибо богу да вам, сказали Кузьма и Демьян.

Проговорив это, он продолжительно щурился и закатывался беззвучным смехом.

Евгения Алексеевна подумала, что у этого дедушки детям будет «так себе». Да, с чего они живут? Пенсия? Хата своя. Сад, как будто. Может, сын высылает? А не все ли равно? Пусть об этом думает Жуков.

Что-то тревожное и нерадостное родилось в душе Евгении Алексеевны; подозрительным был и Жуков с его жалобой на затруднительность уплаты двухсот рублей; но в душе продолжали жить и неясные надежды на какие-то перемены, на новые улыбки жизни.

Через несколько дней Жуков прислал записку, в которой

подробно описывал, когда и в каком порядке должны дети выехать к дедушке. Он давал до Умани провожатого; этот самый провожатый и принес записку. Это был юноша лет двадцати, чистенький, хорошенький и улыбающийся. У Евгении Алексеевны стало почему-то легче на сердце; оставалось только неприятное впечатление от такого места письма:

«Дорогу провожатого (туда и обратно) я оплачу, а тебя прошу дать рублей шестьдесят на билеты для детей, учитывая, что за Олю нужно четверть билета, – у меня сейчас положение очень тяжелое».

Но Евгения Алексеевна на все махнула рукой. Все больше и больше волновала ее мысль о том, что наконец-то она останется одна на два-три месяца, совершенно одна, в пустой квартире. Она будет спать, читать, гулять, ходить в парк и в гости. Сверх всего этого должно быть еще что-то, могущее решительно изменить ее жизнь и ее будущее, – об этом она боялась даже мечтать, но именно поэтому на душе становилось просторно и радостно.

Дети не омрачали эту радость. Игорь как будто забыл о своем недавнем протесте. Перспектива путешествия и новых мест увлекала их. Они весело познакомились с провожатым.

Оля расспрашивала его:

– Поезд, так это с окнами? И все видно? Поле? Какое поле?

Провожатый в предложенных вопросах не видел ничего существенного и отвечал пустой улыбкой, но Игорь придавал им большое значение и с увлечением рассказывал Оле:

– Там такие окна… Не такие, как в комнате, а так задвигаются, вниз задвигаются. Когда смотришь, так ветер, и все бежит и бежит.

– А поле какое?

– Это все земля и земля, и все растет. Трава, и деревья, и эти, как их, хаты. И коровы ходят и еще овцы. Целые такие кучи!

В этих вопросах Игорь обладал большими познаниями, так как в своей жизни несколько раз путешествовал. Эти разговоры отвлекали его от запахов дедушки. Но когда пришел день отъезда, Игорь с утра расхныкался, сидел в углу и повторял:

– Так и знай, все равно, возьму и уеду. Вот увидишь, возьму и уеду. И с какой стати! И почему ты не едешь? Какой отпуск? А тебе все равно будет скучно без нас. Так и знай.

Оля просидела целый день на своем раскрашенном стуле и все о чем-то думала. Когда пришло время собираться на вокзал, она заплакала громко, по-настоящему, дрыгала ногами, отталкивая новые туфли, и все протягивала руки к матери. Только этот жест, сохранившийся у нее с раннего детства, обозначал что-то определенное, потому что слов нельзя было

разобрать в ее плаче.

Провожатый был уже здесь и весело старался уговорить Олю:

– Такая хорошая девочка и кричит? Разве так можно?

Оля махала на него мокрой рукой и еще громче завопила:

– Да… мамм – и больше ничего не разберешь.

С большим трудом, вспоминая вагонные окна, коров и поле за окнами, рассказывая о волшебных садах дедушки и о чудесной реке, по которой ходят белые пароходы и рыбаки проносятся на раздутых парусах, удалось Евгении Алексеевне успокоить детей. Потом до самого отхода поезда она вспоминала жуткий ход, сделанный ею в отчаянии:

– Едем, детки, на вокзал, едем. Вы не грустите, все будет прекрасно. А на вокзале папку увидите, папка будет вас провожать…

Услышав это, Оля радостно взвизгнула, и на мокром ее личике различалось выражение смеющегося счастья. Игорь как-то недоверчиво морщил носик, но сказал весело:

– Вот это да! Посмотрим, какой теперь папка! Может, он теперь не такой?

На улице их ожидала служебная легковая машина Жукова. За рулем сидел все тот же шофер, всегда небритый и строгий Никифор Иванович. Игорь пришел в полное восхищение:

– Мама! Смотри: Никифор Иванович!

Никифор Иванович повернулся на своем месте, небывало сиял и пожимал всем руки. Он спросил:

– Как поживаешь, Игорь?

– А вы теперь не сердитый, Никифор Иванович! А я поживаю… – Игорь вдруг покраснел и поспешил по другому вопросу: – Сколько теперь тысяч?

Двадцать семь! Вот это нацокало…

На вокзале в буфете их ожидал Жуков. Он искусственно и церемонно поклонился Евгении Алексеевне и немедленно был отвлечен протянутыми ручонками Оли. Он поцеловал ее и усадил к себе на колени. Оля в замешательстве ничего не могла сказать, только молча смеялась и поглаживала ладошками лацканы светло-серого пиджака отца. Наконец, она сказала нежно, склонив набок головку:

– Это новая куртка? Это пинжак? Да? Новый? А где ты теперь живешь?

Жуков улыбнулся с таким выражением, какое всегда бывает у взрослых, когда их приводит в восторг остроумие малышей. Игорь неловко стоял против отца, смотрел на него, опустив голову, и притоптывал одной ногой. Жуков протянул ему руку и спросил так же, как спрашивал Никифор Иванович: – Ну, как

поживаешь Игорь?

Игорь не успел ответить, он как-то странно поперхнулся, проглотил слюну, залился краской и отвернул лицо в противоположную сторону. Неизвестно откуда в глаз вошла слеза. Игорь так и стоял, отвернувшись от отца, сквозь слезу видел искрящиеся предметы, белые скатерти на столах, большие цветы и золотой шар на буфетной стойке.

– Мама! Смотри: Никифор Иванович!

Жуков нахохлился, осторожно приподнял Олю и поставил ее на пол. Ее ручонка в последний раз скользнула по серому лацкану нового пиджака и упала. Куда-то упала и ее улыбка, от нее остались на лице только отдельные разорванные кусочки.

Жуков достал бумажник и передал провожатому на билет.

– Смотрите, не потеряйте, он – обратный. И письмо. На вокзале вас встретят, а если не встретят, там недалеко.

– Ну, до свиданья, малыши, – сказал он, весело обращаясь к детям, – вы все по курортам, а меня ждут дела. Ох, эти дела, правда, Игорь?

Возвратившись с вокзала, Евгения Алексеевна почувствовала, что она находится во власти беспорядка. Беспорядок был и в комнате – обычный разгром, сопровождающий отъезд, беспорядок был и в душе. Жуков обещал возвратить на вокзал машину, чтобы отвезти ее домой. Она лишние полчаса просидела на вокзале, ожидая машину, и не дождалась, стала в очередь к автобусу. А впрочем, черт с ним, с этим Жуковым. Кажется, провожатому он дал бесплатный билет.

Евгения Алексеевна занялась уборкой, потом согрела ванну и искупалась. По мере того, как вокруг нее все принимало обычный вид, и на душе становилось удобнее. Непривычное одиночество в квартире, тишина, чистота воспринимались почти как праздник. Она как будто впервые заметила свежесть воздуха в открытом окне, тиканье часов и уютную мягкость коврика на полу.

Евгения Алексеевна сделала прическу, вытащила со дна ящика давно забытый шелковый халатик, долго вертелась перед зеркалом, рассматривая интимную прелесть кружев и голубых лент на белье, стройные ноги и выдержанную линию бедер. Сказала задорно-громко:

– Дурак этот Жуков! Ты, Евгения, еще красивая женщина!

Она еще раз повернулась перед зеркалом, потом живо и энергично подскочила к книжному шкафу и выбрала томик О'Генри. Взобравшись с ногами на диван, она прочитала один рассказ, крепко потянулась, улеглась и принялась мечтать.

Но пришел завтрашний день, потом еще один, потом третий, и стало ясно, что мечты ее кружили в одиночестве, и жизнь не

хотела мечтать с нею, а трезво катилась в прежнем направлении. На работе были те же бумажки, вызывные звонки управляющего, очередь посетителей и мелкие, будничные новости. Как и раньше, ритмически перекатывались волны дел. Деловые люди, как и раньше, вертели соответствующие колесики, а в четыре часа гремели ящиками столов и с посеревшими лицами спешили домой. Что там у них за дома и куда они спешат? Какие у них, подумаешь, притягательные жены! Они спешили обедать, просто им хотелось есть. Во всяком случае, Евгения Алексеевна шла домой одна – всем было с ней не по дороге. Дома, как и раньше, она включала плиту и кое-что себе готовила. Шум закипающего чайника был теперь невыносимо оглушительным и однообразным. Таким же однообразно-скучным был и обед.

На работе вокруг нее вертелось до трех десятков мужчин. Они вовсе не были плохие и почти все были чуточку влюблены в своего секретаря. Но все это был семейный народ, было бы в высшей степени гадко отнимать их у жен и детей…

Но и без близкого мужчины было неуютно, особенно после того, как воображение взбудоражилось неожиданной и непривычной свободой. Евгения Алексеевна уже несколько раз поймала себя на рискованно-игривом тоне в разговоре с некоторыми окружающими. В этой игре она сама неприятно ощущала почти деловую сухость и холодное намерение. В ее поведении не было необходимой простоты и свободы. Как будто она водила на цепочке соскучившуюся женщину и рассчитывала – куда бы ее пристроить?

Вечером Евгения Алексеевна лежала и думала. Господи, нельзя же так! Что это такое? Надо влюбиться, что ли! Как влюбиться? В восемнадцать лет любовь стоит впереди как неизбежная и близкая доля, ее не нужно искать и организовывать. Впереди стоят и любовь, и семья, и дети, впереди стоит жизнь. А теперь, в тридцать три года, любовь нужно сделать, нужно торопиться, нужно не опоздать. И впереди стоит не жизнь, а какой-то ремонт старой жизни; в каком винегрете эта старая жизнь должна быть смешана с новой?

Постепенно падала уверенность духа у Евгении Алексеевны. Прошло всего две недели, а неразборчивость и неприглядность будущего успели встать во весь рост, и снова за ним замаячила корявая фигура старости. Заглядывая в зеркало, Евгения Алексеевна уже не радовалась наряду кружев и бантиков, а искала и находила новые морщинки.

И в это время как раз ангел любви пролетел над нею, и на Евгению Алексеевну упала розовая тень его сияющих крыльев.

Случилось это, как всегда случается, нечаянно. Из Саратова

прибыл в командировку тот самый блондин, который любил драгоценные камни. Он приехал шумный и насмешливый, ходил по кабинетам, требовал, ругался и дерзил. Евгения Алексеевна с удовольствием наблюдала за этой веселой энергией и так же энергично старалась отбивать его нападение. Он кривил лицо в жалобной мине и, повышая голос до писка, говорил:

– Красавица! И вы обратились в бюрократа! Кошмар! Скоро нельзя будет найти ни одного свежего человека.

– Но нельзя же иначе, Дмитрий Дмитриевич, правила есть. Как это вы так напишете «просто»?

– А вот так и напишу. Дайте бумажку.

Он схватил первый попавшийся обрывок бумаги и широкими движениями карандаша набросал несколько строк. Евгения Алексеевна прочитала и пришла в радостный ужас: там было написано: «Дайте три тонны бумаги. Васильев».

– Не годится? – презрительно спросил Дмитрий Дмитриевич. – Скажите, почему не годится? Почему?

– Да кто же так пишет? «Дайте!» Что вы, ребенок?

– А как? А как нужно писать? Как? – действительно с детской настойчивостью спрашивал Дмитрий Дмитриевич. – Надо написать: настоящим ходатайствую об отпуске… на основании… и в виду… а также принимая во внимание. Так?

Евгения Алексеевна улыбалась с выражением превосходства и на минуту даже забывала, что она женщина.

– Дмитрий Дмитриевич, ну как же так «дайте»? Надо же основание – для чего, почему?

– Звери! Изверги! Кровопийцы! – запищал Васильев, стоя посреди комнаты и размахивая кулаком. – Третий раз приезжаю! Четыре тонны бумаги исписали, доказывали, объясняли! Все вам известно, все вы хорошо знаете, на память знаете! Н-нет! Довольно!

Он схватил свою дикую бумажку и ринулся в кабинет управляющего Антона Петровича Вощенко. Через пять минут он вышел оттуда с преувеличенным горем на полном лице и сказал:

– Не дал. Говорит: пришлите сотрудника, проверим. Такие люди называются в романах убийцами.

Евгения Алексеевна смеялась, а он присел в углу и как будто заскучал, но скоро подошел к столу и положил перед ней листик из записной книжки. На нем было написано:

Здесь же даже для столицы
Есть хорошенькие лица,
Но ужасно портит тон
Этот Вощенко Антон!!

Евгении Алексеевне стало весело, как давно не было, а он стоял перед ней и улыбался. Потом, осмотревшись, поставил локти на вороха папок и зашептал:

– Знаете что? Плюнем на все эти порядки…

– Ну, и что? – спросила она с тайной тревогой.

– А поедем обедать в парк. Там чудесно: есть зеленые деревья, пятьдесят квадратных метров неба и даже – я вчера видел, вы себе представить не можете, – воробей! Такой, знаете, энергичный и, по-видимому, здоровый воробышек. Наверное, наш – саратовский!

За обедом Васильев шутил, шутил, а потом задал вопрос:

– Скажите мне, красавица, вы, значит, есть не что иное, как брошенная жена?

Евгения Алексеевна покраснела, но он перехватил ее обиду, как жонглер:

– Да вы не обижайтесь, дело, видите ли, в том, что я, – он ткнул пальцем в свою грудь, – я есть брошенный муж.

Евгения Алексеевна поневоле улыбнулась, он и улыбку это поднял на руки:

– Мы с вами друзья по несчастью. И ведь незаслуженно, правда? И вы красивая, и я красивый, какого им хрена нужно, не понимаю. До чего плохой народ, привередливый, убиться можно!

Потом они бродили по парку, ели мороженое в каком-то кафе и под вечер попали на футбольный матч. Смотрели, болели, Дмитрий Дмитриевич вякал:

– До чего это полезная штука: футбол! В особенности для умственного развития! Ну, что ж? Я вижу, что они только и будут делать, что гонять этот мяч… Не поискать ли других острых ощущений? Например, кино?

А через минуту он решительно предложил:

– Нет, отставить кино! В кино жарко, и поэтому мне страшно захотелось чаю. Пойдемте к вам чай пить.

Так началась эта любовь. Евгения Алексеевна не противилась любви, потому что любовь хорошая вещь, а у Васильева все выходило весело и просто, как будто иначе и быть не могло.

Но через три дня Васильев уезжал. На прощание он взял ее за плечи и сказал:

– Вы прекрасны, Евгения Алексеевна, вы замечательны, но я не буду на вас жениться…

– О, нет…

– Я боюсь жениться. У вас двое детей, семья, а я и без детей муж, по всей вероятности, неважный. Мне страшно, просто

страшно. Это знаете, очень тяжело, когда тебя жена бросает. Это удивительно неприятно! Брр! И с тех пор я боюсь. Перепуган. Хочется побыть одному, это далеко не так опасно. Но если вам нужен будет помощник для… какого-нибудь там дела, морду кому-нибудь набить или в этом роде, – я в вашем распоряжении.

Он уехал, а Евгения Алексеевна, отдохнув от неожиданного любовного шквала, грустно почувствовала, что ее жизнь вплотную подошла к безнадежности.

Проходили дни. В душе крепко поместился и занял много места образ Дмитрия Дмитриевича. Нет, это не была случайная греховная шутка. Образ Васильева был милым и притягательным образом, и поэтому так щемило сердце, ибо оно понимало, что Дмитрий Дмитриевич испугался двух детей и сложностей новой семьи. Хотелось нежно сказать ему:

– Милый, не нужно бояться моих детей, они добрые, прекрасные существа, они щедро заплатят за отцовскую ласку.

Дети теперь вспоминались с нестерпимой нежностью. В будущем только они стояли рядом с нею, а капризная прелесть Дмитрия Дмитриевича могла годиться только для игры воображения. Что он такое? Случайный расписной пряник, мгновенный луч зимнего солнца? Дети… И вот это будущее. И только!

От Игоря было получено одно письмо. В аккуратных ученических строчках его было беспокойство. Игорь писал:

«Мама, мы здесь живем у дедушки и у бабушки. Мы сильно скучаем. Дома жить лучше. Дедушка нам все рассказывает, а бабушка мало рассказывает. Речки здесь никакой нету и пароходов нету. Яблок тоже нету, только есть вишни. На деревья нельзя лазить, а бабушка нам дает вишни, а другие вишни продает на базаре. Я тоже ходил на базар, только вишней не продавал, а смотрел на людей, какие люди. Вчера приехал папа и уехал. Целую тебя тысячу раз.

Любимый твой сын Игорь Жуков».

Евгения Алексеевна задумалась над письмом. Только одна строчка говорила прямо: «Дома жить лучше». Бабушка, по всей вероятности, не очень ласкова с детьми. Вишен для них жалеет. И зачем приезжал папа? Что ему нужно?

Беспокойство Евгении Алексеевны не успело разгореться как следует – пришло второе письмо:

«Милая наша мамочка, нельзя больше терпеть. Забери нас отсюда. Яблок еще нету, а вишней нам дают мало, все жадничают. Мамочка, забери скорей, приезжай, потому что терпения больше нету.

Любимый твой сын Игорь Жуков».

Евгения Алексеевна в первый момент растерялась. Что нужно делать? Сказать Жукову. Ехать самой? Послать кого-нибудь? Кого послать? Ага, того самого провожатого.

Она бросила к телефону. После разрыва она первый раз услышала голос мужа в телефонной трубке. Голос был домашний, знакомый. Он теперь казался самодовольным и сытым. Разговор был такой:

– Чепуха! Я был там в командировке. Прекрасно все.

– Но дети не хотят жить.

– Мало ли чего? Чего могут хотеть дети!

– Я не хочу спорить. Вы не можете послать того самого молодого человека?

– Нет, не могу.

– Что?

– Не могу я никого посылать. И не хочу.

– Вы не хотите?

– Не хочу.

– Хорошо, я сама поеду. Но вы должны помочь деньгами.

– Благодарю вас, не хочется участвовать в ваших истериках, капризах. И предупреждаю: до сентября я все равно денег вам присылать не буду.

Евгения Алексеевна хотела еще что-то сказать, но трубка упала.

Никогда еще ни один человек в жизни не вызывал у нее такой ненависти. Отправка детей в Умань была для Жукова только выгодным предприятием. Как мог этот жалкий человек обмануть ее? Зачем она малодушно поддалась его предложению? Неужели? Ну, конечно, и она поступила, как жадная тварь, которой мешали дети. Дмитрий Дмитриевич? Ну, что ж? И он боится этих несчастных детей. Всем они мешают, у всех стоят на дороге, все хотят столкнуть их куда-нибудь, запрятать.

В полном развернутом гневе действовала Евгения Алексеевна в эти дни. Выхлопотала себе трехдневный отпуск. Продала старые золотые часы, послала письмо Игорю. И самое главное: налитыми гневом глазами глянула на телефонную трубку на столе и сказала:

– Вы не будете платить? Посмотрим!

На другое утро она подала заявление в суд. Слово «алименты» мелькало в коридорах суда.

Вечером она выехала в Умань. В ее душе теснились большие чувства: взволнованная и грустная любовь к детям, обиженная нежность к Дмитрию Дмитриевичу и нестерпимая ненависть к Жукову.

У стариков Жуковых она была от поезда до поезда. Там она

нашла такую раскаленную атмосферу вражды и такую тайную войну, что задерживаться нельзя было ни на один час, тем более что ее приезд очень усилил детскую сторону. После первых ошеломляющих объятий и слез дети оставили мать и бросились на врага.

У Оли личико сделалось злым и нахмуренным, и на нем было написано только одно: беспощадность. Она входила в комнаты с большой палкой и старалась колотить этой палкой по всему решительно: по столам и стульям, по подоконникам, она только стекло почему-то не била. Старики старались отнять у нее палку и спрятать. Потеряв оружие, Оля замахивалась ручонкой на деда, закусывала губу и шла искать другую палку, не теряя на лице выражения беспощадности. Дедушка следил за ней настороженным глазом разведчика и говорил:

– Плохих воспитали детей, сударыня! Разве это ребенок? Это моровое поветрие!

Игорь смотрит на дедушку с искренним презрением:

– Это вы моровое поветрие! Вы имеете право бить нас ремешками? Имеете право?

– Не лазьте по деревьям!

– Жаднюги! – с отвращением продолжает Игорь. – Сквалыги! Скупердяи! Он – Кощей, а она – Баба-яга!

– Игорь! Что ты говоришь! – останавливает сына мать.

– Ого! Он еще и не так говорил. Скажи, как ты говорил?

– Как я говорил? Отцу они такого наговорили! – Игорь передразнил: – У нас ваши птенчики, как у Христа за пазухой. У Христа! Он сам, как Христос, ха. По десять вишен на обед! За пазухой! А что он про тебя говорил? Говорил: ваша мать за отцом поплакала, поплакала!

В переполненном твердом вагоне, кое-как разместив вещи и детей, Евгения Алексеевна оглянулась с отчаянием, как будто только что выскочила из горящего дома. У Оли и в вагоне оставалось на лице выражение беспощадности, и она не интересовалась ни окнами, ни коровами. Игорь без конца вспоминал отдельные случаи и словечки. Евгения Алексеевна смотрела на детей, и ей хотелось плакать не то от любви, не то от горя.

Снова у Евгении Алексеевны потекли дни, наполненные активностью сердца, заботами и одиночеством. Одиночество пришло новое, независимое от людей и дел. Оно таилось в глубине души, питалось гневом и любовью. Но гнев отодвинул любовь в самый далекий угол. Без рассуждений и доказательств пришла уверенность, что Жуков преступник, человек опасный для общества и людей, самое низкое существо в природе. Досадить

ему, оскорбить, убить, мучить могло сделаться мечтой ее жизни.

И поэтому с таким жестким злорадством она выслушала его голос в телефонной трубке после постановления суда, присудившего Жукову уплату алиментов по двести пятьдесят рублей в месяц:

– Я чего угодно мог ожидать от вас, но такой гадости не ожидал…

– Угу!

– Что? Вы обыкновенная жадная баба, для которой благородство непонятная вещь.

– Как вы сказали? Благородство?

– Да, благородство. Я оставил вам полную квартиру добра, библиотеку, картины, вещи…

– Это вы из трусости оставили, из подлости, потому что вы – червяк…

– А теперь вы позорите мое имя, мою семью…

Силы изменили Евгении Алексеевне. Она изо всей силы взяла трубку обеими руками, как будто это было горло Жукова, потрясла трубкой и хрипло закричала в нее:

– Мелкая тварь, разве у тебя может быть семья?

Она произносила бранные слова, и они ее не удовлетворяли, а других, более оскорбительных, она не находила. Для нее самой становилась невыносимой эта одинокая ненависть. Нужно было о ней кому-то рассказывать, усиливая краски, вызывать у людей такую же ненависть, добиться того, чтобы люди называли Жукова мерзавцем, червяком. Хотелось, чтобы люди презирали Жукова и выражали это презрение с такой силой, как она. Но ей некого было привлечь в соучастники своей злобы, и она удивленно раздумывала: почему люди не видят всей низости Жукова, почему разговаривают с ним, работают, шутят, подают ему руку.

Но люди не видели отвратительной сущности Жукова и не поступали с ним так, как хотелось Евгении Алексеевне. Только дети видели всю глубину ее горя и раздражения, и с детьми она давно перестала стесняться. Очень часто вспоминала при них о муже, выражала презрительные мысли, произносила оскорбительные слова. С особым торжеством она сообщила им о постановлении суда:

– Ваш милый папенька воображает, что мне нужна его милостыня – двести рублей! Будет платить по суду, а не заплатит, в тюрьме насидится!

Дети выслушивали такие слова молча. Оля при этом хмурилась и сердито задумывалась. Игорь посматривал иронически.

В характере детей после поездки к дедушке произошли

изменения. Евгения Алексеевна видела их, но у нее не находилось свободной души, чтобы задуматься над этим. Она останавливала внимание на том или ином детском проявлении, но в ту же минуту на нее стремительно набегали новые заботы и приступы гнева.

У Игоря изменилось даже выражение лица. Раньше на нем всегда была разлита простая и доверчивая ясность, украшенная спокойной и умной бодростью карих глаз. Теперь на этом лице все чаще и чаще стало появляться выражение хитроватой подозрительности и осуждающей насмешки. Он научился посматривать вкось, прищурив глаза, его губы умели теперь неуловимо змеиться, как будто они надолго заряжены были презрением.

У соседей была вечеринка, – конечно, обычное семейное веселье, какое может быть у каждого. Вечером из их квартир доносятся звуки музыки и шарканье ног по полу – танцуют. Игорь лежит уже в постели. Он налаживает свою высокомерную и всепонимающую гримасу и говорит:

– Накрали денег, а теперь танцуют!

Мать удивлена:

– Откуда ты знаешь, что они накрали?

– Конечно, накрали, – с пренебрежительной уверенностью говорит Игорь, – а что им стоит накрасть? Коротков, знаешь, где работает? Он магазином заведует. Взял и накрал.

– Как тебе не стыдно, Игорь, сочинять такие сплетни? Как тебе не стыдно?

– Им не стыдно красть, а чего мне будет стыдно? – так же уверенно говорит Игорь и смотрит на мать с таким выражением, как будто знает, что и она что-то «накрала», ему только не хочется говорить.

Глубокой осенью у Евгении Алексеевны остановилась приехавшая в Москву на несколько дней сестра Надежда Алексеевна Соколова. Она была гораздо старше Евгении и массивнее ее. От нее отдавало тем приятным и убедительным покоем, какой бывает у счастливых, многодетных матерей. Евгения Алексеевна обрадовалась ей и с жаром посвятила во все подробности своей затянувшейся катастрофы. Разговаривали они больше в спальне наедине, но иногда за обедом Евгения Алексеевна не могла удержаться. Отвечая на ее сетования, Надежда как-то сказала:

– Да ты брось нудьгой заниматься! Чего ты ноешь? Выходи замуж второй раз! На них смотришь? На Игоря? Да Игорю мужчина нужнее, чем тебе. Что он у тебя растет в бабской компании? Не кривись, Игорь, – смотри, какой деспотический

сын! Он хочет, чтобы мать только и знала, что за ним ходить. Выходи. Ихний брат к чужим детям лучше относится, чем мы. Они шире…

Игорь ничего не сказал на это, только пристально рассматривал тетку немигающими глазами. Но когда Надежда уехала, Игорь не пожалел ее:

– Ездят тут разные… Жила у нас пять дней, все даром, конечно, для нее выгода. На чужой счет… еще бы!

– Игорь, меня начинают раздражать твои разговоры!

– Конечно, тебя раздражают! Она тебе наговорила, наговорила, про мужчин разных! Выходи замуж, выходи замуж, так ты и рада!

– Игорь, перестань!

Евгения Алексеевна крикнула это громко и раздраженно, но Игорь не испугался и не смутился. По его губам пробежала эта самая змейка, а глаза смотрели понимающие и недобрые.

О характере Игоря доходили плохие слухи и из школы. Потом Евгению Алексеевну пригласил директор.

– Скажите, откуда у вашего мальчика такие настроения? Я не допускаю мысли, что это ваше влияние.

– А что такое?

– Да нехорошо, очень нехорошо. Об учителях он не говорит иначе, как с осуждением. Учительнице сказал в глаза: вы такая вредная, потому что жалованье за это получаете! И вообще в классе он составляет ядро… ну… сопротивления.

Директор при Евгении Алексеевне вызвал Игоря и сказал ему:

– Игорь, вот при матери дай обещание, что ты одумаешься.

Игорь быстро глянул на мать и нагло скривил рот. переступил с ноги на ногу и отвернулся со скучающим видом.

– Ну, что же ты молчишь?

Игорь посмотрел вниз и снова отвернулся.

– Ничего не скажешь?

Игорь поперхнулся смехом – так неожиданно смех набежал на него, но в первый же момент остановил смех и сказал рассеянно:

– Ничего не скажу.

Директор еще несколько секунд смотрел на Игоря и отпустил его:

– Ну, иди.

Мать возвратилась домой испуганная. Перед этой мальчишеской злобностью она стояла в полной беспомощности. В ее душе давно все было разбросано в беспорядке, как в неубранной спальне. А у Игоря начинала проглядывать цельная личность, и эту цельность ни понять, ни даже представить Евгения Алексеевна не умела.

Жизнь ее все больше и больше тонула в раздражающих конфликтах. На работе произошло несколько конфликтов, виновата в них была главным образом ее нервность. Алименты от Жукова поступали неаккуратно, нужно было писать на него жалобы. Жуков уже не звонил ей, но о его жизни и делах доходили отзвуки. У новой жены его родился ребенок, и Жуков поэтому возбудил дело об уменьшении суммы алиментов.

Весной он на улице встретил Игоря, усадил в машину, катал по Ленинградскому шоссе, а на прощание подарил ему свой ножик, состоящий из одиннадцати предметов. Игорь возвратился с прогулки в восторженном состоянии, размахивал руками и все рассказывал о новых местах, папиных шутках и папиной машине. Ножик он привязал на шнурок к карману брюк, целый день раскрывал и закрывал его, а вечером достал где-то прутик, долго обстругивал его, насорил во всех комнатах и, наконец, обрезал палец, но никому не сказал об этом и полчаса обмывал палец в умывальнике. Евгения Алексеевна увидела кровь, вскрикнула:

– Ах ты, господи, Игорь, что ты делаешь? Брось свой гадкий нож!

Игорь обернулся к ней озлобленный:

– Ты имеешь право говорить «гадкий нож»? Ты имеешь право? Ты мне его не подарила! А теперь «гадкий нож»! Потому что папка подарил! Так тебе жалко?

Евгения Алексеевна плакала в одиночку, потому что и дома не от кого было ожидать сочувствия. Оля не воевала с матерью и не дерзила ей, но она перестала повиноваться матери, и это выходило у нее замечательно, без оглядки и страха. Целыми днями она пропадала то во дворе, то у соседей, возвращалась домой измазанная, никогда ни о чем не рассказывала и не отзывалась на домашние события. Иногда она останавливалась против матери, закусив нижнюю губу, смотрела на нее сурово и непонятно и так же бессмысленно поворачивалась и уходила. Запрещений матери она никогда не дослушивала до конца – над ней не было никакой власти. Даже в те минуты, когда мать меняла Оле белье или платье, Оля смотрела в сторону и думала о своем.

Наступали тяжелые дни, полные отчаяния и растерянности. Не такое уже и давнее время счастья перестало даже мелькать в воспоминаниях, да и что хорошего могла принести память, если в памяти нельзя было обойтись без Жукова.

Весной Евгения Алексеевна начала подумывать о смерти. Она еще не вполне ясно представляла, что может произойти, но смерть перестала быть страшной.

От Дмитрия Дмитриевича изредка приходили письма,

нежные и уклончивые в одно время. В апреле он приехал снова в командировку, задержал ее руку в своей, и взгляд его не то просил о прощении, не то говорил о любви. С работы они вышли вместе. Она ускорила шаг, как будто надеялась, что он не догонит ее. Он взял ее за локоть и сказал суровым, серьезным голосом:

– Евгения Алексеевна, нельзя же так.

– А как можно? – она остановилась на улице и посмотрела в его глаза. Он ответил ей глубоким взглядом серых глаз, но ничего не сказал. Поднял шляпу и свернул в переулок.

В мае произошли события.

В одной из соседних квартир муж сильно избил жену… Муж был журналист, пользовался известностью, считался знатоком в каких-то специальных вопросах. Все верили, что Горохов талантливый и хороший человек. Избитая жена переночевала одну ночь у Коротковых. И Коротковы, и Жуковы, и другие знали, что Горохов с женой обращается плохо, а она не способна даже подумать о протесте. Все привыкли считать, что это касается Гороховых, это их семейный стиль, рассказывали о них анекдоты, смеялись, но при встрече с Гороховым не высказывали сомнений в том, что он хороший и талантливый человек.

Узнав о новом скандале, Евгения Алексеевна долго ходила из комнаты в комнату, молча любовалась узором на скатерти, потом нашла в столовой забытую на столе бутылочку с уксусом и долго рассматривала белые фигурные буквы на темно-синем фоне этикетки. Края этикетки были желтые, и было там написано много разных слов. Ее глаза остановились на скромной виньетке, удивились ее простоте.

Осторожно поставив бутылочку на стол, она вышла на лестницу, спустилась вниз и позвонила к Коротковым. Там выслушала жалкий бабий равнодушный лепет избитой жены, глядела на нее сухими воспаленными глазами и ушла, не чувствуя ни своего тела, ни своей души.

Поднимаясь по лестнице, она неожиданно для себя толкнула дверь Горохова. Ее никто не встретил. В первой комнате сидела девочка лет четырех прямо на голом грязном полу, и перебирала табачные коробки. Во второй комнате за письменным столом она увидела самого Горохова. Это был маленький человек с узким носиком. Он удивленно поднял голову к Евгении Алексеевне и по привычке приветливо улыбнулся, но заметил что-то странное в ее горящих глазах и привстал. Евгения Алексеевна прислонилась плечом к двери и сказала, не помня себя:

– Знаешь что? Знаешь что, мерзавец? Я сейчас напишу в газету.

Он смотрел на нее зло и растерянно, потом положил ручку на

стол и отодвинул кресло одной рукой.

Она быстро подалась к нему и крикнула:

– Все напишу, вот увидишь, скотина!

Ей показалось, что он хочет ее ударить. Она бросилась вон из комнаты, но страха у нее не было, ее переполняли гнев и жажда мести. Влетев в свою комнату, она сразу же открыл ящик письменного стола и достала бумагу. Игорь сидел на ковре и раскладывал палочки, проверяя их длину. Увидев мать, Игорь бросил работу и подошел к ней:

– Мама, ты получила деньги?

– Какие деньги? – спросила она.

– От отца. Папины деньги получила?

Евгения Алексеевна бросила удивленный взгляд на сына. У него вздрагивала губа. Но Евгения Алексеевна думала все-таки о Горохове.

– Получила, а тебе что нужно?

– Мне нужно купить конструктор. Стоит тридцать рублей.

– Хорошо… А при чем папины деньги? Деньги все одинаковы.

– Нет, не одинаковы. То твои деньги, а то мои!

Мать пораженная смотрела на сына. Все слова куда-то провалились.

– Ты чего на меня смотришь? – сгримасничал Игорь. – Деньги эти папа для нас дает. Они наши, а мне нужно купить конструктор… И давай!

Лицо у Игоря было ужасно: это было соединение наглости, глупости и бесстыдства. Евгения Алексеевна побледнела, отвалилась на спинку стула, но увидела приготовленный листик бумаги и… все поняла. В самой глубине души стало тихо. Не делая ни одного лишнего движения, ничего не выражая на белом лице, она из стола достала пачку десяток и положила на стекло.

Потом сказала Игорю, вкладывая в каждое слово тот грохот, который только что прокатился в душе:

– Щенок! Вот деньги, видишь? Говори, видишь?

– Вижу, – сказал тихо испуганный Игорь, не трогаясь с места, как будто его ноги приклеились к полу.

– Смотри!

Евгения Алексеевна на том же заготовленном листке бумаги написала несколько строк.

– Слушай, что я написала:

«Гражданину Жукову.

Возвращаю поступившие от вас деньги. Больше посылать не трудитесь. Лучше голодать, чем принимать помощь от такого, как вы. Е».

Не отрываясь взглядом от лица сына, она запечатал деньги и

записку в конверт. У Игоря было прежнее испуганное выражение, но в глазах уже заиграли искорки вдохновенного интереса.

– Этот пакет ты отнесешь этому гражданину, который бросил тебя, а теперь подкупил тебя старым ножиком. Отнесешь к нему на службу. Понял?

Игорь кивнул.

– Отнесешь и отдашь швейцару. Никаких разговоров с от… с Жуковым.

Игорь снова кивнул головой. Он уже разрумянивался на глазах и следил за матерью, как за творящимся чудом.

Евгения Алексеевна вспомнила, что-то еще нужно сделать…

– Ага! Там рядом редакция газеты… Впрочем, это я отправлю по почте.

– А зачем газета? Тоже о… этом… Жу…

– О Горохове. Напишу о Горохове!

– Ой, мамочка! И ногами бил, и линейкой! Ты напишешь?

Она с недоверием присматривалась к Игорю. Мать не хотела верить его сочувствию. Но Игорь серьезно и горячо смотрел ей в глаза.

– Ну, иди, – сказала она сдержанно.

Он выбежал из комнаты, не надевая кепки. Евгения Алексеевна подошла к окну и видела, как он быстро перебегал улицу, в его руке белел конверт, в котором она возвращала жизни свое унижение. Она открыла окно. На небе происходило оживленное движение: от горизонта шли грозовые тучи. Главные их силы мрачно чернели, а впереди клубились веселые белые разведчики; далеко еще ворчал гром, от него в комнату входила прохлада. Евгения Алексеевна глубоко вздохнула и села писать письмо в газету. Гнева в ней уже не было, но была холодная, уверенная жесткость.

Игорь возвратился через полчаса. Он вошел подтянутый и бодрый, стал в дверях и сказал звонко:

– Все сделал, мама!

Мать с непривычной, новой радостью взяла его за плечи. Он отвел было глаза, но сейчас же глянул ей в лицо чистым карим лучом и сказал:

– Знаешь что? Я и ножик отдал.

Письмо Евгении Алексеевны в газету имело большой резонанс, ее личность вдруг стала в центре общественного внимания. К ней приезжали познакомиться и поговорить. Целый день звонил телефон. Она не вполне ясно ощущала все происходящее, было только понятно, что случилось что-то важное и определяющее. Она в особенности убедилась в этом, когда поговорила с Жуковым.

– Слушайте, как я должен принять вашу записку?

Евгения Алексеевна улыбнулась в трубку:

– Примите это как пощечину.

Жуков крякнул в телефон, но она прекратила разговор.

Ей захотелось жить и быть среди людей. И люди теперь окружили ее вниманием. Игорь ходил за матерью, как паж, и осматривался вокруг с гордостью. Никто с ним не говорил об отце, все интересовались Евгенией Алексеевной, как автором письма о Горохове. Игорь сказал ей:

– Они все про Горохова, а про нас с тобой ничего и не знают. Правда?

Мать ответила:

– Правда, Игорь. Только ты еще помоги мне. Займись, пожалуйста, Ольгой, она совсем распустилась.

Игорь немедленно занялся. Он через окно вызвал Ольгу со двора и сказал ей:

– Слушайте, уважаемая Ольга! Довольно вам дурака валять!

Ольга направилась к двери. Игорь стал в дверях. Она глянула на Игоря:

– А как?

– Надо слушаться маму.

– А если я не хочу?

– Ну… видишь… теперь я над тобой начальник. Ты понимаешь?

Ольга кивнула головой и спросила:

– Ты начальник?

– Пойдем к маме…

– А если я не хочу?

– Это не пройдет, – улыбнулся Игорь.

– Не пройдет? – посмотрела на него лукаво.

– Нет.

С тем же безразличным выражением, с каким раньше Оля выходила от матери, сейчас она двинулась в обратном направлении. Игорь чувствовал, что над ней еще много работы.

У матери произошел разговор, имеющий директивный характер. Оля слушала невнимательно, но рядом с матерью стоял гордый Игорь, молчаливая фигура которого изображала законность.

Дела вообще пошли интересно. Неожиданно вечером в их квартиру ввалился белокурый полный человек.

– Евгения Алексеевна! Вы такой шум подняли с этим Гороховым… Все только и говорят о вас. Я вот не утерпел, приехал.

– Ах, милый Дмитрий Дмитриевич, как это вы хорошо

сделали, – обрадовалась и похорошела Евгения Алексеевна. – Знакомьтесь, мои дети.

– Угу, – серьезно осклабился Дмитрий Дмитриевич. – Это, значит, Игорь? Симпатичное лицо. А это Оля. У нее тоже лицо симпатичное. А я к вам с серьезным разговором: дело, видите ли, в том, что я хочу жениться на Евгении Алексеевне.

Блондин умолк, стоял посреди комнаты и вопросительно посматривал на ребят.

– Дмитрий Дмитриевич, – смущенно сказала Евгения Алексеевна, надо бы со мной раньше поговорить…

– С вами мы всегда согласуем, а вот они, – сказал Дмитрий Дмитриевич.

– Господи, вы нахал!

– Нахал! – протяжно рассмеялась Ольга.

– Ну, так как, Игорь?

Игорь спросил:

– А какой вы?

– Я? Вот вопрос! Я – человек верный, веселый. Мать вашу очень люблю. И вы мне нравитесь. Только на детей я строгий, – заурчал он басом.

– Ой, – запищала Оля радостно.

– Видите, она уже кричит, а ты еще держишься. Это потому, что ты мужчина. Ну, так как, Игорь, я тебе нравлюсь?

Игорь без улыбки ответил:

– Нравитесь. Только… Вы нас бросать не будете?

– Вы меня не бросайте, голубчики! – прижал руку к груди Дмитрий Дмитриевич. – Вы меня не бросайте, круглого сироту!

Оля громко засмеялась:

– Сироту!

– Что это такое, в самом деле! Надо же меня спросить, – взмолилась Евгения Алексеевна. – А вдруг я не захочу.

Игорь возмутился:

– Мама! Ну, какая ты странная! Он же все рассказал. Нельзя же так относиться к человеку!

– Верно, – подтвердил Дмитрий Дмитриевич. – Отношение к человеку должно быть чуткое!

– Вот видишь? Мамочка, выходи за него, все равно вы давно сговорились.

И по глазам видно. Ой, и хитрые!

Дмитрий Дмитриевич пришел в крайний восторг:

– Это же… гениальные дети! А я, дурень, боялся!

История Евгении Алексеевны, конечно, не самая горестная. Встречаются и такие отцы, которые умеют не только бросить

детей, но и ограбить их, перетащив на новое место отдельные соломинки семейного гнезда.

Говорят, есть такие отцы, которые, оставив семью, умеют сохранить действительно благородные отношения с детьми, даже принимают участие в их воспитании, даже воспитывают из них правильных людей. Я верю, что это возможно, что это по силам человеку, но я таких не видел. Зато я встречал людей, которые умеют не поддаваться впечатлениям первых семейных недоразумений, способны пренебречь притягательной прелестью новой любви и сохранить в чистоте договор с женой, не придираясь к отдельным ее недостаткам, обнаруженным с таким запозданием. В этом случае и долг перед детьми выполняется более совершенно, и таких людей можно считать образцами.

Но много еще есть «благородных» и неблагородных донжуанов, которые с безобразной слабостью рыскают по семейным очагам, разбрасывая повсюду стайки полусирот, которые, с одной стороны, всегда готовы изображать ревнителей свободы человеческой любви, с другой – готовы показать свое внимание к брошенным детям, с третьей стороны, просто ничего не стоят как люди и не заслуживают никакой милости.

Обиженные и оскорбленные матери и дети при всякой возможности должны обращать «химическую» фигуру такого алиментщика в «механический» и простой нуль. Не нужно позволять этим людям кокетничать с брошенными ими детьми.

И во всяком случае необходимо рекомендовать особую деликатность в вопросе об алиментах, чтобы эти деньги не вносили в семью никакого разложения.

Целость и единство семьи – необходимое условие хорошего воспитания. Оно разрушается не только алиментщиками и «единственными принципами», но и ссорами родителей, и деспотической жесткостью отца, и легкомысленной слабостью матери.

Кто хочет действительно правильно воспитать своих детей, тот должен беречь это единство. Оно необходимо не только для детей, но и для родителей.

Глава третья
Проблемные дети. Этика взаимоотношений в специальных детских учреждениях

Детский протест, начавшийся из-за неправильного воспитания в семье, зачастую приобретает крайние формы, – такие как пьянство, курение, воровство, уход из дома и бродяжничество. Об этих явлениях и способах борьбы с ними мы и поговорим в настоящей главе.

О детской беспризорности и детских домах

Дети, попавшие на улицу, обычно живут там недолго – до первой возможности попасть в детский дом, такая возможность всегда есть, потому что об этом заботятся специальные учреждения. Но есть дети, которые не только не ждут удобного часа, чтобы попасть в детский дом, а даже избегают его, а когда и попадают туда, то при первой возможности убегают…

Из детского дома они убегают потому, что квалификацию, к которой они стремятся, не так-то легко и быстро можно получить. Чтобы получить квалификацию, нужна дисциплина и напряжение, к которым эти дети почти не способны. К тому же сам характер такого «кадровика» настолько тяжелый для коллектива, да и для него самого, что уже с первого дня пребывания в детском доме требуется аккуратность, вежливость, часто там не разрешают курить, преследуют за мат, не разрешают драться, играть в карты. Кадровому беспризорному с его привычным уличным опытом очень тяжело приспособиться к новому быту детского дома. К тому же «кадровик» большей частью неграмотный, и его сажают на школьную лавку, а в «кадровике» всегда существует убеждение, что человеку не так нужна школа, как халтура. Школу «кадровик» решительно отвергает – и снова конфликты. Усложняет обстановку и дурная привычка «кадровика» – быть не очень разборчивым в вопросах обладания и пользования, а также в вопросах распределения…

Из тех, кто убежал, некоторые живут в детском доме больше, некоторые – меньше, кое-кто убегает с первого же дня. Часть же по разным причинам оседает надолго и навсегда: детский дом понравился ему, или повстречал он там давних приятелей, или серьезно приложил силы и принудил себя привыкнуть к коллективу, или попал к доброму педагогу, который знает, как обращаться с человеком, или увлекся чем-то, или просто надоело ему бродить к грязище и кормить вшей. Тогда и на улицу не так тянет, и легче вырабатываются новые, товарищеские связи.

Было бы ошибкой думать, что «кадровик», который задержался в детском доме, уже целиком исправился и можно по-настоящему обрадоваться этому. Нужно признать, что все эти «кадровики» большей частью такие, что очень трудно их сдвинуть, подчинить какому-нибудь влиянию. Чем старше они возрастом, тем крепче у них система морального опыта, привычных представлений о свете, о достойном и похвальном, о ценном и неценном. Изменить эту систему чрезвычайно трудно.

Очень часто случается, что обстоятельства заставляют парня

подчиниться дисциплине детского дома, а педагогам даже начинает казаться, что мальчик на пути к полному перевоспитанию, но неожиданный пустяк вдруг выводит его из колеи и начинается давнишняя «буза» – провинности, кражи и, сверх того, хулиганство. Преимущественно же воспитание детского дома всю свою карьеру в детском доме делает очень мучительно, задевая и оскорбляя около себя все живое…

Понятно, гораздо хуже обстоит дело с теми подростками, которые так и не победили в себе стремления к «уличной воле». Проскитавшийся некоторое время по детским домам и нигде не найдя для себя приемлемой жизни, каждый раз меняя детский дом на всю ту же улицу и постепенно укрепляя тягу к ней, привычки, свою уверенность в собственной «непоправимости», ненависть к порядочной рабочей жизни, ко всем ее представлениям, со временем такой подросток превращается в квалифицированного бродягу и хулигана. Однако существуют специальные исправительные учреждения, которые оказывают помощь и таким детям. При них организовано настоящее производство. Постепенно расширяя свое производство, привлекая к его интересам детей, приучая их иметь собственный бюджет и карманные деньги, такое учреждение одновременно бдительно следит за поведением подростка, за организацией его быта, дает ему новые культурные и политические наставления. Наряду с созданием крепкого ядра юношей расширяется и самоуправление, в дальнейшем дисциплина становится традицией целого коллектива, и поэтому «врастание» новых членов происходит уже легче, и они скорее приходят к нормальному специальному самосознанию.

Некоторая часть беспризорных остается вне общества и попадает в тюрьмы. Нельзя сказать, что так получается потому, что их сама природа назначила быть отбросами общества. Природа ничего не определяет в поведении человека – все определяют люди и материальные обстоятельства. Правда, что мы еще не всецело овладели всеми влияниями и средствами, которые имеются в нашем распоряжении, мы еще не умеем охватить все наше детство и юношество так, чтобы в человеческом составе у нас были наименьшие потери. Очень часто материальные и людские средства мы не умеем использовать как следует, и маловато у нас людей, которые овладели делом борьбы с беспризорностью, несмотря на, казалось бы, очень большой опыт. Речь идет о том, что для дела воспитания беспризорных необходимы очень большие усилия. Работа с беспризорными очень тяжелая и неблагодарная, и мало есть желающих отдаться ей целиком. Много работников сразу бросают эту работу и идут

на другую – спокойную и лучше оплачиваемую.

Только благодаря этому мы не можем похвалиться победой над всеми наследиями беспризорности. Однако нужно оговориться. Хоть такое мрачное положение познает и большинство беспризорных, т. е. уличных детей, и очень редко до этого доходят дети из семьи, тем не менее главные причины преступлений и гибели некоторой части нашего юношества не надо выискивать лишь в плохом влиянии улицы. Как уже считается, **в большинстве на улицу попадают дети, которых распавшаяся семья подготовила к улице и к дальнейшей преступной карьере.**

В большинстве на улицу попадают дети, которых распавшаяся семья подготовила к улице и к дальнейшей преступной карьере.

Совершенно отдельно надо рассматривать историю беспризорной девочки.

В детских домах теперь почти половину жильцов составляют девочки, тем не менее на улице девочек почти что не видно, редко можно встретить девочку, которая просит милостыню, да и то посылают ее на это дело больше родители или в целом та семья, где она живет. Известные хулиганские ватаги беспризорных почти не имеют в своих рядах девочек.

Причины этого заключаются в том, что сама наша общественность по старому обычаю готова помогать девочке. После смерти родителей скорее девочку возьмут на воспитание, нежели мальчика, потому что с ней спокойнее и легче, она не так склонна к протесту, как мальчик. К тому же девочка благодаря привитому с раннего детства пассивному отношению к жизни не так быстро и не так легко пойдет на улицу, ибо улица ей страшнее, нежели мальчику. Она будет жить в тяжелейших условиях, знать невзгоды и обиды, но на улицу не пойдет. Тут играет роль и инстинктивная боязнь всяких цепляний мужчин, о которых девочка в определенных условиях имеет реальные представления.

Из детского дома девочки почти что никогда не убегают. Надо отметить, что случается это не лишь благодаря пассивности натуры девочек, а благодаря тому, что девочкам легче жить в детском доме, нежели мальчикам: педагоги с ними всегда ладят, потому что девочка сдержаннее, послушнее; одевают их лучше, да это не так трудно и сделать, ибо девочки аккуратнее относятся к своему убранству и сами умеют кое-что пришить или зашить.

Игнорирование, намеренное забвение всей мерзости,

всех несчастий, которые окружали детскую жизнь, – это наилучшая педагогическая позиция.

В детском доме и работа для девочек легче и им по вкусу. Неприятности могут всплыть под конец воспитательного процесса. Но, как они ни тяжелы, девочка не пойдет уже на улицу. Она не станет беспризорной…

Беспризорность девочки очень редко приводит к катастрофе, очень редко девочка заканчивает свое воспитание в добре. А это лишь потому, что девочка почти не бывает на улице. Когда мы теперь наблюдаем многих девочек в наших детских домах, там почти не находим таких, которые имели бы более или менее продолжительный уличный стаж, преимущественно же большинство их на улице совсем не были. Зато и самый маленький уличный стаж для девочки – великое несчастье, и его позабыть не так-то легко…

Остановимся еще на одном моменте, который имеет очень большое значение. Говоря про девочек, мы отмечали, что полезно и даже нужно в некоторый степени игнорировать их прошлое. Опыт подтверждает, что **такое игнорирование, намеренное забвение всей мерзости, всех несчастий, которые окружали детскую жизнь, – это наилучшая педагогическая позиция** и, может быть, наиболее целесообразная, потому что никто не станет обвинять детей за все то, что с ними случилось. То же самое упорно рекомендуется и в отношении мальчиков.

Существует теория о каких-то специфических природных склонностях человека к преступлению или бродяжничеству. Проблема преступности иногда могла быть модной проблемой, и психология преступника становилась привлекательной темой для романов и кинофильмов. Правда, романы и киноповести всегда заканчивались поражением зла и триумфом добра, а интерес к преступнику был лишь интересом для развлечения.

Разговоры о том, что существуют так называемые преступные типы, будто бы с самого рождения предназначенные к уголовной деятельности, мы считаем предрассудками. Настоящие причины преступности заключаются, прежде всего, в неправильной организации общества.

Однако нельзя сказать, что полностью исчезли следы этой теории. На деле мы до сих пор относимся к правонарушителю как к чему-то полностью природному. Речь идет и о мальчике-беспризорнике, в особенности мальчике-правонарушителе. И теперь в детской колонии часто можно услышать удивительные возгласы посетителей: «Да неужели это все давние беспризорники? Не может быть!..» «Даже их узнать нельзя… Даже

лица не такие…»

Вот в этом удивлении и просматривается вера в прирожденную преступность у человека. Удивляются именно потому, что не могут допустить, как этот злодей и бродяга берется на работу и переделывается в честного человека. А на самом деле ничего в этом дивного нет.

Иногда начинают расспрашивать мальчика или девочку о том, что делал он на улице, как добывал себе еду, а именно про это и не надо спрашивать у детей. Случается, что и сами педагоги в погоне за ошибочно научной постановкой дела со всей силой стараются выяснить прошлое ребенка и без конца напоминают ему об этом проклятом прошлом. А бывает и хуже. Иногда даже на торжественных заседаниях к детям обращаются с такими речами: «Вот вы, дети, были на улице, вы крали, дебоширили. Теперь вы не крадете. Как это хорошо! Старайтесь крепче держаться этой дороги!»

Все эти речи обижают детей, во всяком случае, вредят им. Наименее стойкие среди них даже начинают гордиться своим героическим прошлым и сами уже ждут, когда их начнут снова расспрашивать о беспризорных подвигах, и наврут полный мешок, чтобы казаться наиболее интересными.

Во всех этих расспрашиваниях, во всем этом внимании к прошлому ребенка нет ничего, кроме обычной обывательской заинтересованности.

Мы практиковали полное игнорирование этого прошлого, и практиковали полностью, открыто, до конца. Мы не только не расспрашивали мальчика о его прошлом, не только не напоминали об этом прошлом, а не написали даже ни единой «справки», просто не знали, какие правонарушения этот мальчик совершил.

Наши ребята само слово «беспризорность» считали за невежливое и его не выговаривали ни в коем случае.

И вот один раз, когда они в полном составе присутствовали на каком-то мероприятии, кто-то из толпы крикнул: «Да здравствуют беспризорные!» Было больно смотреть, как оживленные лица детей вдруг стали серьезными и суровыми, замкнулись в одиноком чувстве обиды.

Главное орудие борьбы с беспризорностью – это детский дом. Наши детские дома часто не разработаны и не имеют даже полной, уверенной, обязательной формы организации работы. Мы можем найти самые разнообразные виды и типы детских домов, начиная от небольшого дома, где живут 40–50 воспитанников, которые пользуются какой-нибудь соседней школой и ничего общего, кроме общежития, не имеют. И есть большущие и

сравнительно богатые детские городки.

Так же отличаются детские дома и в качестве своей работы. Тут мы наталкиваемся на целую цепь учреждений, начиная от наиболее четких и интересных и кончая «приютами», где полно тех же уличных беспризорных, где настоящий преступно-анархический быт и не менее распущенный персонал.

И чрезвычайно интересно, что качество работы детского дома почти что не зависит от количества денег, которые тратит то или иное учреждение. Довольно часто отмечается, что качество работы детского дома, очень мало обеспеченного, гораздо выше, нежели детдома, устроенного почти что роскошно, где на его содержание тратят огромные суммы. Пожалуй, ни в одной другой области успех работы так не зависит от таланта, энергии и знаний персонала, как в детском доме. Пока что можно просто сказать: лишь тот детский дом хорошо работает, где способный и энергичный персонал.

Мы считаем нужным отметить, что работа в детском доме – работа чрезвычайно деликатная. Небольшая ошибка, недостаточная продуманность того или иного мероприятия или решения, излишняя медлительность или излишняя поспешность, самые мелкие отклонения от нормы могут привести к очень плачевным, иногда даже пагубным последствиям.

Одновременно работа в детском доме требует безусловно героического напряжения. Как бы ни был добрым, старательным и энергичным педагог, но если он работает, жестко придерживаясь времени, если в нужную минуту все же не пожелает отдать свое время детдому, если работники в общем стараются лишь честно исполнять свои обязанности – провал такого детского дома неминуем.

Здесь работать надо неутомимо, целиком отдавая себя детям и их интересам, нужно совсем забыть собственное самолюбие, а иногда и свое здоровье. Обычно не все работники способны на это, и тем паче их трудно найти, потому что за эту работу платят у нас очень мало.

Все сказанное не означает, что в детском доме нет и не может быть охраны труда. Природный закон ограниченности человеческих сил и человеческий закон уважения своих сил тут нужно применять лишь в очень своеобразной форме: чем больше педагог отдает себя детскому дому, чем меньше он обращает внимания на время и свою собственную жизнь, тем легче ему трудиться. Детдом, который организовал настоящий педагог, развивает за короткое время такую массу активных детских сил, такую громадную энергию детского самоуправления и такую мощь детского коллектива, что работа в этом доме становится

наслаждением и почти развлечением, но… до тех пор, пока педагоги не вздумают почивать на лаврах и не забудут про свою героическую бдительность.

Одна из главных погрешностей детского дома – это то, что в нем отдельно собраны лишь только беспризорные дети, т. е. такие, которые благодаря несчастным случаям оторваны от взрослых и от здорового ребенка в семье. Как бы мы ни старались приблизить детский дом к обществу и внушить нашему воспитаннику, что он такой же самый ребенок, как и все дети, – это лишь слова. На деле же он видит, что его жизнь не такая, как у всех детей, он всегда имеет основания завидовать детям, живущим в семье, он всегда вспоминает это проклятое несчастье, которое толкнуло его в социальную яму. Так утверждается своеобразный анархизм детского дома, постоянная наклонность к протесту, что особенно затрудняет воспитательную работу детского дома.

Детский дом, организованный по типу небольшой фабрики, не только разрешит все проблемы подготовки кадров, но и удешевит содержание самого детского дома, может быть даже – до полной его самооплатности (самоокупаемости). Такая организация детского дома, если она будет вовлекать в себя главным образом ребенка из семьи, будет окончательным разрешением и дошкольного вопроса, и беспризорности.

> Мы видим, что беспризорность приходит к нам из семьи, приходит на наши улицы только потому, что семья как первичный воспитательный механизм не способна уберечь ребенка ни от голода, ни от одиночества, ни от плохого влияния.

Мы видим, что беспризорность приходит к нам из семьи, приходит на наши улицы только потому, что семья как первичный воспитательный механизм не способна уберечь ребенка ни от голода, ни от одиночества, ни от плохого влияния. Мы видим, что когда семья все же старается это сделать, то женщина там лишь кухарка, нянька, прачка, «затурканная», дикая и обессиленная домашняя работница. Никогда женщина не будет полностью свободна там, где семья подменяет педагогическое заведение. И никогда ребенок не будет гарантирован от падения на самое дно социальной ямы, когда его воспитание зависит от того педагогического заведения. **Беспризорность – это продукт ужасного кустарничества в деле воспитания, ибо семья зачастую есть кустарная организация воспитательного процесса.**

Ныне воспитание трудных детей в сути не есть воспитание, а

лишь исправление того, что испорчено в семье. Воспитание, правильно налаженное с самого начала, – намного более легкое дело: тогда не нужно будет искать самоотверженных героев на должности педагогов.

Естественно, ребенка нельзя оторвать от матери. Именно в полной гармонии между организационной силой воспитательного детского учреждения и природной родственностью в семье лежит секрет успешного воспитания…

Беспризорность необходимо по возможности уменьшить и обезвредить. Детские дома, которые собирают беспризорных и воспитывают их в тяжелейших условиях, несмотря на все свои недостатки, все же проводят работу, и благодаря этой работе наши беспризорные чаще всего не доходят до социальной гибели. Но этого недостаточно. Нам нужны не только люди, которые не погибли, – нам нужны строители новой жизни, новой семьи, нового человека.

Существуют общественные организации, имеющие целью помочь беспризорному ребенку. Они объединяют многочисленных членов, но многие из них ограничиваются лишь взносом небольшой суммы денег.

Но можно сделать еще больше. В детском доме приезд гостей – всегда праздник, даже когда они и не привозят подарков. Финансовая помощь вовсе необязательна: достаточно, когда вы раз в месяц сядете около мальчика или девочки и просто с ним поговорите о своих и его делах. Этим вы ему докажете, что вы уважаете в нем человека, что вы не приехали лишь похвалиться перед ним своей добродетелью.

Поразговаривайте с ним о его и своей работе. Расскажите, какие у вас дети и какие у вас с ними удачи и неудачи. Расспросите его о том, что он думает делать, когда выйдет из детского дома, посоветуйте ему что-нибудь. Разговаривайте о чем хотите, но только о том, что и вас интересует. И никогда не говорите: «Старайся исправиться. Не надо воровать…» И без вас много найдется охотников такой науки. И этого достаточно.

Если можете, попросите только одного мальчика проведать вас. Можете даже его не угощать, когда он придет к вам, но во всяком случае, не приучайте его к этому. Не можете этого сделать – не делайте, но в таком случае подарите ему иногда какую-нибудь мелочь. Этим вы докажете ребенку ваше уважение. Может, вам посчастливится встретить потом этого мальчика или девочку. Может быть, вы даже поможете ему или ей найти работу.

А когда и не его встретите, то встретите другого бывшего беспризорного. Вы даже представить себе не можете, какую большую пользу ему этим даете, почти что без всяких условий.

Уже само то, что вы, успешный человек, разговариваете с ним, – это превозносит его в собственных глазах. А если вы поможете ему и указанием, то это еще лучше. Имейте в виду, ни в коем случае не надо быть «сладким» к мальчику. Будьте самим собою: когда вы строги – будьте и с ним строги, когда вы веселы – то и с ним обращайтесь весело и не вдавайтесь во что-нибудь поучительное, потому что для такого мальчика нет ничего лучшего, достойного и поучительного, как хорошо знакомый мастер.

Женщины особенно очень много могут дать пользы девочкам, которые только что вышли из детского дома. Каждая женщина найдет, чем помочь, нужно лишь делать это просто и естественно. А это самое и нужно, чтобы расположить девочку к себе.

Но, понятно, главной помощи надо требовать от всего общества вообще и от конкретной семьи в частности, делать все, чтобы избежать беспризорности. Может быть, ваш коллега уже выращивает в своей семье будущего беспризорника. Может быть, вашего соседа постигло горе. И вот именно в этот момент наименьшая помощь может определить все будущее ребенка. Может, нужен лишь выходной день, чтобы отвести мальчика к психологу. И этого достаточно. Предотвращая беспризорность, нужно использовать все формы помощи, потому что и небольшое усилие человека тут станет большой пользой.

Иногда действие отдельного человека может быть и ошибочным. Так вот – дать милостыню беспризорному кажется добрым делом. Напротив, эта милостыня задерживает мальчика на улице, приучая его попрошайничать, портит его психику. Ваша милостыня – горький подарок.

А когда вы в вагоне дачного поезда чувствительно слушаете пение «пацана» и вместе с жалостливыми торговками даете ему мелочь, вы совершаете настоящее преступление, потому что ничего более сквернейшего, чем эти вагонные гастроли, в воспитательном отношении нельзя себе представить: все такие певцы – почти готовые мошенники и лодыри, с ними воспитательная работа – наитяжелейшая работа на свете.

Эта самая жалость иногда на улице подбивает человека вмешаться в поступки стража порядка, задерживающего беспризорного. Нет ничего более дешевого, чем эта жалость. Страж порядка исполняет часть большой работы, а жалость случайного прохожего требует, чтобы эта беспризорность развивалась свободно, как бурьян на поле у плохого хозяина.

Важность гибкого подхода в общении с трудным ребенком. Детское пьянство и курение

Не нужно говорить об идеалах, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке, мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к простой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки. Я думаю, что не может быть идеальнее совершенства в вопросах этики. Я переживал очень много сложных коллизий в своей педагогической работе как раз в работе совершенства. Возьмем такой простой вопрос: пить водку можно или нельзя? Добродетельное большинство, придерживаясь норм морали, скажет: нельзя. Полное воздержание, водка – зло, не пей. И вот этот максимум при всей прочей, он кажется даже близкостоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же всепрощение, полная нетребовательность к человеку.

Ко мне приходили ребята. Редко, когда они приходили без бутылки водки в кармане. Эта беспризорная шпана больше пила, чем ела. Как это он придет и не похвастается, что он пьет водку. И были такие люди среди них, которые приходили ко мне в 16–17 лет, и они уже привыкли пьянствовать. Что с ними делать?

Вот в нашей современной школе есть подобный вопрос – курение. Курят ученики 5-х, 7-х, 10-х классов. Что мы – педагоги – делаем? Мы говорим с добродетельным выражением на лице «нельзя курить», а они курят. Что мы дальше должны делать? Выгонять из школы? Нет. Наша мораль не позволит выгнать из школы за курение, одна и та же мораль запрещает курить и не может выгнать за курение. И естественный результат – курят, только не открыто при вас, а в уборной, в отхожем месте, т. е. в самых вредных условиях. Что делать? Как бороться? Надо же решить, а мы его решить не можем и делаем вид, что все у нас благополучно. Мы запрещаем курить. Ребята курят, получают полное удовольствие, а мы не видим, мы ничего не знаем.

Но это еще курение. Ну, а водка? У меня были ребята, которые привыкли пить водку и которые иногда из отпуска приходили пьяные и потом сидели у меня в кабинете и плакали на моем плече. Что, мне легче от того, что он будет каждый выходной день плакать? Выгонять тоже нельзя. Выгонять? Куда его выгонять? У меня последняя стадия его, и я знаю, что если я буду придерживаться общепринятых моральных норм позиции, то

он будет у меня жить пять лет, пять лет будет пить и будет пьяницей.

И мы все знаем, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьет после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить. Потому что главной моей задачей, повторюсь, было не образование, а воспитание.

Что я делал. Я пришел к выводу, что я должен был научить их пить водку. Я их приглашал к себе домой, завхоз покупал водку, я ставил на стол закуску, приборы, клал салфетки, ножи, вилки, все очень культурно, я собирал восемь-десять человек «отъявленных пьяниц» в 11 часов вечера, когда уже все легли спать, и говорил им: «Строгий секрет, никто не должен знать о нашем пире. Никто». – «Будьте покойны». Они уже перепуганы этой обстановкой. А я говорю: «Буду учит вас пить водку и дам вам следующий совет. Вот три правила: на голодный желудок не пей; второе правило – закусывай. Повторите. И третье правило – знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не потерять лицо человека». Это, говорят, хорошие правила. «Ну, давай проделаем первое упражнение».

Налили по рюмке. Выпили, закусили. Есть такие, спрашиваю, которые считают, что нужно остановиться на первой? Нет, говорят, таких нет. Выпили по второй, по третьей. Я говорю: «Проверьте себя, вы себя знаете». И вот кое-кто говорит: «Нужно остановиться». Но были такие храбрецы, которые на десятой остановились. «Ну, теперь идите спать!» И все трезвые. Они уважали меня и понимали, что я делаю дело.

А вот наше российское дело: где-нибудь в переулке перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца.

Через неделю, через месяц спрашиваю: «Будете помнить мои правила?» – «Спасибо, сердечное вам спасибо, – говорят. – Будем всегда ваши правила помнить. В голову нам не приходило, что и в этом деле нужна культура и можно чему-нибудь научиться. Когда пойдешь в город и купишь бутылку, нужно ведь ее всю выпить, куда же девать остаток. Закусывать? Где будешь закусывать? И поэтому все так и делается неправильно. Пьешь – и все». И человек пятьдесят за свою жизнь я вот так научил пить водку. У меня не было другого выхода. Я только в этом году стал рассказывать об этом, а то делал это в секрете.

Когда, например, в гости приезжает какой-нибудь бывший воспитанник, ныне капитан, ну, поставишь графинчик, закуску. И он говорит: «Всегда на шестой останавливаюсь. Всю жизнь буду помнить».

К чему я это пишу? Если бы я руководствовался привычными нормами морали, они бы у меня вышли пьяницами и теперь они были бы несчастные люди.

В моем учреждении, когда я еще не научился сам, как их исправлять, был у нас Лапоть, замечательная личность, блестящий характер, блестящая натура, а спился. Не научил я его пить. Из-за пустяка спился. Влюбился в красивую девушку, женился, а он сам некрасивый. Какая же гарантия, что такая женщина не будет тебе изменять? А он нарвался на легкомысленную особу. Он человек больших чувств – и запил. И теперь пьет. Я уже его взял в руки.

И некоторые другие мои воспитанники, по сути, хорошие ребята пьют только потому, что я не справился с этим проклятым грехом, не научил, как его привести в культурный вид. Мы все кричали: не пей, не пей, будь как голубь.

Точно так же и с курением. Я не пошел на путь максимума, я покупал сигареты, и они курили в моем присутствии, у меня прикуривали. И именно это позволило мне вести борьбу с курением другими средствами, средствами убеждения, врачебным вмешательством, и наконец, старшие курят на договоре: вы курите, а младшим курить не даете. И уж при этом условии младшим не покурить. Конечно, я мог вызвать врача, своего воспитанника и сказать себе: вызови к себе, посмотри и попугай. И тогда врач вызывал мальчика и говорил: «Что у тебя с легкими делается, ты год проживешь». – «А что такое?» – «Да там один никотин». Я ему не запрещал курить, а доктор его пугал. И процент курящих у меня был невелик, он не превышал 15–20. И очень многие взрослые мальчики бросали курить именно потому, что я не делал максималистской проблемы.

Что все это доказывает? Прозаичность нашего этического подхода, близость к жизни, то, что по нашим силам, то и есть наша этика, что вы способны сделать. Мы требовать должны, но исключительно посильное требование. Я в особенности считаю, что в этике взаимоотношений с детьми всякое превышение может только калечить. От всей этики ничего не останется, если говорить высокими выражениями о добре, истине и т. д. В общении с детьми этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшней, завтрашней.

Коллектив как главная форма воспитательной работы с трудными детьми

Перейдем к изложению тех практических форм, которые в моем опыте и в опыте других моих коллег, я считаю, наиболее удачно воплощались в воспитательной работе. **Главнейшей формой воспитательной работы я считаю коллектив.**

Что такое коллектив и где границы нашего вмешательства в коллектив? Я сейчас наблюдаю очень много школ – и здесь в Москве, и в Киеве приходится бывать и бывал, – и я не всегда вижу коллектив учеников. Иногда удается видеть коллектив классный, но мне почти никогда не приходилось видеть коллектив школы.

> Главнейшей формой воспитательной работы я считаю коллектив.

Я вам расскажу сейчас простыми словами о моем коллективе, воспитанном мною и моими товарищами. Имейте в виду, что я был в иных условиях, чем школа, потому что у меня ребята жили в общежитии, работали на производстве, в подавляющем большинстве не имели семьи, то есть не имели другого коллектива. И естественно, в моем распоряжении были большие средства воспитания, чем в школе. Но я не склонен к уступкам только на том основании, что были лучшие условия. В свое время у меня была школа, школа заводская – вагонного завода, и я все-таки там имел коллектив школьников.

В школьной практике я вижу очень странные явления, для моей педагогической души совершенно непонятные.

Я был в нескольких лагерях под Москвой. Это хорошие лагеря, в них приятно побывать, и, конечно, это прекрасные оздоровительные учреждения. Но я удивился, что в этих лагерях собираются дети разных школ, а я этого не понимаю. Я считаю, что тут нарушена какая-то гармония воспитания. Мальчик состоит в определенном школьном коллективе, а лето он проводит в сборном коллективе. Значит, его школьный коллектив никакого участия в организации его летнего отдыха не принимает. И чувствуются трения, скрип. Я понимаю, отчего этот скрип происходит.

Правильное воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и отдельный член этого коллектива

должен чувствовать свою зависимость от него – от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать эти интересы и в первую очередь дорожить этими интересами. Такое же положение, когда каждому отдельному члену предоставляется выбор искать себе более удобных и более полезных людей, не пользуясь для этого силами и средствами своего коллектива, – такое положение я считаю неправильным. Я являюсь сторонником такого коллектива, в котором весь воспитательный процесс должен быть организованным.

Я лично представляю себе систему таких мощных, сильных, оборудованных, прекрасно вооруженных школьных коллективов. Но это только внешние рамки организации коллектива…

Этот детский клуб, так сказать, может работать наряду со школой, но организация работы в нем должна принадлежать все-таки школе. Школы должны отвечать за эту работу, они там должны объединяться в работе. Разбивание воспитательного процесса между различными учреждениями и лицами, не связанными взаимной ответственностью и единоначалием, не может принести пользы.

Я понимаю, что единый детский коллектив, прекрасно оборудованный и вооруженный, конечно, будет стоить дороже, но очень возможно, что более стройная организация детских коллективов тоже приведет к некоторой экономии средств.

Это все касается самой сетки коллективов. Я, одним словом, склонен настаивать, что единым детским коллективом, руководящим воспитанием детей должна быть школа. И все остальные учреждения должны быть подчинены школе.

Я убежден, что если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая коллективная цель – не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой.

Мой коллектив был пятьсот человек. Там были трудные дети от 8 до 18 лет, значит, ученики первых и десятых классов. Они, конечно, отличались друг от друга очень многими особенностями. Во-первых, старшие были более образованны, более производственно квалифицированны и более культурны. Младшие были ближе к беспризорности, неграмотны, конечно. И наконец, они были просто дети. Тем не менее все эти пятьсот человек в последние годы моей работы составляли действительно единый организм. Я ни разу не позволил себе лишить права члена коллектива и голоса ни одного из них, вне зависимости от его возраста или развития. Общее собрание было действительно реальным, правящим органом.

Вот это общее собрание как правящий орган коллектива

вызвало со стороны моих критиков и начальников протесты, сомнения. Говорили: нельзя позволять такому большому собранию решать вопросы, нельзя доверять толпе детей руководство. Это, конечно, правильно. Но в этом-то и дело – надо добиться такого положения, когда это была бы не толпа детей, а общее собрание членов коллектива.

Чрезвычайно много путей и средств для того, чтобы толпу обратить в общее собрание. Это нельзя делать как-нибудь искусственно, и это нельзя сделать в один месяц. Вообще погоня за скороспелыми результатами в этом случае всегда будет печальна. Если мы возьмем школу, где нет никакого коллектива, где все разрозненно, где в лучшем случае каждый класс живет обособленной жизнью и встречается с другими классами, как мы на улице встречаемся с обычной публикой, то, чтобы из такого аморфного собрания детей сделать команду, конечно, нужна длительная (не год и не два), настойчивая и терпеливая работа. Но зато команду один раз создали, и если ее беречь, если за ней, за ее движением внимательно следить, то ее может сохранять века. Такой коллектив, особенно в школе, где ребенок находится восемь-десять лет, должен быть драгоценным, богатейшим инструментом воспитания…

Могучая сила детского коллектива, могущества почти непревзойденного, но такой коллектив легко, конечно, развалить. Ряд ошибок, ряд смен руководства могут коллектив обратить в толпу. Но чем больше коллектив живет, чем крепче он становится, тем более он склонен продолжать свою жизнь.

Сила традиции

Здесь мы подходим к одной важной детали, на которой я хотел бы особенно настаивать. Это – традиция. Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция. **Воспитать традиции, сохранить их – чрезвычайно важная задача воспитательной работы.** Школа, в которой нет традиции конечно, не может быть хорошей школой, и лучшие школы, которые я наблюдал, кстати, и в Москве, – это школы, которые накопили традиции. Что такое традиция? Я возражения встречал и против традиций. Старые наши педагогические деятели говорили: всякий закон, всякое правило должно быть разумно, логически понятно. А вы допускаете традицию, разум и логика которой уже исчезли. Совершенно верно, я допускал традицию.

Пример. Когда я был моложе и у меня было меньше работы, я каждый день вставал в своем учреждении в 6 часов утра и каждый день совершал поверку. Я совершал поверку состава и состояния отряда на начало дня. В это время меня принимали как начальника, и как начальник я в таких случаях мог производить всякие разборы и налагать взыскания. Кроме меня, никто правом наложения взысканий не пользовался, конечно, кроме общих собраний. Но вот я потерял возможность бывать каждый день на поверке. Первый раз я уведомил, что я завтра быть не могу и поверку примет дежурный командир.

> Воспитать традиции, сохранить их – чрезвычайно важная задача воспитательной работы.

Постепенно эта форма стала обыкновенной. И вот установилась традиция: дежурный командир в момент поверки встречался как начальник. В первое время это было понятно, а потом это утерялось. Новенькие знали, что командир имеет право налагать взыскания, а почему – не понимали. Старые-то это помнили. Командир говорил: «Получи два наряда!» И ему отвечали: «Есть, два наряда». А если бы в другое время дня или ночи этот командир предъявил такие права, ему бы сказали: «Ты кто такой?» А эта традиция сохранилась и очень крепила коллектив.

Другая традиция, тоже потерявшая свою логику. Когда-то давно был конфликт. Дежурный командир вечером, отдавая рапорт, заявил: «А Иванов нарушил дисциплину за обедом». А Иванов сказал: «Ничего подобного, я не нарушал». Я, проверив дело, сказал, что, по моему мнению, он не нарушал. И другие

были за это. А дежурный командир настаивал на своем. Я оставил дело без последствий. Дежурный командир обжаловал мое решение в общем собрании. Он заявил: «Антон Семенович не имел права проверять мои слова: я не просто сказал ему на ушко, я ему отдавал рапорт, стоял „смирно“, с салютом, в присутствии всех других командиров. В таком случае, раз он не доверяет моему рапорту, он не должен доверять и дежурство. Если он каждый мой рапорт будет проверять следственными показаниями, тогда к чему дежурить?»

Общее собрание постановило: Антон Семенович не прав, рапорт дежурного командира не проверяется. Вот если шепчут на ухо, тогда, пожалуйста, можно проверить. И в течение десяти лет это было законом. Что угодно можно было говорить в течение дня, а когда отдается рапорт, то это уже действительно верно: он же, салютуя, поднял руку, значит, это верно, это правда, а если ты в самом деле ни в чем не был виноват, то считай про себя, что командир ошибся.

И эта прекрасная традиция так въелась, что стало легко работать. Во-первых, ни один дежурный командир не позволяет себе соврать, потому что он знает, что ему должны верить, а во-вторых, не надо тратить время и энергию на проверку. Может быть, дежурный командир действительно ошибся, но несчастный потерпевший должен подчиниться. И когда один комсомолец поднял разговор – что это за правило такое, надо его отменить, потому что я действительно на работу не опаздывал, а дежурный в рапорте заявил, что я опоздал на 10 минут, и мне сказал, что проверки не может быть, ему объяснили, что, может быть, ты и прав, ты действительно ходил за резцами, но для нас и для тебя дороже твоей правоты дисциплина и доверие к дежурному командиру, так что ты своей правотой пожертвуй; если мы будем каждого дежурного проверять, что он говорит, так это будет не дежурный, а холуй, а нам нужен дежурный командир.

Таких традиций в моем коллективе было очень много, просто сотни. И я их не знал всех, но ребята их знали. И ребята знали их незаписанными, узнавали какими-то щупальцами, усиками. Так надо делать. Почему так? Так старшие делают. Этот опыт старших, уважение к логике старших, уважение к их труду и, самое главное, уважение к правам коллектива и его уполномоченных – это чрезвычайно важные достоинства коллектива, и, конечно, они поддерживаются традициями.

Такие традиции украшают жизнь «трудных» ребят. Живя в такой сетке традиций, ребята чувствуют себя в обстановке своего особенного коллективного закона, гордятся им и стараются его улучшать. Без таких традиций я считаю невозможным правильное

воспитание. Почему? Потому что невозможно правильное воспитание без могучего коллектива, уважающего свое достоинство и чувствующего свое коллективное лицо.

Дети – удивительные мастера создавать традиции.

Надо признать, что в создании традиций нужно использовать какой-то маленький инстинктивный консерватизм, но консерватизм хорошего типа, то есть доверие к вчерашнему дню, к нашим товарищам, создавшим какую-то ценность и не желающим эту ценность разрушать сегодняшним моим капризом.

Среди таких традиций особенно я ценю традицию военизации – игры… Это не должно быть повторением закона военной части. Ни в коем случае не должно быть подражания, копировки. Ребята умеют украсить эту «военизацию», сделать ее более детской и более приятной.

Мой коллектив был военизирован до некоторой степени. Во-первых, терминология несколько военная, например «командир отряда». Терминология имеет важное значение. Я обращал внимание на эту терминологию. И когда я предлагал назвать – бригадир бригады, то ребята говорили, что это не то. Что такое бригадир бригады – у нас в отряде должен быть командир. Но ведь ты то же самое будешь делать. Нет, как сказать, я могу и приказать, а бригадир прикажет, ему скажут: ты не командир, а бригадир**. В детском коллективе чрезвычайно красиво организуется единоначалие.**

Такой термин, как рапортовать. Конечно, можно было бы и просто получить отчет мальчика, но я считаю, что их очень увлекает некоторая законность этого отчета. Законность такая: командир на отчет должен прийти в форме, не в спецовке, не в том платье, в котором он может пробегать целый день. На отчете, когда один командир отдает рапорт, он должен салютовать, и я не имею права принимать паспорт сидя, и все присутствующие должны салютовать. И все прекрасно знают, что, поднимая руку, все отдают привет работе отряда, всего коллектива.

При входе всегда стоял часовой с исправной винтовкой. Я даже боюсь об этом говорить. Патронов у него, конечно, не было, но он имел большую власть. Часто стоял тринадцати-четырнадцатилетний мальчик. Стояли по очереди. Он каждого постороннего проверял при входе – кто он такой, что ему нужно, зачем он идет, и имел право преградить ему путь винтовкой. Ночью двери не запирались, он стоял тоже на часах, иногда трусил и боялся, но все равно стоял свои два часа.

Было правило, тоже традиция: нельзя сходить по лестнице, держась за перила. Я знаю, откуда это пошло. Лестница хорошего дома, лестницу начали вытаптывать там, где перила, – там и

вытаптывают, и постановили ребята: чтобы сберечь лестницу, не нужно ходить возле перил. Но забыли об этом. Пришли новенькие. «Почему нельзя держаться?» Им говорят: «Ты должен надеяться на свой позвоночный столб, а не на перила». А вначале имели в виду не укрепление позвоночного столба, а сбережение лестницы.

Должна быть эстетика военного быта, подтянутость, четкость, но ни в коем случае не просто шагистика.

Что касается военной подготовки, то она идет, не вполне совпадая с этой эстетикой. Это стрелковый спорт, кавалерийский спорт и военное дело. **А это – четкость, эстетика, и в детском обществе она совершенно необходима.** В особенности она хороша потому, что сохраняет силы детей, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разболтанности движений, от разбросанности их. В этом смысле чрезвычайно важное значение имеет форма. Но форма хороша только тогда, когда она красива, когда она удобна. Мне пришлось в связи с формой очень много пережить разных неприятностей и неудач, пока я пришел к более или менее удобной и красивой форме.

Но что касается формы – я готов идти дальше. Я считаю, что дети должны быть так красиво, так красочно одеты, чтобы они вызывали удивление. В старые века красиво одевались войска. Это было пышностью привилегированных классов. У нас таким привилегированным слоем общества, который имеет право красиво одеваться, должны быть дети. Я не остановился бы ни перед чем, я бы дал каждой школе очень красивую форму. Это очень хороший клей для коллектива. В известной мере я шел по этому направлению, но меня подстригали. У меня были вензеля золотые и серебряные, расшитые тюбетейки, отглаженные белые пикейные воротники и т. д. Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50 % у вас в руках.

Трудовая дисциплина как средство перевоспитания

Иногда под дисциплиной понимают только внешний порядок или внешние меры. Это самая гибельная ошибка, которая только может быть в воспитательном учреждении.

При таком взгляде на дисциплину она всегда будет только формой давления, всегда будет вызывать сопротивление детей, кроме протеста и желания скорее выйти из сферы дисциплины.

Как уже было сказано, дисциплину не нужно рассматривать только как средство воспитания. Дисциплина есть результат воспитательного процесса, результат прежде всего усилий самих воспитанников, проявленный во всех областях жизни: бытовой, школьной, культурной.

Дисциплина в отличие должна сопровождаться сознанием, то есть полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна. Каким способом можно достигнуть этой сознательной дисциплины?

Прежде всего, дисциплина должна требоваться как форма политического и нравственного благополучия. Такой взгляд на дисциплину необходимо на каждом шагу воспитывать у детей, необходимо, чтобы воспитанники гордились своей дисциплиной.

О дисциплине нужно часто говорить с воспитанниками, при этом, не приводя беседы к какому бы то ни было морализированию, всегда нужно в то же время сообщать ребятам не только дисциплинарные навыки, но обязательно и элементы логики-дисциплины, а именно:

а) дисциплина необходима трудным детям для того, чтобы они лучше и быстрее достигали своих целей;

б) дисциплина нужна, чтобы каждый отдельный человек развивался, чтобы воспитывал в себе умение преодолевать препятствия и совершать трудные работы и подвиги, если к подвигам призовет жизнь;

в) в каждой группе дисциплина должна быть поставлена выше интересов отдельных членов группы;

г) дисциплина украшает организацию;

д) дисциплина есть свобода, она ставит личность в более защищенное, свободное положение и создает полную уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности;

е) дисциплина проявляется не тогда, когда человек делает что-либо для себя приятное, а тогда, когда человек делает что-

нибудь более тяжелое, неожиданное, требующее значительных напряжений.

Эти простые положения, должны быть известны всем воспитанникам – детям и юношам – как положения, совершенно не подлежащие сомнению. К их категорическому выражению нужно всегда возвращаться, как только в группе возникают тенденции, им противоположные.

Эти положения будут бесполезными, если они не сопровождаются постоянным указанием на примеры дисциплины в нашем обществе и если они не сопровождаются опытом самого коллектива и постоянным упражнением.

Организация такого опыта должна выражаться в специальных формах, выходящих за пределы обычной повседневной практики:

а) поручение отдельным группам ребят неожиданных дополнительных работ в порядке устного приказа или письменного, объявленного по коллективу, с указанием срока и нормы выполнения, с нарочитым нарушением каких бы то ни было очередей. Такие работы должны заканчиваться рапортом группы;

б) институт особого полномочия, представленного, например, дежурному по учреждению командиру; он имеет право на ходу отдать любое приказание воспитаннику, и такое приказание должно быть выполнено при всяких условиях и без единого слова возражения;

в) поверочный общий сбор по сигналу со специальной целью проверить быстроту явки всего коллектива, отдельных членов и выяснить при этом высоту первичных коллективов – в области дисциплины;

г) такой же поверочный сбор в момент какого-нибудь развлечения или обеда;

д) пожарная тревога;

е) ежедневная зарядка, несмотря ни на какую погоду, с самым быстрым сбором всех участвующих;

ж) особое дисциплинарное доверие лучшим группам, что этому коллективу при случае поручается выполнение более или менее неприятной вещи. Например, если нужно освободить спальню для других, приказ об этом дается как раз самой лучшей группе.

Руководство детского учреждения всегда найдет случай испытать дисциплинарную крепость отдельной группы или отдельного воспитанника. Такого рода дисциплинарные проверки и испытания не должны быть особенно частыми, чтобы не утомлять коллектив и не обращать дисциплинарный долг в простую игру.

Само собой разумеется, что такие поручения и испытания не должны быть голыми упражнениями, а должны оправдываться в глазах всех определенной пользой для всего коллектива. Начинать процесс такого дисциплинирования нужно не сразу, а с самых незначительных и не требующих особых усилий поручений.

Воспитание указанного дисциплинарного тона только тогда будет успешным, если само руководство подает пример в этом же направлении. Если, например, дети отправляются куда-нибудь пешком, а начальник учреждения или педагоги пользуются экипажем или машиной, то можно заранее сказать, что никакой особенный дисциплинарный тон воспитан не будет. Если воспитанники в холодный день идут куда-нибудь без пальто, то и руководство не должно надевать пальто. На все собрания и сборы по сигналу или по тревоге руководство, педагоги и воспитатели должны приходить не после всех, а раньше всех. В неожиданных авральных работах педагогический коллектив должен принимать обязательное участие.

Чрезвычайно важным обстоятельством является самый тон, в каком руководство организует свои дисциплинарные соприкосновения с коллективом. Это должен быть **тон серьезный, простой, точный, решительный, но в то же время доверчивый, расположенный к воспитаннику, иногда украшенный улыбкой и шуткой и всегда сопровождаемый особенным вниманием к каждому человеку.** Все вышесказанное относится к высшим формам дисциплины, которые являются показателями уже определенного воспитательного процесса. Самый процесс дисциплинирования должен протекать не столько в области дисциплины, сколько во всех остальных областях жизни и работы детского воспитательного учреждения.

В отличие от дисциплины, которая всегда является результатом всего воспитательного процесса, режим представляет собой прежде всего средство, при помощи которого коллектив организует внешние рамки поведения, предоставляя каждому воспитаннику наполнить эти рамки внутренним содержанием.

Признаки правильного режима следующие:

а) Целесообразность. Все формы режима должны иметь определенный смысл и в глазах коллектива определенную логику. Если требуется, чтобы все вставали одновременно, то всем должно быть понятно, для чего именно это требуется. Если от всех требуется чистота, то все должны понимать необходимость этой чистоты. Если же руководство вводит, например, ежедневный марш в столовую в парах или в рядах и

никому не понятно, для чего именно это нужно, – такая форма режима является просто вредной. Логика режима должна проверяться, однако не в момент выполнения, а в момент постановления. Поэтому все формы режима должны быть обсуждены на общем собрании, но после их принятия никакие обсуждения и возражения, иначе как в порядке пересмотра на том же общем собрании, не должны быть допускаемы.

б) Точность. Все правила жизни и порядок дня не должны допускать никаких исключений и послаблений в смысле времени и места. Если постановлено, что завтрак должен выдаваться в 7 часов 10 минут, то каждое опоздание завтрака должно рассматриваться как нарушение порядка, и виновные в таком опоздании обязательно привлекаются к ответственности. Если постановлено, что библиотека должна быть открыта от 17.00 до 19.00, то этот срок должен обязательно соблюдаться, несмотря ни на какие уважительные причины. Для того чтобы такой порядок пользовался всеобщим уважением, необходимо, чтобы малейшее нарушение режима могло иметь место только с письменного каждый раз разрешения руководства.

в) Общность. Режим должен быть обязательным для всех. Какие бы то ни было исключения должны прежде всего удовлетворять принципу целесообразности и утверждаться определенными постановлениями. Против этого правила грешат очень многие детские учреждения: кто-то почему-то встает позже других, завтракает не вместе со всеми, а после всех и почему-то не в столовой, а в кухне. Кто-то опаздывает на уроки и объясняет свое опоздание тем, что имел специальные задания. Нарушение правила общности всегда приводит к созданию в учреждениях особых групп, для которых режим вообще не обязателен.

г) Определенность. Режим не может сохраняться, если он не обоснован, не регламентирован точными правилами и распределением ответственности. При этом не следует такую определенность вносить при помощи составления больших инструкций и положений, составленных за письменным столом. Режим должен быть результатом опыта всего коллектива, и его отдельные детали вырабатываются в органах самоуправления в моменты назревшей нужды, определившихся неудобств, неопределенностей и неясностей.

Только таким способом нужно довести до последней определенности многие мелочи режима: кто должен вставать раньше всех, кто должен производить уборку, куда девать ведро после уборки, кто получает и раздает воспитанникам необходимые вещи, предметы обихода и в какие сроки, кто следит за культурным внешним видом и гигиеническим

состоянием воспитанников, кто имеет право вызывать воспитанника из класса или цеха, кто имеет право разрешить сверхурочную работу, кто отвечает за порядок в клубе, кто имеет право распоряжаться сигналами и звонками, на сколько минут можно опоздать в столовую, кто должен сообщить и кому о плохом поведении, самовольном уходе, побеге воспитанника.

В методике режима во многих учреждениях боятся быть последовательными сами руководители. Эта последовательность должна быть доведена до конца. В особенности в детских домах и лагерях не умеют сделать режим крепко поставленной нормой. Поэтому в области режима допускают существование противоречий, которые разрешаются в каждом отдельном случае по усмотрению. Если, например, завтрак опоздал, задерживается сигнал на работу, то возникает проблема: как поступить? И обычно поступают так: дают сигнал на работу, но опоздавшим на завтрак разрешают опоздать и на работу. Такой выход из положения неправилен, ибо он утверждает наметившийся в одном месте (на кухне) беспорядок и для другого места – для производства. А в этом случае необходимо либо задержать сигнал на работу, либо, еще лучше, прекратить завтрак. Последнее, конечно, возможно только тогда, если воспитан описанный выше дисциплинарный тон.

Применение наказания

Наша методика воспитания должна основываться на общей организованности жизни, на повышении культурного уровня, на организации тона и стиля всей работы, на организации здоровой перспективы, ясности, особенно же на внимании к отдельному человеку, к его удачам и неудачам, к его затруднениям, особенностям, стремлениям.

В этом смысле правильное и целесообразное применение наказания является очень важным. Хороший воспитатель при помощи системы наказаний может много сделать, но неумелое, бестолковое, механическое применение наказаний приносит вред всей нашей работе.

Нельзя дать общих рецептов в вопросе о наказании. Каждый поступок является всегда индивидуальным. В некоторых случаях наиболее правильным является устное замечание даже за очень серьезный проступок, в других случаях – за незначительный проступок нужно наложить строгое наказание.

Для того чтобы воспитатель правильно применял наказание и другие меры воздействия, необходимо, чтобы он усвоил некоторые важные принципы:

а) оно не должно иметь целью и не должно фактически причинять простое физическое страдание;

б) оно имеет смысл только в том случае, если наказанный понимает, в чем его вина;

в) наказание должно назначаться только в том случае, если действительно нарушаются интересы других людей и если нарушитель открыто и сознательно идет на это нарушение;

г) наказание должно в некоторых случаях отменяться, если нарушитель заявляет, что он готов в будущем не повторять своих ошибок (конечно, если это заявление не является прямым обманом);

д) в наказании является важным не столько самое содержание наложенных процедур, сколько самый факт его наложения;

> Каждое наказание нужно строго индивидуализировать применительно к случаю и к данному воспитаннику.

е) наказание должно воспитывать. Наказанный должен точно знать, за что он наказывается, и понимать смысл наказания.

При нашем понимании наказания весьма важное значение

приобретает его техника. Каждое наказание нужно строго индивидуализировать применительно к случаю и к данному воспитаннику.

Необходимо, чтобы право налагать наказания принадлежало в воспитательных учреждениях только помощнику по педагогической части или руководителю учреждения. Никто другой не имеет права накладывать наказания. Ни одно наказание не должно быть наложено без его ведома и совета, и никто не должен приступать к наложению наказания, если заведующий педагогической частью к наказанию не представляет.

Раньше чем наложить взыскание, необходимо с воспитанником поговорить. Все эти разговоры и беседы могут и должны совершаться по поводу поведения воспитанника, но не сразу принимать форму внешнего взыскания. Беседы эти могут иметь такие формы:

а) беседа немедленно после проступка в присутствии старших, очень короткая, серьезная и официальная, заключающаяся в требовании объяснений. Если эти объяснения неудовлетворительны, следует просто указать воспитаннику, как нужно поступать. В такой беседе нужно без особенных доказательств объяснить неправоту воспитанника. Доказательства в этом случае не нужно применять потому, что присутствующие воспитанники сами постараются все доказать;

б) беседа наедине, тоже немедленно после проступка. Она должна проводиться в более строгом тоне, сопровождаться большим анализом. Она должна сопровождаться указанием на вред, принесенный нарушением;

в) отсроченная беседа. Она должна производиться тоже наедине в присутствии небольшого числа лиц, вечером в тот же день или на другой день после нарушения. Нарушителю должно быть известно заранее, что он приглашается на беседу в определенный час. Иногда такое приглашение нужно послать ему запиской, чтобы о беседе знал только нарушитель. Такая форма позволяет нарушителю, ожидая беседы и, естественно, волнуясь, передумать много о своем поведении. Беседу нужно проводить попозже вечером, когда она не может быть прервана. Беседу нужно вести в приветливом тоне, подробно, внимательно слушать, но никогда в этом случае не нужно ни улыбаться, ни иронизировать, ни шутить. В этой беседе нужно хорошо растолковать воспитаннику вред его поведения и для него и для группы, привести ему примеры.

По отношению к некоторым случаям, наоборот, никаких бесед проводить не нужно, а сразу наложить взыскание, объявив его приказом.

Вообще всегда нужно стараться наказывать как можно реже, только в том случае, когда без наказания нельзя обойтись, когда оно явно целесообразно и когда оно поддерживается общественным мнением.

Весьма важно еще одно обстоятельство: как бы ни строго был наказан воспитанник, никогда не нужно выходить в этой строгости за пределы наложенного. Если наказание уже наложено, не следует вторично о нем вспоминать. Наложенное наказание должно всегда разрешать конфликт до конца, без всяких остатков. Уже через час после наложения взыскания нужно быть с воспитанником в нормальных отношениях. Тем более нельзя позволять в момент выполнения наказания кому-либо смеяться над воспитанником, вспоминать его вину и т. п. Вообще в области наказания, как и в других областях жизни детского учреждения, нужно всегда помнить правило: как можно больше требований к воспитаннику, как можно больше уважения к нему.

Перспектива. Важность обозначения перспективы в работе с трудным ребенком

Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от простейшего примитивного удовлетворения до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, – это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый.

Воспитать человека – значит воспитать у него перспективные пути.

Методика этой работы заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных.

> Воспитать человека – значит воспитать у него перспективные пути.

Начинать можно и с хорошего обеда и с похода в цирк, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять.

Неудачи многих детских учреждений и детских домов зависят от слабости и неясности перспективы. Даже хорошо оборудованные детские учреждения, если они этого не организуют, не добьются хорошей работы и дисциплины.

Близкая перспектива **.** Завтрашний день должен казаться обязательно лучше сегодняшнего в детской группе, состоящей из людей, еще не способных надолго вперед располагать свои стремления и интересы. Чем старше возраст, тем дальше отодвигается обязательная грань ближайшей оптимистической перспективы. У юноши 15–16 лет близкая перспектива уже не имеет такого большого значения, как у подростка в 12–13 лет. У взрослого человека вполне достаточным бывает наличие только далекой перспективы, в зависимости от сознания и развития данной личности.

В развитии нашего воспитательного процесса одной из самых

существенных задач является переход от более близких к более далеким удовлетворениям. Наша задача – в гармонировании личных и общественных перспективных линий с таким расчетом, чтобы у нашего воспитанника не было никакого ощущения противоречия между ними.

Организация близкой перспективы должна, конечно, начинаться с личных линий. Первая стадия этой работы является необходимо обязательной в каждом упорядоченном учреждении. Оборудованные помещения и классы, теплые комнаты, удовлетворительная пища, чистая постель, полная защищенность ребенка от произвола и самодурства старших, приветливый, простой тон отношений представляют тот необходимый перспективный минимум, без которого вообще трудно представить себе правильную воспитательную работу.

Однако мы должны считаться с тем обстоятельством, что бывают ребята, у которых уже выработаны привычки к ближайшим перспективам иного типа: показать свою силу над слабейшими, демонстративно грубо относиться к девушкам, рассказать скверный анекдот; материальные приобретения в форме кражи, вино – являются тоже стремлениями, расположенными на линии ближайшей перспективы. Для таких ребят сплошь и рядом упорядоченная жизнь детского учреждения не является чем-то настолько притягательным, что привычные стремления могут забыться. Поиграть в карты, выпить, поиздеваться над другими можно и в самых комфортабельных бытовых условиях.

Поэтому в молодом коллективе всегда может происходить борьба между старыми и новыми перспективными линиями. Именно в это время должно уделить самое большое внимание делу организации близкой перспективы. Кино, концерты, вечера, работа клубных кружков, вечера чтений и самодеятельности, прогулки и экскурсии должны оттеснять примитивные типы «приятного» времяпрепровождения.

Однако было бы большой ошибкой строить близкую перспективу только на принципе приятного, даже если в этом приятном есть элементы полезного. Таким путем мы приучим ребят к совершенно недопустимому эпикурейству.

С самых первых дней близкая перспектива должна уже строиться по коллективному плану. Ребята большей частью отличаются активностью, довольно заметным самолюбием, стремлением выделяться из толпы, стремлением к преобладанию.

Надо опереться именно на эти динамические стороны характера и направлять интересы воспитанников в сторону более ценных удовлетворений.

Перспективные линии имеют интересную особенность. Они привлекают внимание человека общим видом удовлетворения, но это удовлетворение еще не существующее. По мере движения к нему возникают новые завтрашние планы, тем более притягательные, чем более усилий вложено на преодоление различных препятствий. Надо дать возможность детям стремиться именно к таким удовлетворениям, которые требуют некоторого приложения труда. Если во дворе грязно, естественно, возникает представление о том, что нужно делать самую примитивную дорожку и тогда по двору будет проходить приятно. Но когда начинается работа по проведению примитивной дорожки, возникает новый идеал – сделать дорожку более капитальную. Начинается очень сложная работа, требующая больших усилий. Целые группы ребят вовлекаются в эту работу, она занимает несколько дней. Воспитатель в этом случае может наблюдать, как первоначальная простая перспектива удобной дорожки заменяется более ценной перспективой выполнения как можно лучше трудовой задачи.

Когда коллектив сживается в дружную семью, уже один образ коллективной работы захватывает как приятная близкая перспектива. Одна из важнейших задач руководства детского учреждения – организовать такую близкую перспективу, то есть общее стремление к завтрашнему дню, наполненному общим усилием и успехом. Если в учреждении создается такое настроение, воспитанники утром встают, уже увлеченные радостной перспективой сегодняшнего дня.

Работа по организации близкой перспективы должна проводиться регулярно в самых разнообразных формах. Работа эта очень легкая и интересная и никаких особенных хитростей не представляет. Достаточно, например, объявить, что через две недели будет происходить футбольный матч между командой данного учреждения и какой-нибудь соседней командой, чтобы у коллектива уже повысился оптимизм перспективного чувства.

Само собой разумеется, что игра перспективных линий только тогда будет действительна, если вы на самом деле заботитесь о воспитанниках, если вы на самом деле стараетесь сделать их жизнь более радостной, если вы не обманываете их, показывая заманчивые перспективы, которые потом оказываются несуществующими. Всякая, даже небольшая, радость, стоящая впереди, делает детей более крепкими, дружными, бодрыми. Иногда нужно поставить перед ним и тяжелую достойную задачу, а иногда бывает нужно дать им самое простое детское удовольствие: через неделю на обед будет мороженое.

Средняя перспектив а заключается в проекте события

несколько отодвинутого во времени. Это совершенно необходимо. Даже взрослый человек всегда имеет в некотором отдалении группы более или менее приятных событий: отпуск, поездка на курорт, повышение в звании и т. д. Для детей это еще более необходимо.

Таких событий не должно быть очень много.

Средняя перспектива будет иметь значение только в том случае, если к этим дням готовятся задолго, если им придается особенное значение, если к их основному содержанию присоединяются самые разнообразные темы: выступления, прием гостей, премирование, новые помещения и оборудование, результаты годового соревнования. Подготовка к такому дню (их не должно быть больше двух-трех в году) должна чувствоваться сначала только в форме коллективной мысли, бесед, соображений. Полезно, если по поводу проведения такого праздника возникает в коллективе два проекта и все занимаются разрешением вопроса, какой проект лучше.

Особенно приятным, задолго ожидаемым событием должен явиться летний отпуск. Он должен рассматриваться не только как время отдыха, но главным образом как перспективная точка впереди. Лишение воспитанников отпуска не только потому вредно, что лишает отдыха, а главным образом потому, что отнимает у них радостную перспективу.

Далекая перспектива **.** Несмотря на то что каждый воспитанник пребывает в учреждении временно, рано или поздно уйдет из него, будущее учреждения, его более богатая и более культурная жизнь всегда должны стоять перед коллективом как серьезная и высокая цель, освещающая многие частности сегодняшней жизни. Как показал опыт, ребята вовсе не безразлично относятся к далекому будущему своего учреждения, если в учреждении им хорошо и они его любят.

Такая далекая перспектива может увлекать ребят на большие работы и напряжения, может действительно составлять для них радостную перспективу. Это обстоятельство строится на естественном инстинкте каждого воспитанника как члена семьи.

Коллектив учреждения есть расширенная семья, и для каждого члена коллектива будущая судьба учреждения никогда не может быть безразличной. В особенности эта перспектива имеет большое значение, если учреждение не порывает с выпускниками, поддерживает постоянную переписку с ними, приглашает и принимает их во время отпуска в гости.

Стиль и тон общения с трудными детьми

На фоне широкой перспективы всегда легко и удобно располагаются личные перспективы далекого типа отдельных воспитанников. Как только воспитанник детского учреждения начал учебу, его уже интересует его собственное будущее. Обслуживание этого будущего составляет одну из важнейших задач всякого детского учреждения, и задачу довольно трудную.

Детское учреждение отличается от другого [однотипного] детского учреждения прежде всего своим общим стилем и тоном. Нормальный тон может быть только один. Прежде всего он должен отличаться явной **мажорностью**, однако он ни в каком случае не должен иметь характера приподнятой, постоянной бурливости, истерической напряженности, которая всегда неприятно бьет в глаза и которая грозит при первой неудаче сорваться и перейти в разочарование.

Мажор в коллективе должен иметь очень спокойный и крепкий вид. Это прежде всего проявление внутреннего, уверенного спокойствия, уверенности в своих силах, в силах своего коллектива и в своем будущем. Этот крепкий мажор должен принимать вид постоянной бодрости, готовности к действию, однако не к действию простого бега и метушливости, не к беспорядочному действию, а к спокойному, энергичному, но в то же время и экономному движению.

В общем тоне всегда должно чувствоваться, что отдельные воспитанники. Достоинство выражается, с одной стороны, сдержанной вежливостью к человеку незнакомому, приветливой готовностью быть хозяином, если постороннее лицо прибыло в учреждение по делу, и в такой же готовности оказать энергичное сопротивление, если постороннее лицо, не уважая коллектив, нарушает его интересы.

Наличие такого достоинства предполагает умение в воспитанниках ориентироваться быстро по отношению к отдельным лицам и к отдельным явлениям.

Нужно воспитывать у ребят такую способность ориентировки, нужно сообщать им привычку чувствовать, что происходит вокруг, узнавать и определять свое отношение к новому лицу, к постороннему лицу и быстро устанавливать правильную линию поведения.

Чувство достоинства возникает у воспитанников только тогда, когда учреждение, его жизнь и работа в значительной степени лежат на ответственности самих детей, разделенной с руководящим составом. Если организация и положение дел в

учреждении являются предметом общего внимания и общих усилий, только тогда каждый, даже незначительный, успех будет рождать и чувство достоинства.

На каждом шагу воспитывая самокритику, возбуждая стремление воспитанников вскрывать недочеты в работе учреждения, даже если для этого приходится критиковать администрацию и отдельных лиц, должно в то же время воспитывать и гордость, любовь к своему учреждению, желание, чтобы его слава была славой хорошей. Поэтому раскрывать местные неудачи и внутренние трения перед каждым встречным является поступком, подлежащим осуждению. Тем более воспитанники должны с достоинством переносить и некоторые лишения и не обращаться с просьбой об удовлетворении их нужд к людям, которых они впервые видят.

Только познакомившись с человеком, узнав, что ему нужно, какое он имеет отношение к учреждению, введя его в общую схему своей работы, воспитанники могут встречать его как друга и пользоваться его помощью. Такой стиль отношений в учреждении воспитывает чувство собственного достоинства, гордость и бдительность, являющиеся необходимыми элементами здоровой личности.

> Очень важным качеством тона, который необходимо воспитывать в учреждении, является командный дух, дружеское единение его членов.

Вторым очень важным качеством тона, который необходимо воспитывать в учреждении, является **командный дух**, дружеское единение его членов. Во внутренних отношениях, в будничной работе воспитанники могут сколько угодно «прижимать» друг друга, наказывать, но вне этих специальных форм воздействия они должны отдавать должное каждому воспитаннику, прежде всего потому, что они члены одной команды, защищать ее перед посторонними, не причинять ей никаких огорчений, не позорить ее. Этот командный дух в особенности должен проявляться во время общих авральных работ, штурмов, общей большой борьбы. В эти моменты никогда не нужно вспоминать никаких грехов и проступков отдельных лиц.

Третьим признаком нормального общего тона должна быть твердо определенная **идея защищенности**. Ни один воспитанник, как бы он ни был мал и слабосилен или нов в группе, не должен чувствовать своего обособления или беззащитности. В команде должно быть крепким законом, что никто не только не имеет права, но не имеет и возможности безнаказанно издеваться, куражиться или насильничать над

самым слабым членом. Прежде всего он должен находить обязательную защиту в своем отряде, классе. Поэтому и важно иметь длительно сохраняющиеся отряды. Во-вторых, он должен быть уверен, что в случае нужды он найдет защиту у любого старшего воспитанника, уверен, что и руководство учреждения также самым энергичным образом защитит его, если это будет необходимо. Какие бы то ни было попытки к насилию одних воспитанников над другими должны подавляться самым решительным образом.

Четвертым важным признаком общего тона является **активность**; она должна проявляться отнюдь не в беспорядочном беге или крике, а в постоянной готовности и любви к упорядоченному, деловому или игровому движению, к преодолению пространства и материала. В течение всего рабочего дня воспитанник должен быть разумно занят или работой, или учебой, или игрой, или чтением, или нужной для него какой-нибудь беседой. Он никогда не должен просто болтать, бесцельно проводить время, глазеть, толкаться между стенами не зная, куда себя девать. Только в организованной деятельности у него будет воспитана разумная, полезная активность, привычка и любовь к полезному движению.

Пятым важным признаком тона, признаком чрезвычайно важным должна быть **привычка торможения**; руководство детского учреждения постоянно должно развивать у воспитанников умение быть сдержанным в движении, в слове, в крике. Надо требовать соблюдения тишины там, где она нужна, нужно отучать воспитанников от ненужного крика, от неумеренно-развязного смеха и движения. Это торможение не должно иметь характера муштры; оно должно быть логически оправдано прямой пользой для организма самого воспитанника, эстетическими представлениями и удобствами для всех.

Особую форму торможения представляет вежливость, которую нужно настойчиво рекомендовать воспитанникам при каждом удобном случае и требовать ее соблюдения.

Воспитание общего тона происходит во всех плоскостях детского учреждения, в каждый момент работы, в жизни, в быту, в школе, во время игр и т. д. Многое зависит от поведения и тона учителей, воспитательского, руководящего и инструкторского персонала. Персонал сам должен в своем поведении удовлетворять всем требованиям, изложенным выше. Кроме того, у всего персонала детского учреждения должны быть выработаны специальные традиции и правила поведения. По отношению к воспитанникам руководящий и педагогический персонал всегда должен быть вежлив, сдержан, за исключением тех случаев, когда

требуется либо некоторое повышение тона в связи с новыми требованиями, либо такое же повышение в сторону большей его эмоциональности – во время общих собраний, общих работ, отдельных прорывов в коллективе. Во всяком случае никогда педагоги и руководство не должны допускать со своей стороны тона фривольного: зубоскальства, рассказывания анекдотов, никаких вольностей в языке, передразнивания, кривляния и т. п. С другой стороны, совершенно недопустимо, чтобы педагоги и руководство в присутствии воспитанников были угрюмыми, раздражительными, крикливыми. В отдельных случаях серьезных проступков можно допустить выражение негодования, но такой тон должен быть обязательно оправдан серьезностью проступка.

Как и от воспитанников, так и от педагогов и других работников детского учреждения необходимо требовать полного порядка и чистоты в костюмах, удовлетворительного состояния прически, усов и бороды, чистоты обуви, чистоты рук, остриженных ногтей и наличия носового платка.

Так же точно, как и воспитанники, педагогический персонал должен говорить тогда, когда нужно, и столько, сколько нужно, не должен валиться на стены и столы, не разваливаться на диванах, не плевать, не бросать окурков, не стряхивать на пол пепел, не ходить в помещениях в шапках и пальто.

Вот эти нормы внешнего поведения не имеют смысла, если нет и не воспитывается общий определенный стиль. И там, где захотели бы ввести такую внешность, не воспитывая ни способности ориентироваться, ни способности торможения, ни ответственности, ни четкости в работе, ни единоначальной ответственности, ни идеи защищенности, – там, конечно, такой внешней формы не будет, иначе говоря, она будет работать впустую. И только там, где есть общий стиль, стиль, построенный на постоянном коллективном движении и содержании, там, конечно, форма внешней вежливости, может быть, несколько напоминающая военизацию, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное, обратное действие, она уже делает коллектив притягательным и с эстетической стороны.

Я не представляю себе коллектива, в котором ребенку хотелось бы жить, которым он гордился бы, я не представляю себе такого коллектива некрасивым с внешней стороны. Нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни. А как раз мы, педагоги, очень часто страдаем некоторым нигилизмом по отношению к эстетике.

Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет

нисколько не меньшее значение, чем эстетика поведения. А что такое эстетика поведения? Это именно поведение оформленное, получившее какую-то форму. Форма сама является признаком более высокой культуры.

Поэтому здесь еще один отдел забот: приходя к эстетике как к результату стиля, как показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий.

Я не могу вам перечислить всех норм красивой жизни, но эта красивая жизнь должна быть обязательной. И красивая жизнь детей – это не то, что красивая жизнь взрослых. Дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений. И красота в детском учреждении не вполне может повторять красоту учреждения взрослого.

Вот хотя бы игра. Игра обязательно должна присутствовать в детском учреждении. Дети неиграющие не будут настоящей командой. Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бегает по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немного играет, он приближается к какой-то лишь ступеньке воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в игре. И я как педагог должен с ним немножко играть. Если я буду только приучать, требовать, настаивать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. Я должен обязательно немного играть, и я этого требовал от всех своих коллег.

Конечно, разговаривая сейчас с вами, я совсем иной человек, но когда я с ребятами, я должен добавить немного этого мажора, и остроумия, и улыбки, не какой-нибудь подыгрывающей улыбки, но просто приветливой улыбки, достаточно наполненной воображением. Я должен быть таким членом команды, который не только довлел бы над ней, но который также радовал ее. Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с непочищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности, если я болен, я должен уметь не выкладывать все этого перед детьми.

С другой стороны, я должен уметь разразиться. В прошлом году я читал в одном педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками. Там сказано: педагог должен разговаривать с воспитанниками ровным голосом. С какой стати? Почему ровным голосом? Я считаю, что это такой нудный

получится педагог, что его просто все возненавидят. Нет, я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что – не то сердится, не то педагогическую мораль разводит.

Это требование относится ко всем педагогическим работникам. Я без жалости увольнял прекрасных педагогических работников только потому, что постоянно такую грусть они разводили. Взрослый человек в детском коллективе должен уметь тормозить, скрывать свои неприятности.

Учреждение надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда мы были очень бедны, первым долгом всегда строил оранжерею, и не как-нибудь, а с расчетом на гектар цветов, как бы дорого это ни стоило. И обязательно розы, не какие-нибудь дрянные цветочки, а хризантемы, розы. И я, и мои ребята кохались в этих цветах до предела. У нас был действительно гектар цветов, и не каких-нибудь, а настоящих. Не только в спальнях, столовых, классах, кабинетах стояли цветы, но даже на лестницах. Мы делали из жести специальные корзинки и все бордюры лестницы уставляли цветами. Это очень важно. Причем каждый отряд вовсе не получал цветы по какому-нибудь наряду, а просто завял цветок, он идет в оранжерею и берет себе следующий горшок или два.

Вот эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви – это должно быть в детском коллективе. Ботинки должны быть всегда почищены, без этого какое может быть воспитание? Не только зубы, но и ботинки. На костюме не должно быть никакой пыли. И требование прически. Пожалуйста, носи какую угодно прическу, но прическа должна быть действительно прической.

Я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого. Поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги, инженер и архитектор ходили франтами.

Все это очень важно. Вот стол. Можно положить клеенку – хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл, и чисто. Нет, только белая скатерть, только белая скатерть может научить есть аккуратно, а клеенка – развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистая. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белой скатерти.

Так что серьезные требования надо предъявлять ко всякому пустяку, на каждом шагу – к учебнику, к ручке, к карандашу. Объеденный карандаш – что это такое? Карандаш должен быть

очинен прекрасно. Что такое заржавевшее перо, которое не пишет, что такое муха в чернильнице и т. д.? Ко всем педагогическим устремлениям, которые у вас есть, прибавьте миллиарды этих мелочей. Конечно, одиночка за ними не уследит, а когда все за этим следят и знают цену мелочам, с этим вполне можно справиться.

В дверях стоит человек с винтовкой. Он стоит в парадном костюме. Он должен следить, чтобы каждый вытирал ноги. Все равно – сухо на дворе или грязно – ни один человек не может войти в комнату, не вытерев ноги. И человек, который следит за этим, стоя на часах, прекрасно понимает, почему он должен следить, – потому что он каждый день вытирает пыль, а если вытирать ноги, пыли не будет совсем. Поэтому напоминать об этом не приходится. А посторонние часто удивляются: «Зачем мне вытирать ноги, я прошел по чистому тротуару». И мальчик должен ему объяснить: «Да, но вы приносите нам два грамма пыли».

Вот таких мелочей в жизни детей очень много, из них и составляется та эстетика поведения, которая должна быть в учреждении. Мальчик, который не плюет, который не вычищает нос при помощи двух пальцев, – это уже воспитанный мальчик. И эти принципиальные мелочи должны быть не только доведены до конца, но должны быть строго продуманы и сгармонированы с какими-то общими принципами. Сюда относятся многие мелочи, которые нельзя здесь перечислить, но все они могут исполняться красиво, здорово и в связи с общим движением.

На этом я заканчиваю. Я считаю, что то, что делал я и мои сотрудники, это делалось очень многими людьми. Я от них отличаюсь только тем, что я чувствую потребность требовать этого ото всех, то есть чувствую потребность проповедовать вот такие обычные положения, не мои личные положения, а имеющиеся у очень многих педагогов.

Личность педагога

Следует рассмотреть вопрос об индивидуальном влиянии, о педагогике индивидуального действия.

Значит, чрезвычайно важным является вопрос о выборе воспитателя. Как же выбирать, по каким признакам? У нас почему-то на этот вопрос обращают мало внимания. У нас считают, что любой человек, любой, кто угодно, стоит его только назначить на должность воспитателя и назначить заработную плату, он может воспитывать. А между тем это работа самая трудная, в итоге, возможна, работа самая ответственная и требующая от личности не только наибольшего напряжения, но и больших сил, больших способностей. Никто так не вредил, никто так не портил моей работы, никто так не сбивал в сторону налаженной годами работы, как плохой воспитатель. Поэтому я в последние годы пришел к твердой линии – работать без воспитателей совсем и пользоваться только теми воспитателями, которые действительно могут воспитывать. Это была неожиданная прибавка к моему плану. Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей, но и с ними нужно было вести большую работу, чтобы научить их воспитывать. Я убежден, что научить воспитывать так же легко, может быть, как научить математике, как научить читать, и я учил.

В чем заключалась такая учеба? Прежде всего в организации характера педагога, воспитании его поведения, а затем в организации его специальных знаний и навыков, без которых ни один воспитатель не может быть хорошим воспитателем, не может работать, так как у него не поставлен голос, он не умеет разговаривать с ребенком и не знает, в каких случаях как нужно говорить. Без этих умений не может быть хорошего воспитателя. Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать; чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает, то кого он может воспитывать?

Я убежден, что в педагогических вузах должны преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка голоса имеет значение

не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы уметь наиболее точно, внушительно, повелительно выражать свои мысли и чувства. Все это вопросы воспитательной техники. Например, относительно голоса, как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права, и если имеете право, то как вы должны показать. Это постоянное действие воспитателя и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас, слушает вас. Если мы идем в театр и любуемся актерами, которые играют прекрасно, то там эта игра – наше эстетическое наслаждение, а здесь воспитанник имеет перед собой такой же живой организм, но не играющий, а воспитывающий. Я не могу долго останавливаться на этом вопросе. Важно, что воспитатель должен быть активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательскую работу.

> Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать; чего он хочет в данный момент и чего он не хочет.

Во-вторых, ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Должна быть группа воспитателей, и там, где воспитатели не имеют единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там не может быть никакого воспитательного процесса. Поэтому лучше иметь слабых воспитателей, объединенных общей идеей, воодушевленных одной мыслью, одним принципом, одним стилем и работающих едино, чем десять хороших воспитателей, которые работают все в одиночку, как кто хочет. Здесь может быть очень много всяких искривлений. Вы, наверно, знаете такое явление, как явление любимого учителя. Я учитель в школе, и я воображаю, что я любимый учитель, а все мои коллеги – нелюбимые. Незаметно для самого себя я веду определенную линию. Меня любят, я стараюсь заслужить любовь, я стараюсь понравиться воспитанникам. Вообще, я любимый, а те – нелюбимые.

Какой это воспитательный процесс? Человек вообразил, что его любят, и поэтому он может работать, как ему нравится и как он хочет.

Я уважал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом

для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые воспитанники меня и любят, но я полагал, что пятьсот человек, которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому еще прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану. Это кокетничание, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносят большой вред воспитателю и воспитанию. Я убедил себя и своих коллег, что этого привеска… не должно быть в нашей жизни…

Пусть любовь придет незаметно, без ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред… Если он любви воспитанников не добивается, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам, и по отношению к самому себе. Такой коллектив воспитателей, объединенный общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников и может воспитывать детей.

Неправильно ведущие себя педагоги, которые кокетничают в одиночку и перед учениками и перед обществом, никого воспитывать не могут. И чтобы из педагогического персонала получились ответственные, серьезные воспитатели, есть только один путь – объединение их вокруг определенной фигуры, центра педагогического коллектива – директора. Это тоже очень серьезная проблема, на которую наши педагоги также должны обратить большое внимание. Если так много нужно потребовать от воспитателя, то еще больше нужно потребовать от того лица, которое объединяет воспитателей.

Коллектив педагогов должен быть собран не случайно, а составлен разумно. Должно быть определенное количество стариков, опытных педагогов, и обязательно должна быть одна девочка, только что окончившая педагогический вуз, которая еще и ступить не может. Но она должна быть обязательно, потому что тут совершается мистерия педагогики, так как когда такая девочка приходит и попадает в старый коллектив и педагогов и воспитанников, то начинается неуловимо тонкая мистерия, которая определяет успех педагогический. Такая девочка будет учиться и у старых педагогов и у старых учеников, и то, что она будет учиться у старых педагогов, сообщает и им ответственность за ее нормальную работу.

Я бы сказал, что очень большое значение имеет еще и просто внешний вид педагога. Конечно, желательно, чтобы все педагоги были красивы, но во всяком случае хоть один красивый молодой педагог, одна красивая молодая женщина обязательно должны

быть.

У меня был педагог Терский. Я дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно веселый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем. Он был несобран, но я добился, что он стал хорошим, настоящим педагогом. Иногда он был возмутителен. Он был семейным. Например, идем в театр, он тащит годовалого ребенка на руках. Я говорю: «Зачем ребенка тащить в театр?» – «А нужно, чтобы он с году привыкал слушать музыку»

Но потом получился из него замечательный человек. Он без веселья и минуты не мог ничего делать, причем он оказался удивительным мастером на всякие выдумки.

В моей практике я был убежден, что педагог, воспитатель или учитель, не должен иметь права наказания, и я никогда не давал ему права наказания, даже выговора. Во-первых, это очень трудная вещь. Во-вторых, я считал, что право наказания должно быть сосредоточено у одного лица, чтобы не путать и не мешать друг другу. От этого работа педагогов делалась труднее, ибо они должны были иметь авторитет.

Говоря об авторитете, многие педагоги убеждены, что авторитет либо дается от бога – родился человек с авторитетом, все смотрят и видят, что он авторитетен, либо должен быть искусственно организован. Поэтому многие говорят: «Что это вы при воспитанниках сделали замечание учителю. Вы подрываете его авторитет».

В моей практике я был убежден, что педагог, воспитатель или учитель, не должен иметь права наказания, и я никогда не давал ему права наказания, даже выговора.

По-моему, авторитет проистекает только от ответственности. Если человек должен отвечать за свое дело и отвечает, то вот его авторитет. На этой базе он и должен строить свое поведение достаточно авторитетно.

Я не могу останавливаться на методике работы отдельных преподавателей, это потребовало бы много времени, но я скажу, **как я сам с воспитанниками, с отдельными личностями работал как воспитатель.**

По отношению к отдельной личности я предпочитал и рекомендовал другим предпочесть все-таки атаку в лоб. Это значит, если мальчик совершил плохой поступок, отвратительный, я ему так и говорю: «Ты совершил отвратительный поступок».

Тот знаменитый педагогический такт, о котором так много

пишут, должен заключаться в искренности вашего мнения. Я не позволю себе ничего скрывать, маслить, я говорю то, что я на самом деле думаю. Это наиболее искренне, просто, легко и наиболее эффективно, но как раз не всегда можно говорить. Я считаю, что разговор меньше всего помогает. Поэтому, когда я раз увидел, что мои разговоры не нужны, я уже ничего не говорил.

Например, мальчик оскорбил девочку. Я об этом узнал. Нужно об этом говорить? Для меня важно, чтобы и без разговора он понял, в чем дело. Я ему пишу записочку и отсылаю в конверте.

Нужно сказать, что у меня были такие «связисты». Это десятилетние мальчики с глазами сложными, как у мухи: они всегда знают, где кого можно найти. Обычно такой связист – хорошенький мальчик, имеет большое значение. Я передаю ему конверт. В конверте написано: «Евстигнеев, прошу тебя зайти сегодня в 11 вечера». Мой связист прекрасно знает, о чем написана записка, что случилось, почему я его зову и т. д., всю подноготную знает, но и виду не подает. Я ему говорю:

– Отдай записку.

И больше ничего не говорю. Я знаю, как это делается. Он придет в столовую:

– Вам письмо.

– Что такое?

– Вас Антон Семенович зовет.

– Почему?

– Я сейчас тебе объясню. А помнишь, как ты вчера обидел такую-то?

А в половине одиннадцатого этот связист придет.

– Ты готов?

– Готов.

– Тебя ждут.

Иногда этот Евстигнеев не вытерпит и зайдет ко мне не в 11 часов вечера, а в 3 часа дня.

– Антон Семенович, вы меня звали?

– Нет, не сейчас, а в 11 часов вечера.

Он идет к ребятам. А они уже спрашивают:

– Что такое? Отдуваться?

– Отдуваться.

– А за что?

И до 11 вечера ребята его разделывают под орех. В 11 он приходит ко мне бледный, взволнованный всем сегодняшним днем. Я его спрашиваю:

– Ты понял?

– Понял.

– Иди.

И больше ничего не нужно.

В других случаях я поступал иначе. Я говорил связисту:

– Немедленно явиться!

И когда вызванный приходит, я говорю все, что я думаю. Если же это человек трудный, который мне не верит, против меня настроен, недоверчиво ко мне относится, я с тем разговаривать не буду. Я соберу старших, вызову его и в самом официальном, приветливом тоне буду с ним говорить. Для меня важно не то, что я говорю, а как другие на него смотрят. Он на меня поднимает глаза, а на других детей боится смотреть.

Я говорю:

– А дальше твои друзья тебе расскажут.

И они расскажут ему то, чему я их раньше научил, а он будет воображать, что это они сами придумали.

Иногда требуется особая система. Были случаи, когда я приглашал всех ребят, но чтобы не показать виду, что я приглашаю всех, чтобы разделаться с одним, я ставлю на стол чай, пирожные, ситро. Обычно ребята не знают, в чем дело, и страшно интересуются. И тут в беседе, за чашкой чаю, за шутками они думают, кто же виноват. И иногда даже виду не покажешь, кто виноват. А если они сами в разговоре расскажут, кто в чем виноват, то тут же над ним и пошутят. После чая все с хорошими чувствами, настроениями идут в спальню.

– Все было прекрасно, но вот видишь, как ты нас подвел.

И на следующую шестидневку я опять приглашаю их же чай пить. Они понимают, что это проверка, проверочное чаепитие. И они сами рассказывают мне, как они с ним поговорили, что он дал обещание, что назначили ему шефа:

– Не беспокойтесь! Все будет благополучно!

Один раз был такой случай, что началось чаепитие и вдруг обнаружился такой проступок, что дежурный командир предложил прекратить чай. И это было заслуженно. И все страдали на другое утро, так как их встречали вопросом:

– Ну, были в гостях? Пили чай?

– Нет…

Это все формы индивидуальной обработки. Особенно важны такие формы, которые приходят от самого воспитанника. Обычно мальчик или девочка приходят и говорят: «Мне нужно поговорить с вами по секрету».

Это самая дружеская и лучшая форма.

Но в некоторых случаях я позволял себе изменить фронтальную атаку и заняться обходным движением. Это тогда, когда против личности восстановлен весь коллектив. Тогда бить

фронтально человека нельзя, он остается без защиты. Все против него, я против него, и человек может сломаться.

Был такой случай. Была девочка, милая, хорошая, но побывавшая на улице. Далась нам она очень трудно, но через год начала исправляться, и вдруг пропали 50 рублей из тумбочки у ее подруги. Все сказали, что их взяла Лена. Я дал разрешение на обыск. Произвели обыск. Не нашли. Я предложил историю считать исчерпанной. Но через несколько дней в клубе, в читальне, эти деньги были найдены под гардиной, спрятанные в особые приспособления для закрывания окон, и ребята сказали, что они видели, как Лена вертелась около этих окон и даже в руках что-то держала. Все ребята сказали ей: «Ты украла».

Вижу, что ребята действительно убеждены. Они требуют наказания за кражу. Я вижу, что ни один человек не склонен стоять за нее, даже девочки, которые обычно в таких случаях защищают свою подругу, и те настаивают на наказании, и я вижу, что действительно она украла. Это вне всяких сомнений.

В таких случаях приходится применять обходное движение. Я говорю:

– Нет, вы не доказали, что она украла. Я не могу разрешить наказание.

Они смотрят на меня дикими глазами. Я говорю:

– Я убежден, что украла не она.

И пока они доказывают, что украла она, я доказываю, что украла не она.

– Почему вы убеждены?

– По глазам вижу.

А они знают, что я действительно часто узнаю по глазам. Она приходит ко мне на другой день.

– Спасибо вам, вы меня защитили, они напрасно на меня нападали.

Я говорю:

– Как это так? Ведь ты украла.

Тут я ее взял этим неожиданным поворотом. Она расплакалась и призналась. Но этот секрет мы только знаем, она и я, что я на общем собрании «лгал», чтобы ее защитить, зная, что она украла, отдал ее в мое полное педагогическое распоряжение.

Это ложь. Но я видел гнев детей. Ее могли выгнать, и, чтобы этого избежать, надо было пойти на такую штуку. Я противник таких обходных движений. Это опасная вещь, но в данном случае девочка поняла, что я обманул общее собрание для нее, что у нас есть общий секрет, и это отдает ее целиком мне как педагогический объект. Но эти обходные движения очень трудны и сложны. И на них можно решаться только в редких случаях.

Влияние детского учреждения на семью

В заключение необходимо сказать несколько слов об отношениях детского учреждения с родителями воспитанников. Здесь выводы также основаны на моем опыте. Последние пять лет мне присылали школьников, от которых учителя отказывались как от дезорганизаторов. Эти дети, конечно, труднее беспризорных. У беспризорного все дороги сходятся на учреждении, на мне и на учителях. У этого – папа и мама. А у папы иногда автомобиль и деньги. Попробуйте взять в обработку такого. Это труднее. И я пришел к необходимости крепкого контакта с родителями.

Средняя, старая и шаблонная норма вам прекрасно известна: когда вызывают родителей и говорят: вот ваш мальчик то-то и то-то сделал. Смотрят в глаза и думают: что родители с ним сделают. А у вас добродетельное выражение лица, и вы говорите: конечно, бить не надо. Отец уходит, вы никому ничего не скажете, а в глубоких тайниках, скрытых даже от жены, думаете: вот хорошо, если бы он все-таки постегал мальчишку.

Другая форма обращения к родителям. Для классного руководителя и директора ясно, что данная семья своего ребенка воспитывать не может. И тогда классный руководитель и директор что делают? Обычно они, хотя и пришли к убеждению, что семья воспитывать не может, идут в семью и начинают учить родителей, как надо воспитывать. Семья, испортившая ребенка, в большинстве случаев не поймет ваших поучений. Перевоспитание – дело очень трудное, и, если вы начнете натаскивать такую семью на педагогических действиях, можете еще больше испортить дело. Но это вовсе не значит, что нельзя воздействовать на семью. Наконец, мы обязаны ей помочь. И лучший способ воздействия – через ребенка…

Действие на семью через учеников можно усилить. Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том, что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы.

Вот такие бригады, ответственные через бригадиров перед директором, отдающие отчет на общих собраниях, – прекрасный метод воздействия на семью. Думаю, что вопрос о формах

влияния на семью нужно решать по такой логике: школа – это государственная организация, а семья – бытовая организация, и воздействовать на семью лучше всего через ученика.